

CEA[®]HC

Мария Беркович

НЕСТРАШНЫЙ МИР

УДК 376
ББК 743
Б 48

Книга издана при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию со средствами
массовой информации Санкт-Петербурга

Дизайн Любови Аркус, Светланы Бондаренко
Ответственный редактор Анастасия Власова
Фото на первой странице обложки Светланы Щагиной
Фото на последней странице обложки Натальи Арсентьевой

Беркович, М.

Б 48 Нестрашный мир / Мария Беркович ; [вступ. ст. Л. Аркус]. — СПб. : Сеанс, 2009. — 288 с. э

ISBN 978-5-901586-33-4

Эта книга — дебют молодого писателя Марии Беркович — документальное повествование в письмах, дневниках и рассказах. Ее герои — дети с нарушениями развития, их родители, волонтеры и педагоги, работники детских домов. Ее предмет — методы помощи, способы взаимодействия с другими, особыми детьми. Ее сюжет — любовь как мера вещей.

УДК 376
ББК 743
Б 48

ISBN 978-5-901586-33-4

© Беркович М., 2009
© 000 «Сеанс», 2009

О Маше Беркович

От издателя

Маше 24 года.

Впрочем, этот факт решительно ничего не объясняет в Маше, так как является чистой условностью — она кажется то подростком, то человеком, прожившим огромную жизнь, наполненную подробными трудами, ежедневными преодолениями, неустанным добыванием смыслов и неустанной же проверкой их на прочность.

Маша — дефектолог. Педагог, психолог, нянька для детей и выросших детей, у которых — аутизм, умственная отсталость, слепоглухота, множественные нарушения развития. Маша — частный репетитор у тех, кто живет в своих квартирах со своими родителями. Маша — волонтер в детском доме для тех, от кого родители отказались. Маша — автор рабочих записей, дневников, писем к друзьям, которые, по сути, те же рабочие записи. Собранные под одной обложкой, они перед вами.

Это — факты.

А вот моя версия.

Маша — воин, эльф, подвижник, философ, поэт, дочь смотрителя маяка, Малыш и Карлсон в одном лице.

Маленькая, короткостриженная девочка в длинном черном пальто с непомерно большим для ее роста рюкзаком за плечами. Там, в рюкзаке, среди многих, самых неожиданных предметов, необходимых для занятий с ее подопечными, — флейта. Маша умеет на ней играть. С рюкзаком она наматывает километры по питерским окраинам, через промзоны и спальные пчелиные соты — по частным урокам. С рюкзаком она курсирует из города N (дальний пригород большого города) в большой город, чтобы от всеми отверженных перейти к отверженным не всеми, — к тем, кого все-таки любят, хотя бы и только родители.

Маша, конечно же, не из века нынешнего. Это становится понятно с первого взгляда. И по внешнему ее облику (то ли мальчик Возрождения, то ли юная сестра милосердия призыва 1914 года). И по

тихой, внятной, чистейшей русской речи с округлыми интонациями, идеальными согласованиями, точнейшей пропорцией назывных, вопросительных, восклицательных предложений, органичным преобладанием сослагательного наклонения над прочими и полнейшим отсутствием наклонения повелительного. Речи, в которой нет даже сиюминутных проскоков современного новояза или слов-паразитов или попросту случайных слов. Так она говорит, и так она живет, и так она пишет — убедитесь сами, дорогие читатели, открывшие эту чрезвычайно важную для всех нас книжку.

Маша родом из какого-то такого времени, когда еще не была провозглашена ни смерть Бога, ни смерть Романа, ни крушение гуманизма, ни торжество постмодернизма. И, тем не менее, будучи из этого своего, неведомого времени, она, в общем, в курсе, что были Освенцим, и Холокост, и ГУЛАГ. Она знает это подробно и доподлинно (она вообще много знает) — а вопрос о том, возможно ли после этого искусство, для нее решен — вернее сказать, что для нее и нет такого вопроса. Искусство — возможно, потому что необходимо. Оно не спрашивает, оно возникает само по себе, неподвластное ни запретам, ни долженствованиям.

В частности, книжки возникают потому, что есть мысль, есть речь, есть вопросы, которые требуют ответа и опровержения этого ответа, а потом опровержения опровергнутого опровержения... И даже если ничего этого нет — ни мысли, ни вопроса, ни речи, ни опровержений — есть трава, песок, деревья, ложка, окно, свеча, будильник, имя, звуки, шорохи, время суток... И они как-то складываются друг с другом, или есть острая потребность сложить их как-то, связать между собой — книжка, которая перед вами, и об этом тоже.

В Маше есть простота, которая уже после всех хитросплетенных конфликтов и сложных человеческих рефлексий на все вышеупомянутые вопросы. В Маше есть та серьезность и тот непафосный пафос, которые уже сдали все зачеты по иронии и скепсису и, получив за них отличные отметки, выбросили их за полнейшей ненадобностью.

Маша написала книгу не о профессии. Она написала книгу о любви. О той самой, которая уже ответила на все вопросы, отменила все ответы, и прошла все смерти, смертию смерть поправ. Потому что, как мы знаем из одной, самой главной, книги, это единственный выход. К свету.

Любовь Аркус

Автор выражает свою глубокую признательность близким, друзьям, коллегам и учителям, но особенно людям, без которых эта книга была бы невозможна:

моим бабушкам *Галине Майзелис* и *Нине Катерли*,
маме *Елене Эфрос*,
хранителю *Александрю Гейзенцвею*,
моим друзьям и коллегам *Тане* и *Сабине*,
учителям *Нине Старосельской*, *Марии Дименштейн*,
Марианне Майер, *Ирине Карвасарской*,
Александре Черкасской, *Ците Келлер*,
Елене Микшиной и *Алле Тымкив*,
издателю этой книги *Любови Аркус*,
друзьям и адресатам моих писем
Льву Гондельману и *Екатерине Шипилёвой*.

Кабинет французского

Начало этой истории находится между началом конца детства и его окончательным концом.

Может быть, всё началось рано, в мои тринадцать и три четверти, или ещё раньше — в мои тринадцать с половиной, или с того, как тётя Надя продала дачу в Зеленогорске, Торфяная улица, а номер дома — удивительно! — но сейчас оказалось, что я его не помню. Может быть, даже еще раньше, в начале августа 1998 года. Это был очень трудный август. Тогда мы с дедушкой Мишей и Никифором (домашнее прозвище моей бабушки) уехали за тысячу километров от нашей дачи в Зеленогорске и жили в доме, который стоял в сосновом лесу. Я помню запах прошлогодней сырости в комнатах и вкус масла, полежавшего на открытой тарелке в холодильнике.

В это лето я вдруг поняла, что время идёт очень быстро, не успеешь оглянуться, как мама постареет и умрёт, и я сама постарею и никогда больше не поеду в лагерь в Финляндии, и дачу нашу снесут — дача была для меня тем же, что счастье. Так плохо, как тогда, мне никогда в жизни не было (а мне плохо бывает очень редко). Я лежала на верхнем этаже домика, вертела в руках старый

том Гайдара с повестью «Судьба барабанщика» и плакала. Я бродила по сосновому лесу и сочиняла какие-то глупые пьесы в стихах. Плакала и просила Бога, чтобы всё это поскорее кончилось. В самом деле, стало полегче.

Когда я приехала в город, оказалось, что тётя Надя продала дачу.

Про Зеленогорск я, наверное, не буду рассказывать. У каждого есть такой Зеленогорск. Не перечислять же: вокзал, заброшенная больница, лес, дорога на залив, крыша сарая, финские поезда, ты ждёшь маму в начале улицы, коробка для ложек и вилок, полосатая ваза. Это моё, это скажет мне всё, это сокровища, равных которым нет. Если бы я могла просто налить своё детство в чашку и дать выпить тем, кого люблю.

Любовь для меня начинается там, где соприкасаются два детства. Даже если о детстве не сказано между нами ни слова.

Любовь — я вспоминаю ночь накануне переезда на дачу, когда не можешь заснуть. Лежишь и смотришь, как на занавесках качаются тени деревьев. Окно приоткрыто. Кисловато пахнет такими маленькими желтыми букетиками, которыми усыпаны тротуары в начале июня. Всккиваешь и идёшь босиком на кухню. Бабушка, конечно, не спит, читает. Капает мне в рюмку пятнадцать капель корвалола.

Тётя Надя продала дачу.

С этого момента детство стало кончаться с невероятной скоростью.

Не стало детского, привычного, знакомого до последней третиинки счастья. Начиналось что-то неведомое и страшное.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Мы вернулись в город, и я плакала ещё день или два, пока мама не спросила меня, что случилось. Я сказала. Тогда мама объяснила, что бояться нечего. Время действительно идёт очень быстро, и мы действительно рано или поздно умрём. Вот тут-то и начнётся всё самое интересное. Поэтому можно думать о старении и смерти без страха, а с любопытством: такая большая и быстрая река — интересно, куда она принесёт меня?

Я сидела одна за партой и рисовала истории про то, как Эа, Омесса и Онарис отправились в путешествие за Синим Камнем. Герои рисовались быстрыми росчерками, схематично, они постепенно обретали признаки, имена. Откуда, как они появились в моём воображении, я не знаю. Мир строился и рисовался на стенах нашей комнаты в Апраксином переулке. На ободранных обоях танцевали чёрные фигуры, одна будто наклонилась, чтобы что-то поднять, другая держала в вытянутой руке свечу. Под потолком я написала имена своих героев: Анемон, Эа, Омесса, Онарис, Повелитель Ветров, Повелитель Оленей.

Был ТЮТ — театр юношеского творчества. Я любила его. Близких друзей, даже приятелей, не было, играла я в спектаклях мало. Любила коридоры, лабиринты, кулисы и декорации. Это было такое место для тихого аутиста. Можно было ходить, смотреть, думать и дышать этим воздухом. Я ходила в большой соседний концертный зал «Карнавал», когда там не было концертов, и бродила по его мраморным этажам. Танцевала, когда меня никто не видел. Балансировала на широких перилах (на высоте третьего этажа). Однажды меня поймали за этим занятием и привели к зав. воспитательной работой Ларисе Петровне.

— Зачем же ты ходила по перилам?

— Хотела покончить жизнь самоубийством, — со-
врала я. — Из-за несчастной любви.

Мы говорили около часа. Это был мой первый и един-
ственный разговор с ней.

И хоть я и не хотела кончать жизнь самоубийством,
было мне, вероятно, не слишком-то весело. Разговор с Ла-
рисой Петровной очень помог. С тех пор при встрече мы
всегда здоровались и улыбались друг другу. Ещё я очень
любила стоять на контроле, отрывать билеты. Там я себя
чувствовала на своём месте.

Спектакли — «Сирано де Бержерак», «Сотворившая
чудо» — знала наизусть. Наверное, не будь «Сотворив-
шей...», не стала бы я дефектологом.

Что ещё помню?

Дотронуться, за руку взять — лучше раскалённое же-
лезо.

Всегда жила во мне уверенность, что человек, которого
я люблю, об этом должен сам догадаться, то есть он уже об
этом знает. А я должна делать вид, что он мне совершенно
безразличен. Или хотя бы не необходим.

Зачем, главное? Бог его знает, так я тогда была устрое-
на. Я и сейчас так устроена.

Мне казалось, достаточно того, что я сама чувствую,
внутри себя, это и так мучает, и так жжет.

Школу я не любила из-за французского и математики,
да и вообще почти из-за всех предметов. Из-за того, что
меня дразнили. Я была неаккуратная — в рюкзаке раз-
ные бумажки и учебники по всем предметам, потому что
было лень вечером их вынимать, — и ходила по-уродски,
косолапо. И была ниже всех в классе.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Любила я кабинет французского. Он находился между четвёртым и пятым этажами, в тёмном коридорчике напротив кабинета химии. Дверь из коридорчика открывалась в свет. Кабинет всегда был полон солнца, даже в пасмурные дни. На низеньких окнах цвела красная герань, а по карнизам вечно бродили голуби. Пахло здесь чердаком: сухим деревом, пылью, солнцем, кровельным железом, облаками, небом.

Из окна были видны крыши до самого конца города, до подъёмных кранов в порту.

Вот там-то я впервые ощутила прикосновение нестрашного мира.

часть I
Письма с Онеги

Лёве

Дорогой Лёва!

Три года назад ты задал мне вопрос, а ответа так и не получил. Три года — это долго. Должна же я в конце концов ответить!

Хочу рассказать тебе о своём смятении, страхе, радости, отчаянье, — а это очень трудно. Поэтому я просто записала все свои мысли по порядку, вот и получился жуткий беспорядок.

Знаешь, Лёва, иногда я думаю — может, стоит сменить профессию? Мне очень трудно работать с людьми. Я их совсем не знаю. Но они меня завораживают, и я не могу просто взять и бросить всё.

* * *

Дорогой Лёва!

На занятия с Егором я иногда приезжаю слишком рано. Тогда я захожу в супермаркет «О'Кей». Я стою у входа и смотрю на стеклянные часы турфирмы «Нева». На ряды и кассы. На людей с тележками. Иногда я сама беру тележку и делаю вид, что покупаю. Меня завораживает логика движения и нестолкновения тележек. Я никак не могу понять её. В супермаркете я ребёнок. Растерянный, заблу-

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

дившийся, или радостный, убежавший. Это ничего не меняет. В любом случае, я только делаю вид, что покупаю.

Тогда я думаю о своих учениках. Я вижу их рядом. Они-то не делают вид, что покупают. На них косо смотрят. Их выгоняют, когда они опрокидывают коробку молока. Никто не поможет им разобраться в том, что вокруг.

Я напишу книгу, она будет называться «Дети в супермаркете». Но сейчас ещё рано. Книгу обычно пишут, когда что-то поняли. Как обобщение опыта. Вот, например, Януш Корчак¹. Многие люди всю жизнь зарабатывают право написать книгу. А у меня нет права писать о своих учениках. Я не знаю их. Может, я знаю о них даже меньше, чем они обо мне. Потому что им ничто не мешает судить беспристрастно. Однажды — это тоже было в супермаркете — я застряла в стеклянном лифте. Я поняла. Я смотрю на своих детей из стеклянного лифта.

Так вот, я напишу книгу, когда вырасту. Но вырасти мне не дают. Просят написать сейчас. Ладно. Если есть книги-завершения, пусть будет и книга-начало. Книга о тех, кто делает первые шаги навстречу друг другу и ещё ничего не знает.

* * *

Дорогой Лёва!

Сегодня день Святого Валентина. И эту книжку я должна дописать именно сегодня. Не знаю, почему так вышло.

¹ Януш Корчак (настоящее имя Генрик Гольдшмит, 1878–1942 гг.) — польский педагог, врач, писатель и общественный деятель. Погиб в Трешлинке вместе со своими воспитанниками из «Дома сирот», отказавшись от предложенной свободы. Автор повестей для детей и взрослых, а также около двадцати книг о воспитании, среди которых «Как любить ребенка» (1914 г.), «Право ребенка на уважение» (1929 г.).

Часть I. Письма с Онеги

Книжка, конечно, будет о любви, раз день такой. Хотя, напиши я её первого апреля или двадцатого ноября, она всё равно была бы о любви.

Выставили нас с Рустамом из класса.

То есть мы сами ушли. Я сказала:

— Рустам, давай-ка прогуляемся.

Потому что чувствовала: сейчас добрая, терпеливая Анна нас просто убьёт. Сначала-то всё было хорошо: мы нанизывали на проволочку большие бусины, Анна объясняла задачу Тане, Саше и Ирине. Потом лепили из теста. Весело.

Но Рустам устал и принялся дубасить тесто обоими кулаками, распевая: «а-а-лла! а-а-лла! улла! а! а! А!!»

Измученная Анна, которая к этому времени отчаялась объяснить Тане и Саше, что «на два больше» — это плюс, а не минус, схватила Рустама за шиворот и бросила себе под ноги. Он тихо лежал на животе под учительским столом.

Потом Рустам встал на колени и упал вытянутыми руками вперёд.

— Смотри-ка, — сказала Анна, — это он намаз делает! Эти... они ведь мусульмане? Или нет?

— Вроде мусульмане...

— Рустам, скажи: «Аллах Акбар».

— Хватит издеваться, — говорю.

— Да я не издеваюсь, — говорит Анна.

Рустам выглянул из-под стола и улыбнулся мне.

Открыл рот и приготовился запеть.

Тут-то мы и сбежали.

Сажу в коридоре на корточках, а Рустам у меня на коленях. Благо что лёгкий. Весит как пятилетний в свои восемь. Улыбается мне и обнимает за шею. Я рада. Обычно он в порыве чувств колотит людей кулаками.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Семь лет из восьми он прожил на скотном дворе в Краснодаре. Не умел пользоваться туалетом и ложкой. Раздевался и голый валялся на полу в классе. Игрушки первый раз увидел в интернате.

На открытом уроке, помню, раздала всем детям конфеты. Наша преподавательница говорит:

— А Рустаму-то дайте тоже!

— Он не будет есть. Не знает, что это такое, — сказала Анна.

Мать приводит Рустама в интернат в понедельник и забирает на выходные. Каждый раз она вталкивает его в класс. Рустам рыдает и кричит «аба! аба!». Мать отрывает его от рукава дублёнки. Ни разу не поцеловала.

— А что вы хотите? Это ребёнок от нелюбимого человека!

* * *

Дорогой Лёва!

Редактор считает, что я должна объяснить читателю, где что происходит. Вообще-то, всё, что происходит, происходит во мне, но это ведь мало что объясняет. Ладно, я признаюсь, что работаю в разных местах и с разными людьми. А то большинство думает, что только с аутистами. Ну да, с ними я тоже работаю. В Фонде. И на Онеге². Онега — это наш летний лагерь, он очень далеко. Письмо идёт целых две недели.

Ещё я иногда работаю в школе N, детдоме X и на дому.

Но это, по правде говоря, не имеет ни малейшего значения.

² Летний интегративный лагерь реабилитационного туризма Фонда «Отцы и дети». <http://www.otsyideti.org.ru/od/go.asp?view=onega>

Часть I. Письма с Онеги

Вхожу в комнату.

Ребёнок лежит на полу и рыдает.

Он в бешенстве, ему страшно. Успокаивать и отвлекать бесполезно.

Ложусь на пол рядом с ним и начинаю кричать, рыдать и стучать ногами.

(«Ты не один, я разделяю твои чувства, я такая же, как ты».)

Он на секунду перестаёт рыдать и взглядывает на меня. Мельком, искоса.

С остервенением кусает свою руку. Я тоже кусаю руку.

Через десять минут он перестаёт рыдать и начинает жалобно тянуть:

— Ммммммм...

Я тяну вместе с ним.

Выстраиваю простую мелодию:

— Ммм, ммммм... ммм... ммм...

Он смотрит на меня и хватает за волосы.

Я хватаю за волосы его. Не больно.

Он отпускает меня. Берёт мои руки, кладёт к себе на голову.

Я глажу его.

Он отходит на два шага, останавливается и оттягивает пальцами нижнюю губу.

Посматривает на меня. Я повторяю за ним.

Он садится за рояль и играет.

Медленно нажимает на клавиши.

Я отхожу.

Нужно дать ему побыть одному.

* * *

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Дорогой Лёва!

Когда рассвет едва заметной дрожью
Колеблет ночь и гаснет темнота,
Твоя душа идёт по бездорожью,
Единым хлебом ангельским сыта.
Не перейти тропу единорожью,
Не миновать запретные врата.
И ночь еще темней
Дремучего леса из старой сказки.
Ты стоишь перед ней
В пальто и свитере грубой вязки,
нет ни ночей, ни дней,
А лишь тишина наполняет связки.
Нащупываешь стволы,
Чувствуешь пальцами, как застыли
Ветки. И неизвестно — ты ли
Здесь проторяешь дорогу мглы
Или...
Лучше считай шаги.
И не надейся найтись по звуку.
Прикосновение чужой руки.
Что-то вложили в руку,
Шепотом «береги».
Голову наклони,
Остановись, напряженно слушай –
Кажется, скрип лыжни,
Кажется, где-то рожок пастуший³.

* * *

³ Здесь и далее стихи автора.

Часть I. Письма с Онеги

Дорогой Лёва!

Что-то я заснуть не могу. Хочется написать тебе об Анне.

Есть люди, за которых мне хочется молиться.

Твоя мама говорит, что у нас каменное сердце. Так вот есть люди, которые могут это вылечить

Первый раз я услышала Аннино имя просто так, без отчества.

— Один человек у нас пойдёт к Анне.

Всех учителей в начале практики нам представили по имени и отчеству.

— Маша у нас пойдёт к Анне.

(И все переглянулись).

Мы ходили по школьным лестницам, и А.С. спрашивала, заглядывая в классы:

— Анну не видели?

Анну никто не видел. Дети её где-то здесь.

Анна мне не понравилась. Выражением лица. Сперва я увидела в нем за скуку и равнодушие. Только потом нашла верное слово: безнадёжность.

Вся она была какая-то убитая. Безразлично смотрела на меня. Безразлично отвечала на вопросы. В классе сломанные парты. Голые стены. Ни одного цветка.

Меня возмущало, что Анна прямо посреди урока присаживается на парту и напевает. Как она может называть Сашку дураком? И не использует табличек! И работает кое-как! И на всё-то ей наплевать! На класс, на детей, на методику преподавания, на развитие слухового восприятия.

Я сказала:

— Анна — плохой учитель. Я не буду такой, как она.

Три Аннинных выражения:

«Дурдом-санаторий „Солнышко“» (это про класс).

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

«Меньше слов — больше дела» — про мои конспекты уроков.

И — «урок должен быть как песня».

Постепенно я её поняла. Это был отчаявшийся человек. Человек, опустивший руки.

— Понимаешь, — объясняла она мне, — дали мне класс. Они были совсем никакие. И вот за год я их вытянула так, что с ними стало можно работать. Тогда у меня их забрали и дали новых. Те вообще ничего не умели. За месяц я их кое-как привела в чувство. Тогда мне дали Настю с Рустамом. И у меня опустились руки. Если я работаю с классом, я бросаю этих. Работаю с этими — бросаю класс. Раньше я шла в школу как на праздник. Теперь я иду в школу как на каторгу.

Надо сказать, что, даже если исключить Рустама и Настю, Аннин класс — худшие из худших. Тяжелые из самых тяжелых. На нас приходили смотреть.

Анна срывалась, кричала на детей, хватала Рустама за шкуру и кидала под учительский стол.

Но было что-то, и это осталось...

Как Анна подозвала меня к себе во время урока:

— Встань сюда. А теперь посмотри на их глаза. Видишь? С этого момента можешь им ничего не объяснять. Уплыли...

Как она объясняла мне построение уроков. Всегда хвалила. Если я работала плохо, говорила:

— У нас с тобой не получилось.

А если мне что-то удавалось:

— У тебя получилось.

Как рассказывала про свой прошлый класс. Какие они были умные, всё ловили на лету. Всё, что только можно, она делала с тем, счастливым, классом.

Часть I. Письма с Онеги

Как к ней приходили «речевики», а попросту трудные подростки, вечная проблема директора — воры, беспризорники и двоечники, переведённые в нашу школу из обычной под давлением РОНО. Почему-то к Анне они испытывали доверие. Знали, какая она.

— Анна Дмитриевна, можно?

— А вы что не на географии?

— А ну её. Она истеричка какая-то.

Анна усмехалась, потом, опомнившись, вздыхала:

— Вот я не могу понять: как ты можешь называть истеричкой человека, который хочет дать тебе знания? И вообще, валите отсюда! У меня открытый урок. Не мешайте Маше. Ей и так тяжело. Машуля, гони их в шею.

Еще к Анне приходили слабослышащие двенадцатиклассники, мои ровесники. Я их очень боялась и утыкалась в книгу. Они на меня косо поглядывали и что-то обсуждали жестами. А Анну любили. И она их.

— Оболтусы! Маша, ты хоть что-то понимаешь из того, что они говорят?

Я чувствовала её бесконечную усталость, но только потом узнала, что Анна работает без выходных с восьми утра до 11 вечера на двух тяжелых работах.

— Я тоже раньше думала, что всем помогу и весь мир переверну... Если ты хоть одного вытянешь — значит, не зря живёшь. И тебе за одно это можно памятник поставить.

«Памятник поставить» — ещё одно любимое Аннино выражение.

Она любит детей и свою работу.

Работу, про которую у нас говорят: «с умственно-отсталыми — никогда. Хочется получать хоть какую-то отдачу».

В конце практики она сказала мне:

— Маша, главное, сохрани любовь к этим детям.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

У неё не осталось сил на то, чтобы каждый день пере-
ворачивать мир и спорить с Господом Богом о живых ду-
шах, которые Он ей должен.

Нам с ней было хорошо. Она сказала: «К концу прак-
тики я даже улыбаться начала».

Когда ты прикасаешься к страданию, если тебе удаётся
подарить отчаявшемуся немного сил, на тебя обрушива-
ется сильное и истинное — любовь, наверное. Любовь
в неразбавленном виде. Тогда ты понимаешь, что Бог есть.
Ради этого я хочу жить.

Мне стыдно перед Анной Дмитриевной за то, что
я ушла, а она осталась. И значит, опять перестанет улы-
баться. Стыдно за то, что я высыпаюсь, не отчаиваюсь,
не выбиваюсь из сил, не несу чужую ношу. Практика кон-
чилась.

Бога зову по имени
В тихом рассветном гимне:
Смилуйся, усыпи меня,
Смилуйся, помоги мне!

В утреннем легком веянье
Таинства ли, черты ли?
Тень по стене — мгновение,
Бой со стены — четыре.

Это ночные ангелы
Время шагами мерили.
Странно — да только странно ли?
Верю — да только верю ли?

* * *

Часть I. Письма с Онеги

Дорогой Лёва! Вчера я опять виделась с Антоном.

— Антон, что это?

— Тесто!

— А что мы будем делать?

— Тесто!

— Ну да, это — тесто, а что мы будем делать? Ле...

— Летать!

Вчера думала:

В каждой группе есть ребёнок, которого называют по фамилии.

А необучаемый ребёнок — это ребёнок, которого не обучают, только и всего.

У Бога необучаемых нет.

* * *

Привет, Лёва!

Сегодня мы узнали, что Андрюшу отправили в детский дом. Я тебе, кажется, не рассказывала про него.

Чаще всего Андрей говорит слово «казаки». Это означает всё хорошее.

Порисовать — казаки, качели — казаки, мелкие игрушки из киндер-сюрпризов — тоже казаки.

Он произносит это слово целиком, но как-то коротко, на одном дыхании, поэтому кажется, что это только один слог: казаки, максимум — два.

А первое его слово было: «Америка».

* * *

Дорогой Лёва!

Когда я первый раз пришла в Фонд и села в углу на стул, ко мне подошел мальчик и дотронулся до правой щеки. Так началось моё путешествие.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Мой редактор говорит, что лучше всё-таки объяснить, что такое Фонд. Фонд — это Фонд. Я там работаю с 2004 года.

Тебе пока всё понятно?

Спрашивай, если что.

* * *

Дорогой Лёва!

Когда я была поэтом, мне было обидно и досадно, что я не чудотворец.

Теперь я работаю с детьми, и мне страшно, что я не чудотворец.

Никакой другой труд не даст мне столько радости, вдохновения, умиротворения.

И столько страха, тоски, неуверенности.

Опасная работа.

Я ведь серьёзно: то пребываю на верху блаженства, то опускаюсь в бездну скорби.

Я серьёзно: дефектология — хроники пикирующего бомбардировщика.

Я хотела помочь детям справиться с их страхами, стереотипами, научить их устанавливать контакт с другими людьми.

И поэтому я бесконечно сталкиваюсь со своими страхами, негибкостью, неумением устанавливать контакт, чувствовать другого.

Меня бросает из крайности в крайность.

Я нетерпелива. Не с детьми нетерпелива, а с собой: хватаюсь за одно, за другое, ищу новое, не используя до конца старое.

Я теряю голову перед своими ошибками.

Часть I. Письма с Онеги

Я впадаю в отчаянье от своего неумения.
Я чувствую, что мне самой нужна моя помощь.
И за спиной я всё время ощущаю Бога, который говорит: «ты должна мне ещё одну душу».
И родителей, которые повторяют: «Ты в ответе за нашу новую надежду».
Поэтому мне страшно.

* * *

Дорогой Лёва!
Когда ты собирался быть врачом —
Я это время, кажется, застала,
Но это совершенно ни при чем

Я что-то ощутила за плечом
И прыгнула под ветер с пьедестала —
Обратно не заманишь калачом.
Бежала, догоняла, уставала,
Смотрела на попутчиков сычом,
Величия — увы — как не бывало.
И по горячим трещинкам земли,
Как девочка, играющая в классы,
Шепча себе «у волка не боли»,
Считая мир, не отходя от кассы,
Ловя часы, покуда не прошли.

Сидела на ступеньках
и крала
Насущный хлеб со школьного подноса,
У поварихи-жизни из-под носа,
Со страхом обходила зеркала,
И вскакивала из-за стола.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Снежинки спят. На вкус они горьки.
Их собирает ветер в вихорьки,
Они взлетают, как пылинки в храме,
А я смотрю на всё из-под руки
И ухожу с последними ветрами.

* * *

Дорогой Лёва!
Вчера была на родительской группе.
Мать:
— А я вот, девочки, думаю, надо найти Косте лесника.
Остальные:
— Кого?!
Мать:
— Ну, лесника. Где-нибудь в Новгородской области,
или ещё подальше, в чаще. Там же, девочки, лесничества.
Ещё остались. Я узнавала. А лесники — это же спокойные
люди. Они сами — как аутисты. Круглый год в лесу, без
людей. Ну, я подумала: научил бы он моего Котьку помо-
гать, хворост собирать, печь топить. Костя же умный. Он
научится. А потом, глядишь, сам лесником станет...

* * *

Дорогой Лёва!
Я занимаюсь с Рустамом в учительской. Другого места
для занятий в просторном бардаке школы N не нашлось.
С одной стороны, это, конечно, неудобно, а с другой —
очень познавательно. Потому что за два урока наших за-
нятий к нам заходит за журналами весь учительский состав
школы N.

Часть I. Письма с Онеги

Рустам — это местная достопримечательность. Потому что он «мальчик-Маугли», «детка из клетки» и так далее.

Примерно треть тётенок-учителей (как вы уже догадались, коллектив школы N на девяносто восемь процентов состоит из дам среднего возраста) подходит поближе и доверительным шепотом рассказывает:

— Вы знаете, такое ощущение, что его первые восемь лет жизни держали в запертом помещении... Голого... А пищу передавали через окошечко...

Иногда они интересуются: «Ну, как он? Есть хоть какие-то успехи?»

Я, конечно, бодро отвечаю, что успехов полно и вообще Рустам у нас **ещёвырастетивсемпокажет**.

Тогда они (не так бодро) улыбаются, берут свои журналы и уходят.

Некоторые не обращают на нас никакого внимания, как будто нас и нет. В чём-то они правы: я в школе не работаю, а Рустам вообще из ряда вон. Поэтому мы невидимые.

Иные тётеньки, наиболее нам симпатичные, здороваются, улыбаются и не мешают.

Остальные же смотрят на нас с таким выражением лица, за которое я бы не задумываясь лишала диплома педагога-дефектолога.

Одна сказала: «Он же опасен для общества!»

Сама ты опасна для общества, а прежде всего — для детей, с которыми ты общаешься пять раз в неделю по шесть часов.

— Знаете, он одну девочку чуть не придушил. Из четвёртого класса.

Представляю, как мой Отелло, который в свои девять выглядит на дистрофичные пять, душит одиннадцатилетнюю девицу руками, которые даже пластилин размять не могут.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Ещё одна (кстати, супермегапрофессионал со столетним, как минимум, стажем):

— Это что? Школа или дом инвалидов?
(Или дом престарелых, если на то пошло.)

Ну и ладно, а мы всё равно **имвсемпокажем**.
Пожелай нам удачи.

* * *

Дорогой Лёва!

Я не могу, когда Костя страдает.

Страдать — это лежать на рояле, засунув палец в рот,
и тянуть:

— Маа-хааа... нетааа...

Это значит:

— Маша, нет!

В смысле: «Маша, что бы ты мне ни предложила, нет,
нет, нет. Оставь меня в покое».

И ещё: «пост!» (то есть поезд метро, хочу поехать домой).

Пусть уж лучше ходит за мной и пытается укусить, с этим
мы справляемся.

Кусать и бить — это не плохо, это мы так общаемся.
Беседуем. Всегда можно перевести в игру. Гоняться друг
за другом, например, и играть ногами на рояле.

В самые хорошие дни можно даже потанцевать под
музыку («Маха! Песня!») или задуть свечки на торте из
конструктора («тортик свечка задуть!»)

Но так долго страдать я не могу!

P.S.

и на воде зеленоватый срез,
и не дотлели белые поленья,

Часть I. Письма с Онеги

и тишина,
и музыка небес
ещё дрожит на краешке вступленья,
усни, подменыш.
ветер, шевеля
верхушки трав и листья щавеля,
спускается кругами, замирая,
бесшумно нагревается земля
и лодки у рыбацкого сарая.

и умолкает пение цикад,
стихают голоса в июльской неге,
расходится сиреневый закат
по западному берегу Онеги,
и мир приподнимается волной,
в которой не вздохнёшь и не утонешь,
усни, дитя, не понятое мной,
несчастный человеческий детёныш.

* * *

Дорогой Лёва!
Сегодня ходила в школу N заниматься с Настей.
Настя — одноклассница Рустама.
И товарищ по несчастью: тоже «детка из клетки», «не-
обучаемая» и «опасная для общества».

Как и Рустам, она «учится в первом классе».

Им обоим необходим индивидуальный подход, ко-
торый учительница при всём желании не может им обе-
спечить. Настю перевели на индивидуальное обучение,
но ей пришлось остаться в классе, потому что учителей
не хватает. В начале дня Настя ведёт себя тихо: сидит

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

за партой и рисует домики и людей. Из-за очень плохого зрения ей приходится пригибаться к столу. Потом она подносит свои рисунки к глазам и рассматривает. И рвёт на мелкие кусочки. Это знак. Сразу после этого Настя начинает хныкать и хлопать себя по щекам. Никто не обращает на неё внимания. Она срывается с места и отшвыривает ногой стул. Опрокидывает парту. Разбрасывая всё на своём пути, несётся по классу. Однажды она сорвала со стены доску.

Учительница отводит её в туалет и умывает холодной водой. Этот способ считается универсальным. А что ещё учительница может сделать? У неё целый класс сложных детей.

У Насти последствия ДЦП, нарушение слуха и зрения. Ходит она быстро, широкими шагами, наклоняясь вперёд. У неё лицо следопыта и наблюдателя. Выражение, которое появляется на Настином лице в счастливые минуты, называется «слабая улыбка». Она тоже из страдальцев.

Скучает по дому. В школу её отводит отец, пожилой мужчина — Настя поздний, долгожданный ребёнок. Что называется, «домашний».

Домашний ребёнок в школе N почти неизбежно страдалец.

Учительница и психолог уверены, что Настя умственно отсталая и необучаемая. Однако я выяснила, что она умеет писать. Она не выводит корявые печатные буквы. У неё широкий летящий почерк талантливого человека. Настя стремительно пишет чёрным маркером.

Показываю на неё: кто это?

Пишет: «Настя».

(Необучаемый ребёнок).

Часть I. Письма с Онеги

Я вам говорю, маленькие дети так не пишут. Неличности так не пишут.

У Насти замечательная память: за одно занятие она запоминает десять слов-табличек и потом не забывает.

Но не говорит. Вообще. Не раскрывает рта. Даже кричит со стиснутыми зубами.

Пытаюсь научить её произносить самый простой звук — «а».

— Настя, покачаем куклу: а-а-а.

— Ммммм.

И кукла летит в угол.

Я люблю талантливых людей. Учительница говорит, что Настю ничего не интересует, но я знаю, что это неправда.

Сильная, свободная от природы душа, запертая в тишине, полумраке, где все движения затруднены, не может не страдать.

А что дальше?

Я не знаю, что дальше.

* * *

Дорогой Лёва!

Забыла тебе сказать — я теперь волонтер в детском доме. Прихожу два раза в неделю помогать.

Сегодня одна девочка залила меня, себя и всё окружающее пространство киселём.

Один мальчик верхом на горшке ускакал в угол и свернул с горшка другого мальчика.

Одной девочке не удалось почистить зубы, так как она встала на голову.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Ещё одна девочка, пока я пыталась вложить ей в руку ложку, другой рукой аккуратно размазывала кашу по столу...

Меня гложет нетерпение и желание показать им всё и сразу. Поэтому мне уже сказали:

— Маша! Ну нельзя же так быстро! Наши дети слабые...

Кроме того, моя голова отказывается вмещать информацию о том, где хранятся памперсы, на кого какой свитер, кого кормить сначала, а кого потом и т.д, и т.д, и т.д.

Я знаю, что у меня ко всему этому мало врождённых способностей. Я очень резко двигаюсь. Нетерпелива. Не умею делать «по-матерински». Путаю и роняю. И тому подобное.

Чему меня пять лет учили? Онеге спасибо, а то бы пропала совсем. Сострадания во мне мало. Я вообще его не знаю. Мною движет какой-то духовный голод, желание приблизить к себе мир людей, войти в него и найти там своё место.

Меня учит Заския, педагог из Германии.

Когда я смотрю на неё, то не верю, а просто вижу, как можно лечить любовью. Я тоже хочу так уметь. Когда она заходит в группу, всё озаряется светом — стены, ряды кроваток, лица детей, даже полка с памперсами.

— Извини, Везрочка, — говорит Заския с мягким немецким акцентом, — но сейчас мы будем тебя немножко двигать. — О-о... Какой ужас! Мешают спокойно лежать!

Верочка, до того безутешно рыдающая, закрывает рот и удивлённо смотрит на нас.

Я вижу Настю, которая глухо кашляет, к носу протянута трубка для кормления. Если присесть к ней на кровать, она обрадуется и закашляется ещё сильнее.

Слева лежит Аня с несгибающимися ногами, к ней иногда приходит мама. Под подушкой — «домашние» штаны.

Часть I. Письма с Онеги

Справа Галя, синдром Дауна, сидит в деревянном стульчике (именно «в»), требует общения: даёшь игрушку, она смеётся и выбрасывает.

Аршад с громадными глазами и ресницами, всё время на спине, пьёт из бутылочки, Олег со светлой и слабой улыбкой, слепой Владик, раскачивающийся под постоянное «Русское радио», рыдающий, в узел завязанный Алёша.

Даунята в манеже. Некоторые не умеют стоять. Разговаривают криком.

Сильный, свободолобивый и сообразительный Мурат, меланхоличная Маша, крошечная слабая Эвелина, Паша, похожий на поросёнка, — так же хрюкает, шмыгая носом, ровный и быстрый Дима.

А я? Я ещё ничего для них не сделала, не умею, не хватает любви, терпения и знаний, я не Заския.

Я вижу Надю, тело которой так напряжено, что голова откинута назад, а руки вытянуты вперёд.

И ты идёшь, идёшь вдоль решетчатых кроваток, наклоняешься, и тебе улыбаются, улыбаются, улыбаются.

P.S. Лёва,

я не могу сказать, чем отличается любовь от нелюбви, потому что я не верю в нелюбовь. Но мы очень много и успешно занимаемся тем, что пытаемся любовь всеми средствами заглушить.

* * *

Дорогой Лёва, вот как меня вывели из себя:

— ...первое занятие — по теме «семья». Это очень важно... Семейные праздники... Семья и школа... включить родителей... словарь: мама, папа, бабушка, дедушка...

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

— У меня в классе могут оказаться и интернатские дети, что мне тогда делать?

— А?

— Ну, дети из детского дома, если у меня в классе будут, как я им это всё...

— (раздраженно) Это вопрос не по теме! При чем тут мы? Они там в детдоме... пусть детдом ими и занимается.

* * *

Дорогой Лёва!

Я написала про моего ученика Егора. Причём довольно давно. Сегодня я с ним занималась, было трудно. Ровно — не бывает. Мы то «пребываем на верху блаженства, то погружаемся в бездну скорби». Сегодня как раз была бездна скорби. Потому что нельзя успокаиваться и думать, что всё понятно и просто, но об этом я тебе ещё напишу.

1. Егор из всех моих особых учеников самый особый. Особенный, можно сказать. Один из любимых.

2. Ему восемь лет.

3. Вес — 17 килограммов.

4. Не видит, не ходит, почти не слышит.

5. Мы с ним знакомы чуть больше года.

6. Его мама сказала мне:

— Понимаешь, я особенно не жду никаких результатов.

Но ребёнок должен заниматься. Работать.

— Но я не умею...

— Вот и поучись. Значит, обоим будет польза.

7. Егор — единственный сын.

8. Меня уговаривали отказаться. Его мать сказала: «Вы что, с ума сошли?!»

Часть I. Письма с Онеги

9. У Егора было всё: бесконечные больницы, препараты, массаж, бассейн, психологи, дефектологи.

На любой мой вопрос — «...а вы делали? а у вас было?... а у вас есть...» — мне отвечали: «конечно, делали!», «да было, было», «точно есть, надо поискать».

Перепробовали всё.

Сейчас с Егором занимаюсь только я. Два раза в неделю.

10. Нам трудно было понять друг друга. Помните: «слепая и глухонемая, она похожа на маленький запёртый сейф, который никто не может открыть»⁴.

Понимать нас учили бабушка и мама.

Егор яростно мотает головой и машет здоровой рукой.

Бабушка:

— Гляди-ка, веселится!

Наклоняет голову, весь перекашивается.

Бабушка:

— Просит, чтобы его положили.

Суёт палец в рот.

Бабушка:

— Смотри, злится, злится.

Шарит в воздухе в поисках бабушкиной руки.

Бабушка:

— Прыгать хочет. Ему лишь бы прыгать.

Это единственное, что любит Егор.

Поэтому мы чередуем занятия с прыганьем. У нас это как «пятёрки».

11. Занятий у нас много.

Мы играем на музыкальных инструментах, лепим из теста, исследуем комнату, учимся удерживать в руках раз-

⁴ Келлер Е. История моей жизни

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

ные предметы, находить источник звука, трогаем гладкое и шершавое, холодное и горячее, железное и деревянное, играем гремящими воздушными шариками, пересыпаем горох и фасоль, переливаем воду.

Сначала Егор яростно сопротивлялся. Теперь привык. Слушается. Что-то даже начинает ему нравиться. Немногое.

Но я в него верю.

12. Результаты? Мне кажется, что они есть. Но не в этом суть.

13. Некоторые (даже, наверно, многие) спрашивают: а зачем? То есть какой во всём этом смысл? Он же необучаемый?

Во-первых, я в необучаемость не верю.

Во-вторых, я считаю: если человек живёт, он должен развиваться. Что-то делать. Куда-то двигаться. Пусть со стороны и кажется, что это топтание на месте, но я-то вижу: сегодня он впервые протянул руку и поймал колокольчик. А сегодня крепко схватил деревянную ложку. Сам опустил ладонь в миску с фасолью, рассыпал её по ковру. Осмысленно — на какую-то секунду — прижал руку к моему лицу.

В-третьих, если всё это Егору и не нужно и мои знакомые правы, у меня остаётся последний, неотразимый аргумент: это нужно мне.

Лис

На тебя я все смотрю и молчу.
Если хочешь, мне смотреть запрети.
Можно, я тебя приручу?
Только мне потом придется уйти.

Часть I. Письма с Онеги

Я зажгу тебе звезду, как свечу,
И пущу ее на небо: лети!
Можно, я тебя приручу?
Только мне потом придется уйти.

Я тебя с ней говорить научу,
Различать ее в туманной ночи.
Хочешь, я тебя приручу?
Хочешь — ты меня приручи...

* * *

Дорогой Лёва!

Я знала, что рано или поздно это случится. Когда имеешь дело с такими людьми, как родители Рустама, можно ждать чего угодно. Точнее, можно ждать совершенно определенных вещей. И все наши с ним усилия пойдут прахом.

Я знала, что мать водит Рустама в школу, только потому что имеет возможность оставить его там на всю учебную неделю. Другой пользы от школы она не ищет.

Ей всё равно, научится ли Рустам хоть чему-нибудь.

Так вот, воспитательница, бравшая мальчика в свою группу во второй половине дня, уволилась. Больше никто не соглашается возиться с Рустамом. Группы и так большие. Ему отказали в интернате.

Мать Рустама забрала его из школы.

Это значит, что он вскоре забудет всё, чему его научили (в том числе и я). Перестанет есть ложкой, проситься в туалет. Пропадут все (и так минимальные) учебные навыки.

Я очень, очень расстроена.

Значит, всё было зря?

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Как мы играли! Кормили куклу, расчёсывали ей волосы. Рустам не умел играть, он и игрушек-то не видел, до того как пришел в школу. Он понемногу начал подражать моим движениям. Впервые произнёс звук «а». Собрал пирамидку.

Нам всегда было хорошо вместе. Он не хотел, чтобы я уходила.

Школа N — далеко не самое подходящее место для таких детей, как Рустам. Но это рай по сравнению с тем, что ждёт его дома. Дома требуют и хотят только одного: чтоб не мешал.

* * *

Дорогой Лёва!

Сегодня среда, ездила в детдом.

— Познакомься, это Лена, — говорит координатор Маша. — Она глухая. Недавно из дома, очень скучает. Но к ней приходит мама, и у Лены даже есть слуховые аппараты.

Лена сидит за решеткой кровати и смотрит на нас. У неё внимательные тёмные глаза, она коротко стрижена, как все, похожа на мальчишку. На вид лет двенадцать, но с возрастом в детдоме, скорее всего, ошибёшься.

— Она очень активная, такая, знаешь, любознательная девочка. Но её никуда не берут — ни к логопеду, ни в малую школу. Я как-то брала её в игровую, было очень интересно.

— А это Саша. Он слепоглухой. Ноги уже всё, поздно что-то делать, а руки очень хорошо работают. Сам всё берёт, интересуется. Умный мальчик.

— Слушай, — говорит мне директор программы, — ты же сурдопедагог? А почему ты не можешь пройти практику у нас в Павловске? Мы тебе глухих детей найдём и бумагу в институт напишем.

Часть I. Письма с Онеги

Да, действительно. В Павловске людей всегда не хватает, а в спецшколах мы, практиканты, только мешаем. Сбиваем процесс. «Портим детей». Нужно, в самом деле, пойти к завкафедрой и поговорить.

— Нет, нет, Маша, — говорит завкафедрой, — однозначно нет. Там же дети... это... необучаемые.

* * *

Под ногами хрустит щебёнка,
Голоса в темноте негромки
Ты приводишь сюда ребёнка
И сажаешь у самой кромки.

Он сидит на песке прибрежном,
Голову запрокинув,
И глаза уголками вверх,
как рисуют у арлекинов.

Он твоей не услышит дудки,
Он глядит далеко и мимо,
Для него не проходят сутки,
Ибо время неразделимо.
Голос неба ему неведом,
Он не молится так, как все.
За тобой он не ходит следом
По янтарной речной косе.

Он спокоен и он бесстрашен,
Как уснувший в полях Иаков.
Он не строит высоких башен
И не чертит глубоких знаков,

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Он пройдёт по земле счастливым,
Не оставив следа на ней,
И размочит ночным приливом
Отпечатки его ступней.

Вот и не было. Вот и сразу
Тяжело, горячо и бело,
Словно видели краем глаза,
Словно ветка плечо задела,
Так лучи над водой и сушей
На закате бегут, скользя,
И звенит бубенец пастуший,
Который поймать нельзя.

* * *

Дорогой Лёва!

Музыкотерапевт Алеся сегодня, кажется, заболела,
и Санька очень страдал.

Дворовый мальчик Валера называет Саньку «чудо в ботинках». И верно, одна яркая черта Санькиной внешности — тяжеленная ортопедическая обувь. Вторая — рот. Я написала бы «улыбка», но трудно назвать улыбкой это выражение восторженного изумления. Как будто ты увидел какое-то чудо и глубоко вдохнул: ХАаа...

Может, поэтому «ха» или «кха» — единственное, что Санька произносит.

Утвердительно. Вопросительно. Недоверчиво. Презрительно. Восхищённо.

Увидит магнитофон, кулаком себя в грудь: «кха!»

— Что, у вас дома тоже магнитофон?

— Кха! Ха!

Часть I. Письма с Онеги

Так, наверное, представляют себе русских блаженных. Понимает всё. Знает всё. Всё чувствует. Но говорить не хочет. Поздно спохватились, в девять лет. Может быть, говорил бы.

Я помню, было это летом, на горе, на Онеге, между деревней и озером. Мы с ним шли за руку, пыльные, усталые. И вдруг — не знаю, что случилось — я встала перед ним на колени и стала просить: «Скажи, ну скажи: «домой», «идём домой», скажи «домой», пожалуйста!»

Он мотал головой и отворачивался. Я так долго простояла. Всё просила. Казалось мне, ещё минута, ну, две — и скажет. Не сказал.

* * *

Дорогой Лёва!

Черный город в снежном одеяле.
Сквозняки гуляют по полам.
Я стою на чём-то. На рояле.
И сгибаю что-то пополам.

Что-то гнется с грохотом и треском
В ледоход сшибающихся льдин.
Хочется подраться. Драться не с кем:
На рояле только я один.

Я стою у края, дальше — бездна,
За спиной — обжитый мной уют.
Забиваться в угол бесполезно:
Видят. Беспощадно достают.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Но меня спуститься не заставишь
На качели (Господи, тоска!)
Дотянуться пробую до клавиш
Самым-самым кончиком носка.

Выключили свет. По крайней мере
Так я в безопасности вдвойне.
Кто-то ходит от стены до двери,
Лампочки мигают на окне,

То, что я ломал, давно изъяли —
Значит, делать нечего теперь.
Я стою на чем-то — на рояле,
И смотрю, как открывают дверь.

* * *

Дорогой Лёва!

Сегодня покрасили Фонд: коридор и маленькую комнату. Два цвета: светло-зелёный и светло-голубой. А поскольку Алина нарисовала на стене игровой комнаты бушующее море, мы оказались совсем под водой (раньше казалось, что под землёй). Ладно, невозможно определить, где мы находимся. В нашем подвале теперь и небо, и море, и город под потолком, и весь мир (огромная карта), и лесной водопад (фотообои). Наш маленький аутичный мир тире другое измерение.

«Ну, короче говоря, — неловко dokonчил доктор, — ваш ребенок родился в... в другое измерение, — Хорн даже не кивнул. Он стоял и ждал. — Ваш ребенок жив, здоров и отлично себя чувствует, — со всей силой убеж-

Часть I. Письма с Онеги

дения сказал доктор Уолкот. — Вот он лежит на столе. Но он непохож на человека, потому что родился в другое измерение».⁵

Я безумно горда, потому что покрасила целый коридор.

— Маша, вот мне вчера показали мастер-класс! — говорит Евгений Сергеевич. — Покраска, так сказать, тремя движениями. Вот смотри: берёшь, туда-сюда... Я сам это помещение красил. Три раза подряд. Так сказать, в одно жало.

...слышно, как И.Б. говорит по телефону.

— Макс! Понимаешь?! Если ты ещё раз сюда позвонишь, я позвоню на телефонную станцию и скажу, чтобы тебе отключили телефон! Нет, я не буду говорить про глаза. Нет, потому что не буду. Слушай, Максим, или ты нормальный человек, у которого есть девушки и работа, или ты весёлый аутист, который говорит про глаза и про лётчиков. Ты понял? Нет, я спрашиваю, ты понял?!

Стук трубки.

Через пять секунд телефон звонит снова.

— Алё. Нет, Макс, до свидания. Потому что до свидания! Потому что я ещё в отпуске, понимаешь? Я хочу отдохнуть, это ты понимаешь? Нет, мне неинтересно слушать про цветное бельё. Кому-нибудь другому расскажешь про Сергея. А я не хочу. Всё, пока.

Звонок.

— Алё. Сказала — больше не буду с тобой разговаривать. До свидания.

Звонок. Телефон звонит минут пять. Наконец успокаивается.

⁵ Р. Брэдбери. «И все-таки наш...». Пер. с англ. Н. Галь.
Можно прочесть — http://www.lib.ru/INOFANT/BRADBURY/r_iwsetaki.txt

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Я с наслаждением вожу валиком по стене.

— Маша, — говорит Евгений Сергеевич, — ты поменьше экспрессии. Покраска стен — это ювелирная работа. А ты как-то уж очень импульсивно. Это дело не терпит суеты.

Хлопает дверь. За дверью оказываются Лена с сыном Пашей. Они растерянно смотрят на нас.

— О! А чего это вы решили покрасить?

— Чтобы ты спросила! — кричит Володя из комнаты.

— А мы на занятия приехали, — говорит Лена.

— Лена! А занятия начинаются с октября!

Лена грустно разглядывает голубые стены. Паша уносится во двор.

Я задумываюсь и закрашиваю зеркало синей краской. Очнувшись, лихорадочно вытираю его грязной тряпкой.

Хлопает дверь.

— А мы на занятия, — говорит Миша, появляясь в проёме. Его дочь Настя застывает в изумлении при виде новых стен.

— А ты второй! — радостно кричит Володя из комнаты. — А занятия с октября.

— Ну потому что дураки же, — сокрушается Миша.

— Зато ты не один, — утешаю я.

— Водостойкие акриловые краски. Рекомендуется использовать при окраске помещений, — подытоживает Миша. — А чего это вы? А я вот шесть лет красил. И сейчас Настю оставляют в школе, потому что я вырезаю лазером дубовые листочки...

Настя легонько гладит меня по голове. Потом говорит:

— Нику дать! (книгу дать) — И идёт к полке.

Там она переворачивает всё вверх дном, раскидывает по полу раскраски, выбирает пять или шесть хороших книжек.

Часть I. Письма с Онеги

Коридор закончен. Мы любимся. У меня зелёные волосы, синие руки и пятнистые штаны.

— Знаете, И.Б., Эти цвета оставляют такое странное ощущение. Успешности?

И.Б. смеётся.

P.S.

— Здравствуй, — говорю.

Бросается к маме с криком: «Не хочу вежливый! Хочу невежливый!»

* * *

Дорогой Лёва!

У Егора приступ. Мне трудно понять, что происходит в его голове. Я представляю себе серую армию, берущую на приступ крепость. Дрожат стены и трещат крепостные ворота. Я вижу розовое море и ударяющие в воду молнии. Мне даже кажется, что я слышу треск электрических разрядов.

С утра Егор веселится и просится прыгать. Вдруг его лицо мрачнеет. Точно как перед грозой. Егор — человек, у которого внутри своя гроза. Обычно она спит. Я не знаю, что будит её. Нужно быть очень осторожным.

Когда приступ, нужно накрыть лицо Егора чёрной тряпкой. Тогда ему лучше. И ещё важна прохлада.

Через несколько часов гроза засыпает опять. Бабушка записывает время приступа: 15.32.

* * *

Дорогой Лёва!

К Уне меня отправила мама Егора. Говорит, приезжает моя подруга из Америки. У неё дочка — Егорина ровесни-

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

ца. Вместе лежали в больнице. Потом они уехали в США. Теперь прилетают на месяц по делам. Я Лене рассказала, что ты с Егором занимаешься, и она хочет, чтобы ты месяц позанималась с Уной.

— А что с ней?

— ДЦП тяжелый, тяжелей, чем у Егора, не может ходить совсем, не сидит, спину не держит. Слепота. Но слышит.

— А что она умеет?

— Видишь, Маша, дело всё в том, что недавно у неё был инсульт. И если раньше она поворачивала голову на своё имя: «Уна», то теперь не знаю. И ест через трубку.

— А...

— Результата никто требовать не будет, — перебивает она меня. — У Лены нет никаких иллюзий. Она очень понимающая мама. Но она тоже хочет, как я, чтобы с Уной занимались, чтобы она не просто сидела в своём кресле, а что-то делала. Чтобы не просто существовала, а жила. Понимаешь?

— Понимаю, — говорю.

Я прихожу на Железноводскую улицу. Там сейчас очень хорошо — и цветущие яблони, и сирень, и черёмуха. И рядом гавань. И ветер.

Уна полулежит в коляске. Она очень похожа на свою русскую маму и при этом совсем не похожа на русскую. Типичная американка. От неё веет заграницей — надёжностью, ухоженностью и уверенностью.

И при этом возникает чувство туманного берега, песчаной косы, по которой идёшь и ни в чём не уверен. Чувство хрупкости, непостоянства и причастности к тайне.

Как всегда, не могу подойти сразу, наблюдаю.

Мама говорит:

— Уна! А кто пришел?

Часть I. Письма с Онеги

Уна никак не реагирует.

Мама говорит:

— Who is there?

Уна начинает медленно улыбаться углом рта.

Лена говорит, что никаких срочных результатов она не ждёт, ей важно, чтобы Уна общалась с новыми людьми и знакомилась с новыми ощущениями. Я могу не бояться, девочка очень спокойная и терпеливая. Многим ведь страшно с такими детьми, потому что те не могут сказать, что не так...

(я подумала: страшно не только поэтому)

Мы остаёмся наедине.

— Привет, Уна, — говорю я.

Она пугается незнакомого голоса, и её руки взлетают вверх, к плечам. Защитный жест — «сейчас ударят».

— you are... you are, — пытаюсь я вспомнить что-нибудь по-английски, — you are a pretty princess!⁶

(О, Боже!)

Но Уна довольна. Угол рта снова приподнимается в улыбке.

Мы поняли друг друга.

Мы играем на разных барабанах, бубнах и бубенцах, надетых на руки (и на ноги) под «I love you, you love me, we're a happy family»⁷.

У меня всё с бубенцами. Все игрушки могут звенеть, греметь, трещать или пищать.

Как хорошо, что Уна слышит.

* * *

⁶ ты прелестная принцесса!

⁷ Я люблю тебя, ты любишь меня, мы — счастливая семья...

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Дорогой Лёва!

Кто такая Надюша?

Это первый ребёнок из павловского детдома, которого я взяла на руки.

Взять Надю на руки довольно трудно, потому что она совершенно прямая и вытянутая. Носочки вытянуты, как у балерины. Руки вытянуты вперёд.

Вдобавок она страшно худая, потому что очень мало ест. Не любит.

Её кормят из бутылочки. Выплёвывает. Мой папа говорит, что негативисты делятся на громких бунтарей и тихих саботажников, так вот Надя — именно второй случай. Нянечки то ругают её, то уговаривают, а всё без толку.

Надя — маленькая. Ей пять лет.

Когда я подхожу к её кроватке, она обычно лежит на боку: носочки вниз, руки вперёд, голова откинута назад. Мрачная (ещё один страдалец). Брови сдвинуты. Дотрагиваюсь до нее (или зову), она сильно вздрагивает, ещё сильнее морщит лоб — и сразу улыбается. Она всегда улыбается, когда с ней заговаривают. Лицо её в эти минуты — не знаю, как сказать ещё, — озаряется светом. Она улыбается и цокает языком. Иногда говорит: ы-ы, ы-ыы... радостное и страдальческое — вот и все её выражения.

Надино тело можно немного расслабить. Тогда я сажаю её на колени, спиной к себе. Мы слушаем музыку. Надя очень музыкальна. Ей бы «карусель», что вешают над кроватками малышей — она крутится, и звучит музыка, как из музыкальной шкатулки.

Я пытаюсь вложить в её руку погремушку, или шелковый платок, или шуршащую букетную обёртку. Так мы сидим полчаса. Потом она устаёт.

Часть I. Письма с Онеги

Я приношу Надю Гале, которая сидит и тянет своё «бомм, бомм», — подношу её к Галиному стульчику — «Галя, вот это Надя». Галя выпячивает нижнюю губу, гладит Надю по стриженной голове и тянет мою руку вверх — а теперь ты меня.

*** * ***

Дорогой Лёва!

Дефектология:

- 1.** погоня за благоприятным моментом.
- 2.** собирать шарики с пола игровой комнаты.
- 3.** бегство от общества, замаскированное под служение ему.
- 4.** когда перестаешь сомневаться в материальности этого мира. И того.
- 5.** любая звучащая, шуршащая, выпуклая вещь приобретает исключительно важное значение.
- 6.** тепло и настойчивость.
- 7.** никогда не выходить из себя, держать железной хваткой.
- 8.** постоянная готовность подпрыгнуть к потолку и упасть на пол.
- 9.** ты постоянно утоляешь свой сенсорный голод.
- 10.** когда в твоей голове начинают возникать образы предметов.
- 11.** система.
- 12.** взгляд изнутри, сверху, в упор, ускользящий, из будущего, на равных.
- 13.** когда ты обязан знать, чего ты хочешь.
- 14.** когда нельзя судить по себе.
- 15.** когда звучат цвета и светятся звуки.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

- 16.** оркестр мира.
- 17.** когда Бог не хочет, а ты хочешь.
- 18.** когда ты уже не можешь не видеть, не слышать и не осязать.
- 19.** когда можно всё, но только в рамках поставленной задачи.
- 20.** когда ты чей, где, зачем, куда, кому, когда.
- 21.** ты понимаешь зыбкость правил, но должен их придерживаться.
- 22.** когда ты должен забыть об идеале, но постоянно к нему стремиться.
- 23.** бутылка с запиской.
- 24.** когда Бог есть.
- 25.** летающая тарелка или космический корабль.
- 26.** механика, а не электроника.
- 27.** китайская шкатулка. Никогда не вынешь того, что положил.
- 28.** когда крысолов уводит детей, которые не слышат, или не видят, или не понимают его дудки.
- 29.** ученичество у мира.
- 30.** то, чего не должно быть.
- 31.** непреклонная гибкость.
- 32.** «А мы пойдем другим путем!»
- 33.** мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее там, где она этого не ожидает, — наша задача.
- 34.** когда любое ваше... может быть использовано против вас. И за вас. И вообще никак не использовано.
- 35.** когда мелочей не бывает, но всего предусмотреть нельзя.
- 36.** когда ты хочешь слишком много и только при этом условии что-то получаешь.

Часть I. Письма с Онеги

- 37.** не жизнь, а жизнь1 (жизнь-А, жизнь-В, жизнь-С, другой вариант жизни)
- 38.** непонятная и раздражающая настойчивость.
- 39.** твой последний шанс понять, что всё индивидуально.
- 40.** когда заменимых нет.
- 41.** стекло и соломинка реальны, как никогда, и ты продаешь соломинку сквозь стекло без малейшего сопротивления.
- 42.** все знаки условны, но так же реальны, как их предметы и понятия.
- 43.** мир объездных маршрутов и бега напролом.
- 44.** если ты будешь только собой, он с тобой не пойдет, а если только им, то никуда не сможешь его привести.
- 45.** когда ты можешь предложить ему только свой мир, но обязан предоставить хоть какой-то выбор.
- 46.** одна нога здесь, другая ТАМ.
- 47.** ты принимаешь его таким, какой он есть, и не довольствуешься этим.
- 48.** то, что вы хотели узнать о жизни, но боялись спросить.
- 49.** место, куда стараются не заглядывать.
- 50.** не обращает внимания на отсутствие, ставит на наличие.
- 51.** никогда не говори, что она — единственный выход.
- 52.** «...не гордится, не бесчинствует... не раздражается, не мыслит зла... никогда не перестаёт⁸»
- 53.** готова ко всему.
- 54.** не имеет сослагательного наклонения.

* * *

⁸ Ср. Первое послание к Коринфянам ап. Павла, глава 13, стихи 4-8.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Дорогой Лёва!

В детском саду музыкантша спрашивала детей после неаполитанской песенки: какая она? Весёлая... еще какая?

— Задумчивая, — сказала Габи.

— Это тебе стоит задуматься, — сказала музыкантша.

Габи думала.

Неаполитанская песенка не радостная и не грустная. В ней этого нет.

У воды нет вкуса. Вода утоляет жажду. Что чувствуешь, когда пьёшь воду?

Вода и неаполитанская песенка — это любовь.

* * *

Дорогой Лёва!

Интересно, что как раз умственно отсталые никогда не казались мне глупыми.

Глупым может быть только человек с нормальным интеллектом.

Как бы это объяснить?

* * *

Дорогой Лёва!

Я ведь ничего не умею. Не знаю, как дать больному ребёнку таблетку, если он её выплёвывает. В конце концов, какую таблетку? Не разбираюсь я в них.

Не знаю, как делать массаж, как быстрее укладывать спать.

Даже правильно открывать влажные салфетки — и то не умею.

Часть I. Письма с Онеги

Я работаю с детьми, вроде бы, почти специалист. И я не знаю элементарных вещей, которые знает любая мама без всякого образования.

* * *

Дорогой Лёва!

Егор встречает меня с таким выражением лица, что не дай Бог.

Этот ребёнок в последнее время делает успехи — даже бабушка заметила, — но заниматься всё равно не любит. Два раза в неделю — это совсем мало. Нужно каждый день. Ежедневно и понемногу открывать для него окружающий мир.

— Он же чувствует, когда в комнате становится теплее? Покажите ему печку, дайте почувствовать, что она источник тепла. Я понимаю, что вам тяжело его переносить с места на место.

— Он же знает, зачем нужна ложка? Показывайте ему разные ложки. Дайте потрогать чашку, тарелку. Я знаю, как это трудно, — ведь он может одну ложку каши держать во рту два часа. Но всё-таки.

— Показывайте ему на прогулке деревья — чтобы он потрогал ствол, ветки, листья. Я понимаю, что очень тяжело каждый день тащить коляску по отвратительной дороге.

— Он знает, что такое залив? Да, вам уже не под силу перетаскивать Егора через переезд.

— Пусть он сам пробует натянуть штаны, снять кепку. Да уж, переодевать его два раза в день и без этого утомительно.

Егор не ходит в школу.

* * *

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Дорогой Лёва!

Старшему — семь.

Младшему — пять.

Они абсолютно разные.

Старший — тёмный. На самом деле он светлый шатен, но сейчас я не вижу его и представляю только тёмные волосы. Глаза у старшего карие, широко открытые — лихорадочные глаза.

Младший — светлый. Глаза зелёные.

Старший похож на небольшое цунами или маленький Везувий. Он направлен наружу, в мир. Все бушующие в нем страсти он тотчас выплёскивает на вас. У старшего подвижное лицо — особенно удаётся ему выражение изумления и страдания.

Младший похож на ровную поверхность Лох-Несса.

Старший смотрит прямо на вас — пристально и требовательно. Подходит вплотную и перебирает пальцами у вашего лица. Иногда он так заморожен этим змееобразным движением, что забывает о собеседнике. Подпрыгивает, щурится и тяжело дышит.

У младшего ускользающий взгляд. Он смотрит на вас, только если вы не обращаете на него внимания. Иногда он наблюдает из-под прикрытых век. Но чаще глядит прямо, сквозь. Однако отлично схватывает мир боковым зрением.

Старшему тесно в пространстве. Такое чувство, будто он хочет сбросить его с себя. Он налетает на стулья. Падает вместе со скамейкой. Стоит на цыпочках и, прищурившись, тревожно вглядывается в мир. Может вывалиться из окна первого этажа вместе с оторванной занавеской.

Младший с пространством играет. Он виртуозно проскальзывает, просачивается и огибает. Он вызывает в моей памяти сказку о девочке, которая умеет ходить между стру-

Часть I. Письма с Онеги

ями дождя и остаётся сухой. Иногда вы видите, как он стоит на верхней ступеньке деревянной лестницы, ведущей на крышу. Смотрит прямо и легонько покачивается на носках. Вы бросаетесь к лестнице, чтобы помочь ему спуститься, а он равнодушно наблюдает, как вы лихорадочно пытаетесь засунуть его под мышку.

Старший ищет общения с вами. Он порывисто обхватывает вашу шею руками или с размаху плюхается на колени — иногда вы от неожиданности теряете равновесие и падаете вместе с ним. Усевшись на вас, он наблюдает за движениями своих пальцев.

Если ваше общество надоедает старшему, он с неожиданной силой рвётся из рук.

Младший делает вид, что не замечает вас, особенно если вы хотите привлечь его внимание. Обычно он вступает в контакт в трёх случаях: если его заинтересует то, что вы делаете или держите в руках; если при помощи вас можно залезть НА ВЫСОТУ; и если вы МЕШАЕТЕ ЕМУ ЖИТЬ — отнимаете, тащите, навязываете. Но младший может посидеть у вас на коленях, особенно если вы будете слегка раскачиваться. Вы почти не почувствуете его веса. Он может заснуть, прислонившись к вам. Если вы не будете специально этого добиваться.

Старший говорит. Его любимое слово — нет. Он бурно дышит — так, что весь наполняется воздухом, и произносит на выдохе:

— нет... нет... нет....

Он весь — обида, отчаянье и страстная решимость — вытянут в струну, брови сдвинуты, углы рта опущены, ноздри раздуваются. Иногда старший произносит фразы. Например:

— Сумочка не унитаз.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Младший молчит. У него спокойное и сосредоточенное лицо — временами оно даже кажется безмятежным. Иногда младший поёт без слов, чётко выдерживая ритм.

Старший играет своим телом.

Младший любит всё длинное: палочки, ложки, зубные щётки. Они годятся для того, чтобы выстукивать ритмы.

Старший бунтует открыто. Он громко и настойчиво плачет. Быстро успокаивается, когда рядом никого нет. Старший во гневе шумен, прям и последователен. «Дай — успокойсь». Его гнев направлен на вас, это способ связи.

Младший плачет потому, что ему плохо. Потому что мир вдруг отказывается послушно течь. Его слёзы — не бунт и не способ добиться своего, они нужны, чтобы заглушить боль. Младший во гневе страшен. Не дай вам Бог оказаться на его пути. Ему всё нипочём. Он исступлённо кусается, стучит ногами и сбрасывает на пол всё, что попадётся под руку. Дом выглядит как после Хрустальной ночи⁹.

Успокаивается долго и тяжело.

Старший уносит из дома только понятные вещи: например сгущёнку. Ясно, зачем она нужна. Он захватывает её, используя прямой напор. Подходит к полке и говорит сквозь вдохи:

— Сгущёнка... сгущенка... сгущёнка.

Он хватает банку у всех на глазах, ясно давая вам понять: мне нужна сгущёнка — дай. Вы отнимаете её, он рыдает, но быстро утешается. Значит, не судьба. Вы — не дали — ему — банку. Он потерпел поражение в борьбе с вами. Вы сильнее. Старший это понимает.

Младший может и унести, и принести. Появляется на кухне с чайной ложечкой или кочаном капусты, прижатым

⁹ Ночь с 9 на 10 ноября 1938, во время которой по всей Германии прошли еврейские погромы, положившие начало Холокосту.

Часть I. Письма с Онеги

к груди. Уносит все ножницы. Ловко берет острый нож, чтобы постучать им по столу. Он проскальзывает мимо, и вы не замечаете пропажи. Вы можете случайно увидеть его на улице с вашей последней открывашкой. Младший не пробует убежать от вас. Вы для него не существуете. Существует только нужная прекрасная вещь. В их диалоге вам нет места. Не вмешивайтесь.

Старший врывается к вам, как буря. Он пронесется мимо вас и исчезает в комнате. Вы идёте следом и обнаруживаете его на вашей кровати под одеялом.

— Слезай, — говорите вы. — Это моя.

— ...нет... нет... — говорит старший и тянет на себя одеяло.

После недолгой борьбы старший водворяется на кухню.

Если вы долго не видите младшего, скорее всего, он уже в комнате. Тут всё зависит от его настроения. Совет: не лезьте под горячую руку.

Старший больше похож на собаку. Будьте дружелюбны, тверды, последовательны, терпеливы. Попадите в настроение.

Младший — на кошку. Будьте тактичны, неторопливы, наблюдательны. Попадите в ритм.

Нет смысла выбирать между миром старшего и миром младшего. Подозреваю, что это один и тот же мир.

В мире вообще много всего.

* * *

Дорогой Лёва!

Я отыскала стихотворение Пастернака, которое мы никак не могли найти в тот последний день в Риге.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Мы ехали в автобусе на Онегу. Ночью я очень замёрзла, шел дождь, а на рассвете стало ещё холоднее, но тучи разошлись, и небо было ослепительное. В районе Медвежьегорска, когда Гриша устал щипать меня за руку и заснул, положив голову мне на колени, я открыла книгу в случайном месте и нашла. Стихотворение называется «Август».

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую,
И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на проводы
Шли по лесу вы друг за дружкой.

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по старому,
Преображение Господне.

* * *

Дорогой Лёва!
Девятилетний Никита (здоровый) сказал сегодня о семилетнем Антоне (аутисте):

Часть I. Письма с Онеги

— Ну так приятно теперь смотреть на него! Знаешь, когда ребёнку радостно, то и тебе радостно!

Никита любит рассказывать про Антона:

— В первый день похода Антон ничего не ел: ни супа, ни каши. И не говорил ничего. На второй день — тоже. Весь третий день проспал в палатке. А на четвёртый проснулся рано-рано и три раза повторил: я хочу кушать, я хочу кушать, я хочу кушать. Маша ему говорит: Антон, сейчас ещё рано, кушать будем позже. А он: кушать позже, кушать позже. И заснул. И с тех пор всё ест: и суп, и кашу. И всё говорит.

Мы с Никитой решили, что Антоново вечное пение «э-э-э... тататата...» — это Великая Песнь Мира.

— Когда он перестанет петь Великую Песнь Мира, мир кончится.

— О великий наш брат, — говорил Никита, — спой нам ещё Великую Песнь!

Никита слушал Настины длинные речи, в которых я понимала только «Дамбо»¹⁰, «папа» и «поедем».

— Это она рассказывает, как они с папой поехали на поезде и вошел продавец мороженого, потом они вышли и пошли на дачу, там она смотрела мультики про Дамбо... А дальше я не понял.

* * *

Дорогой Лёва!

Захожу, а Шурка сидит и решает примеры.

¹⁰ «Слоненок Дамбо» — мультфильм Уолта Диснея по книге Хелен Эберсон и Гарольда Перла о маленьком цирковом слоненке, прозванном за свои непомерно большие уши Дамбо — глупым. Окружающие смеялись над ним, но нашелся веселый мышонок Тимоти, который стал ему настоящим другом, помог поверить в себя и неожиданно открыть удивительный талант — умение летать с помощью своих гигантских ушей. Так молчаливый и неуклюжий слоненок превратился в величайшую звезду цирка.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Очень оригинально: предлагает правильный ответ, потом, видимо, сомневается в собственной компетентности и начинает выдавать варианты «от балды».

Над ним стоит мама — не хотела б я ей попасть под горячую руку — и смотрит на Шуру убийственно.

Шура бросает в неё дактильным¹¹ неправильным ответом — «два!» и плачет крупными слезами.

* * *

Дорогой Лёва!

Наше утро начинается с пения.

Сначала сверху слышится мелодичный скрип:

— ЭЭЭЭ... Э-Э-Э, ЭЭ-Э-Э!

Потом мычание. Потом оно переходит во что-то, напоминающее тувинское горловое пение. Когда со словами, когда без слов. Обычно так:

— У-У... УУ-У-У! Ы-Ы-Ы-Ы!

Это песня из трёх нот. Не вполне проснувшись, я вскакиваю и задираю голову. Антон сидит на кровати в невозмутимой позе йога и смотрит чуть левее меня глазами цвета светлого асфальта.

— Антон! — умоляю я, — тише! Дай поспать!

На некоторое время наверху воцаряется тишина. Но стоит мне с облегчением закрыть глаза, как сверху раздаётся шепот:

— ЭЭ-ЭЭ-Э-Э... ЭЭ-Э-Э...

¹¹ ДАКТИЛОЛОГИЯ (от греч. daktylos — палец, logos — слово), дактильная речь, ручная азбука, создана монахами, давшими обет молчания. Используется в сурдопедагогике как вспомогательное речевое средство при обучении глухих словесной речи, а также в общении глухих между собой или со слышащими.

Часть I. Письма с Онеги

Звук постепенно нарастает.

Справа от меня заскрипели пружины. Второй Антон садится на кровати.

— Ксю. Ксю. Ксю. т. т. Ксю.

Ощущение такое, будто капли падают в таз с водой.

— Я хочу... Я хочу...

— Что ты хочешь?

— Ксс-а! Ксю. Ксю. Я... хочу! — говорит он, сверкая итальянскими глазами.

Мы слушаем дуэт:

— Ээ-э-э! Ээ-э-э!

— т. ксю. ксю. ксю. ксс-аа!

Слева доносится:

— Я поеду домой в город Выборга!

— Аня, лежи, рано!

— Не рано. — Голос постепенно переходит в плач. —

А домой к маме Кате и папе Юре!

— Аня, ещё рано!

— Мама Катя тебя ждёт! — Хнычет Аня. — Я хочу Анечкино день рождения! Хочу подарит Анечкино подарки! Где моя добрая папа Юрочка?

— Аня, посмотри: все спят!

— (ээ...ээ... ксю. ксю. ксю.)

— Не спят! А одеваться!

— Света, — трогательным тоном просит Анечка, — я хочу в Москва к дедушка Ленин.

— Аня, где твои колготки?

— А где моя дедушка Ленин?! — (нащупав под подушкой «Русский язык» 1985 года издания) — А вот она Ленин!

Хор:

— Ээ-э-э! Ээ-э! Ксю. Ксю. Ксс-са. Ксю. Я хочу домой, город Выборга!

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

На чердаке волонтер Алишер пробует тростниковую флейту. Легко дует в неё:

— ууу... ууу...

— ээ-э-э! ээ-э-э!

— ксю. ксю. ксю.

— хочу город Выборга...

— ууу... ууу...

Мы всё-таки встаём (деваться окончательно некуда) и отправляемся варить кашу для оркестрантов.

Проходя мимо двери, я замечаю, что Настя успела одеться и сидит на застеленной кровати. Она провожает меня медленным взглядом черепахи Тортиллы.

— Настя! — говорит Света. — Что надо сказать?

— Доб-ро-е ут-ро!

* * *

По воскресеньям, уложив детей,
ключ повернув на четверть оборота,
мы шли среди развешенных сетей
на берег, где зелёные ворота
заканчивались. Дальше мы не шли.
Смотрели на окрестности земли.

Мы заставляли час, когда вода
озёрная становится отвесной,
и можно перепутать без труда
рыбачьи острова и Град Небесный.
Шуршанье днища и уключин скрип,
горит на мачте призрачный светильник
и ожерелье из сушеных рыб
висит на перевернутой коптильне.

Часть I. Письма с Онеги

Сквозь темноту просвечивали брёвна,
обкатанные озером. Внутри
спокойно спали,
там дышали ровно
и ёжились в предчувствии зари.

На кромке озера,
на одеяле мха
послушай, как Вселенная тиха:
то рост луны,
и мерный треск цикады,
и ровное дыхание стиха.

* * *

Дорогой Лёва!

Сегодня пятнадцатое сентября, а каждое пятнадцатое
число у нас в Фонде собрание.

Начинается всё с того, что я прихожу (потому что это
собрание моими глазами).

Код двора, дверь Фонда, звенит колокольчик, хлопает
дверь.

В полупустой пока администрации накурено и сыро.
Алина поедает паданцы, горкой лежащие на кофейном
столике. Я заглядываю в соседнюю комнату и здороваюсь
со спиной В.П, главного и единственного бухгалтера. Он
не слышит.

Ладно, возвращаюсь и сажусь на продавленное сиде-
нье. Не оглядываясь, входит И. Б. — быстрая, маленькая,
с нахмуренным лбом и сигаретой в зубах.

— Здравствуйте, И. Б.

— Здравсьте, — бормочет, полуобернувшись, И. Б.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

— Вова! — кричит она в соседнюю комнату, — он говорит, что можно!

— А кстати говоря, если получится то, что я задумал, — рассуждает Ж. Ж. откуда-то из коридора, — мы сможем получить двадцать — двадцать! — тысяч зеленью. Ми-ни-мум! Тот олигарх, с которым я вчера говорил, сам сказал...

— Ну-у-у, Женя. Это нам вообще не подходит! — говорит И. Б., нажимая на слово «вообще». — И почему ты вечно пьешь со всякими алкоголиками?

— Ира, ты несправедлива. Я пять ночей составлял обращение для Матвиенки. Спал пятнадцать минут. Это давний проект... Мы свободно можем рассчитывать... Десять тыщ поощрительных для каждого сотрудника. Долларов, конечно, не рублей. — Красивым жестом нищего миллионера достает пачку сигарет и закуривает.

И. Б. мечется по комнате. Хлопает дверь, входит Катя с неизменным рюкзаком и выражением лица:

— Мама, — начинает она, повернувшись к И. Б., — Оставьте мне пятницу для индивидуальных. И у меня нету денег на автобус.

Через полчаса в крошечное помещение набивается пятнадцать человек, Катя вооружается блокнотом и карандашом — так начинается кровопролитное действие: надо разодрать рабочую неделю на пятнадцать частей и рассовать всех по двум маленьким комнатам.

Вокруг Кати и блокнота собирается толпа, причем каждый старается заполучить первую половину буднего дня.

— Я не могу ездить из Зеленогорска из-за двух часов!

— Я же езжу со Ржевки ради часа!

— У меня получается трехчасовой перерыв между занятиями!

Часть I. Письма с Онеги

- Кто ко мне поедет в десять утра в воскресенье?
— Нужно же куда-то запихнуть Данилу!
— В понедельник работает шесть человек. Распишайте их равномерно по вторнику.
— Я не могу во вторник.
— Алеся, три музыкотерапии в неделю — это слишком. Не остается времени на логопеда.
— Пожалуйста, могу вообще не работать.
— Саша Макарова! Ты можешь передвинуть свое индивидуальное на полчаса назад?
— Как вы себе представляете физкультуру в МАЛЕНЬКОЙ КОМНАТЕ?
— Так же, как обучение в ИГРОВОМ ЗАЛЕ.
— Я тебя записываю на пятницу. Со скольких до скольких?
— Всё равно. Когда хочешь.
— Кто заниматься будет? Ты. Сама решай.
И так далее. В конце концов ажиотаж спадает: кое-как, но время и место разделили.
— Было бы у нас ПОМЕЩЕНИЕ!
Помещение — волшебное слово и произносится почтительно, с большой буквы. ПОМЕЩЕНИЕ у нас — как Москва у трех сестер. Все упирается в ПОМЕЩЕНИЕ, откуда ни начни.
Если будет ПОМЕЩЕНИЕ, нам не придется тесниться в двух комнатах полуподвальной квартирки. Мы развернемся! С какой скоростью аутисты будут вылечиваться, когда мы получим ПОМЕЩЕНИЕ!
«Когда мы будем жить просторней, мы купим себе оленя. Он будет жить в ванной.»
— У нее есть двухкомнатная квартира.
— Да там же жилец.
— Выгнать. Окупится.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

— Не окупится.

— Но если зарабатывать в месяц пятнадцать тыщ. Минимум.

— Вообще-то да. Половину им, половину нам, кому какое дело.

Такие планы обсуждаются с блеском в глазах, бешеной жестикуляцией, криком, возгласами ужаса и радости. Двадцать тысяч! Триста тысяч! — Мы напоминаем нищих аферистов в Америке 20-х годов.

— Если каждый даст хотя бы по пятьдесят долларов... — доказывает И.Б., — Ведь сколько мамашек каждый день тусуется на американских аутичных форумах? Если каждая дойдет до уголовного банка...

— Да ну, кому это нужно?

— Подумай: тысячи матерей, и хотя бы каждая пятая даст хотя бы пятьдесят. Напечатать обращение, разбросать по всему мировому Интернету. По-английски, немецки, французски...

— И тогда, — заканчивает она, откинувшись на спинку дряхлого стула, — у нас всё будет лучше, чем у всех.

* * *

Дорогой Лёва!

Саша заболел. А в прошлый раз мы очень хорошо с ним поговорили.

— Саша, иди поговори с Машей.

— Нет, вы лучше тут пока... побеседуйте.

— Ну в самом деле, поговоришь часик, а потом пойдёшь домой.

— А ты мне дашь чем-нибудь угоститься?

— Нету у меня угоститься. Просто так давай поговорим.

Часть I. Письма с Онеги

Бабах!

— Я подожду, пока ты успокоишься. Всё, слезай со стола. Нет, не надо стулья ломать. Хватит, всё. Сядь.

— Все любимые слова сказал?

— Так нельзя говорить?

— Да нет, можно, только зачем?

— Я буду себя вести, как хочу.

— Я тоже. Сними ноги со стола.

— Я психую. Нельзя психовать?

— Можно.

— Нет, не надо психовать. Успокойте меня. Вот так.

— Давай, успокой себя сам. Разложи картинки.

— Я вам буду подавать по одной.

— Ладно, давай по одной. Поставь крышку стола на место. Глянь, что тут нарисовано?

— Подождите... подождите... Долго подождите.

— Что же тут нарисовано, а?

— Возьмите у меня картинку. Вытяните, чтоб я почувствовал.

— Ты сначала скажи, а потом я вытяну.

— Это мужчина.

— Да, мужчина, а кто он? Кем работает?

— Работником.

— Ну ладно, где работает?

— На работе. Это я пошутил. Смешно?

— Не очень. Ты смешнее иногда шутишь.

— Пересмотрите меня. Я вас пересмотрю.

— А это что у мужчины в руке?

— Подождите... Подождите... Долго подождите. Я себя буду вести как хочу.

— Так что в руке-то?

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

- Я пылинку с вас сниму.
- Спасибо, Саш. Зачем ему гаечный ключ?
- Для безопасности.
- (Это универсальный ответ. Их три:
- работником (на вопрос: кем работает?)
- беда (на вопрос: что случится, если?...))
- для безопасности (на вопрос: зачем?...))

- Можно мять картинку?
- Нежелательно... Вынь закладку.
- Можно я её с собой возьму?
- Можно, она мне не нужна.
- В пакет положу.
- Как ты их вообще поднимаешь, твои пакеты? Они же весят...

- Пошутите со мной!
- Как?
- Вот так. Смешно я лицо сделал?
- Ага. Всё, вперёд.
- Тру-ба зо-вёт. Да?
- (Зевает. Крестит рот)
- Смотри. Ну?
- (С воодушевлением) Это самолёт, на него можно сесть и улететь куда глаза глядят. (Подумал.) В далёкие края...

* * *

- Лёва, представляешь, подслушала сегодня в коридоре:
- Ты любишь математику?
 - Если я её не люблю, то она хорошая. А если я её люблю, значит, она плохая.

Часть I. Письма с Онеги

А ещё сегодня на занятие Женя принесет две коробочки, туго обмотанные бумажным скотчем. «Это, — говорит, — чтобы дождь не замочил». — «А как же ты откроешь теперь?» — «А я никогда не открою». — «А если захочешь открыть?» — «А я никогда не захочу».

Ну давай, говорю, твои коробочки поставим вот на этот стул, а сами заниматься будем.

Садится заниматься. Через некоторое время поворачивает голову: «А в коробочках начался пожар!»

* * *

Дорогой Лёва!

Честно говоря, во время первых десяти-одиннадцати месяцев занятий с Егором было ощущение, будто стучишься головой в запертую дверь.

Никто, вообще-то, ни в какие результаты не верил.

А лёд тронулся. Сейчас это совершенно очевидно.

Егор начинает исследовать мир. Берёт предметы. Реагирует на звуки. Протягивает руку, когда слышит музыкальные инструменты, пытается их схватить. И у него получается.

Егор теперь живёт на даче в Солнечном. Я приношу ему одуванчики, кленовые листья и маленькие лопухи. Прошу мать Егора показать ему, как всё это растёт на земле. Нельзя дожить до восьми лет и ничего не знать об одуванчиках.

Круглая печь земли до конца прогрета.

Поле в тумане,

Кажется, что в снегу.

Тронулся поезд, единственный остров света.

Жёлтые окна поплыли за ним во Мгу.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Лопнула ночь, и двенадцать её горошин
Светятся огоньками по берегам.
К дому ведёт дорожка, а дом заброшен.
Твёрдые яблоки падают в такт шагам.

Звуки уходят в заросли черноплодки,
Тёмные ягоды до сентября горьки.
Сохнут укрытые на ночь рыбацьи лодки
Как полумесяцы на берегу реки.

Небо квадратное, словно со дна колодца.
Всё садоводство в белой резной пыльце.
Дом заколочен наглухо. «Продаётся»
Мелом написано на крыльце.

* * *

Дорогой Лёва!

Я тут написала статью о том, как я начинала работать
с аутистами. Получилось немного длинно, но зато честно.
Скоро три года исполнится, как я пришла в Фонд.

О том, чего я не знаю

1. Прийти

Из ЖЖ:

«Денег не платят, но это очень интересно и полезно —
главное, что любой новый человек, ищущий лазейку в их

Часть I. Письма с Онеги

мир, кажется, важен для этих детей... В общем, это возможность научиться новому, и вдобавок кому-то помочь, ну хоть чуть-чуть». К.

В начале марта 2004 года мне позвонил знакомый и говорит:

— Не хочешь посмотреть на детей-аутистов?

— А зачем? — спрашиваю.

— Ну, как... Узнаешь, кто такие аутисты и как выглядят те, кто с ними работает, — и рассказал мне про объявление:

Требуются:

психолог, врач, логопед, педагог, работники творческих специальностей (возможно студенты) для работы с аутичными детьми.

Условия:

Волонтерская работа сроком до двух месяцев. В дальнейшем возможно трудоустройство. Летом выезд в интегративный лагерь на берегу Онежского озера.

Контактное лицо: Ирина Борисовна

Я тогда училась на втором курсе дефектологического факультета. Работать с детьми мне почти не приходилось, и я испытывала потребность в любой практике. Гадала, смогу ли я работать по специальности? Может быть, я ошиблась в выборе? Нужно поскорее это выяснить, пока еще не поздно сбежать.

И вот тут такая возможность. Надо воспользоваться. В конце концов, почему не аутисты?

Я позвонила Ирине Борисовне.

— Здравствуйте. Я учусь на втором курсе факультета коррекционной педагогики. Видела ваше объявление. Можно мне прийти?

— Приходите.

Я пришла.

2. Начать

Нельзя сказать, что я тогда совсем ничего не знала об аутизме. Время от времени о нем упоминали в лекциях. В детстве я любила читать американские «книжки для родителей» — по семейной психологии, где автор нет-нет да затрагивал тему аутизма. Но всё это было случайно и вскользь. Иными словами, я слышала звон, но не знала, где он. Представляла, что аутисты сидят в углу спиной ко всем и каменно молчат. И больше ничего.

«Ну ладно, — думала я, — на месте всё объяснят».

Но вместо того, чтобы объяснять, меня отправили смотреть занятие.

Это занятие было как сон.

Я вошла в игровой зал следом за психологом и села на стул в углу. Оттуда было хорошо видно и слышно всё, что происходило в комнате.

Первое, что меня поразило, — тишина. В комнате нас было пятеро: трое детей лет пяти-семи, психолог и я. И при этом было очень тихо. Дети двигались по залу и что-то делали, но я не понимала, что. На мой тогдашний взгляд, в их действиях не было никакого смысла: они бесцельно бродили по комнате, брали какие-то игрушки, крутили в руках, бросали. Садились на качели и неподвижно сидели, не пробуя качаться. Подходили ко мне, но, казалось, не замечали. Время от времени они произносили какие-то слова (или слоги? или звуки?), которых я тоже не понимала.

«Как на космическом корабле», — подумала я.

Действия психолога были еще загадочнее.

Что конкретно входит в его обязанности?

Почему психолог подолгу наблюдает за тем, как ребёнок вращает перед глазами красную телефонную трубку, и не вмешивается?

Часть I. Письма с Онеги

А сейчас почему вмешался?
По какому плану или программе он работает?
Какова цель занятия? Задачи?

Нам в нашем педагогическом без конца внушают, что у всего есть четкая цель, задачи и план.

Здесь я этого не вижу.

Единственное, что я поняла: и психолог, и дети находятся в неизвестном мне мире. Этот мир существует по своим правилам; в нём иные, закономерности, другая логика. Я вижу только внешнюю сторону процесса. Суть от меня скрытана, поэтому я ничего не понимаю. Всё происходящее в комнате кажется мне диким — как пришельцу с другой планеты.

Как только я почувствовала себя пришельцем, сразу стало неуютно. Что я здесь делаю?

И чтобы хоть как-то оправдать своё пребывание в комнате, я подошла к качелям, на которых сидел ребёнок, и стала их качать.

3. Делать

Диалог с психологом:

— Мне казалось, что наша задача — заставить их сделать что-то конкретное. Например, сложить башню из кубиков.

— Конечно, нам так легче.

— Твоя ошибка в том, что это не ребёнок делает, а ты. Ты делаешь через него...

Когда я начала качать ребёнка на качелях, я сразу почувствовала себя увереннее.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Моё место в процессе определено. Я делаю. Я ведь пришла сюда для того, чтобы что-то делать, разве нет?

Это меня воодушевило, и на следующих занятиях я только и делала, что делала.

Я считала, что если я покатала ребенка на качелях, дала ему в руки куклу или его руками сложила пирамидку, я оправдала своё присутствие в игровом зале. А если я просто стояла в стороне и наблюдала, время потрачено зря. Всё это усугублялось страхом сделать что-то неправильно. Но когда я ничего не делала, страх усиливался в несколько раз.

Конечно, делать было проще, чем чувствовать. Я не пыталась понять ребёнка, а заставляла его. Как для аутиста первой группы человек может служить каруселью и подставкой для лазанья, так для меня аутичный ребёнок был инструментом действия.

Негативизм этого ребёнка (который не мог не усилиться в процессе такого взаимодействия) и его сопротивление были мне только на руку: от борьбы я уставала, а усталость доказывает, что ты что-то делал.

Таким образом, у меня совсем не оставалось времени наблюдать, приглядываться и анализировать. Время проходило в лихорадочном поиске «дел» и в страхе ошибиться.

Представьте себе человека, который попал на другую планету и сразу оказался в оживлённом месте. Он видит тамошних жителей, которые выполняют непонятную для него работу и говорят на неизвестном языке.

Существует две тактики: первая — выжидательная. Ты не включаешься в незнакомую деятельность, пока не поймешь ее смысла. Когда поймешь — вступишь в работу полноценно.

Часть I. Письма с Онеги

Вторая — найти более-менее простую и понятную операцию и сразу же начать её выполнять, не вникая в цель и суть работы.

Для первой тактики мне не хватало ни терпения, ни уверенности.

4. Не делать

Одна мама:

— Мы с ребёнком сидим и ничего не делаем. Думаете, это просто?

Чем дольше я «делала», тем меньше эта «деятельность» меня удовлетворяла.

Я начала понимать, что прохожу мимо главного, что моя работа механична.

Теперь, даже если я находила себе «дело», страх не отпускал.

Я чувствовала, что ошибаюсь. До сих пор я скользила по поверхности, теперь потянуло вглубь. Но я не спешила идти вглубь, потому что боялась ошибок и знала, что чем глубже опускаешься, тем больше неразрешимых задач.

Но оставаться на поверхности было еще тяжелее.

Тот уровень взаимодействия с детьми, который я уже освоила, перестал меня устраивать, а строить взаимодействие на другом уровне я не умела. Оказавшись в середине такого противоречия, я сделала всё, что могла: впала в ступор.

Я входила в игровую комнату и по привычке использовала проверенное средство против дискомфорта: «деятельность».

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Например, начинала качать ребёнка на качелях. Дискомфорт усиливался. Я бросала одно «дело» и шла искать другое. В конце концов моё поведение на занятии превращалось в «полевое»¹².

Тогда я не замечала разницы между моим бездействием и кажущимся бездействием психолога.

«При достаточном осознании и опыте работы можно говорить о создании такого терапевтического альянса, когда появляется бытие с клиентом. Состояние бытия связано с созданием кажущейся неактивности. Если терапевт активен, то он ведет ребенка за собой, не давая ему свободы, но это должно, как минимум, совпадать с его готовностью следовать».¹³

До готовности к созданию «такого терапевтического альянса, когда...» мне было очень далеко. Моё бездействие просто было оборотной стороной моих «действий».

5. Видеть и слышать

Как было сказано выше, я оказалась в безвыходном положении. А чем положение безвыходнее, тем ближе оно к разрешению. Сама того не замечая, я начала переходить на следующий уровень под названием «видеть и слышать».

Чтобы увидеть и услышать аутичных детей, этих жителей «другого мира», мне пришлось войти в этот «другой мир» и действовать на свой страх и риск.

¹² Полевое поведение характеризуется тем, что человек попадает во власть «поля» притягивающего его объекта и не может встать над этим «полем».

¹³ И. Б. Карвасарская. В стороне. Из опыта работы с аутичными детьми. — М.: Тервинф, 2003.

Можно прочитать — <http://www.autism.ru/read.asp?id=113&vol=0>

Часть I. Письма с Онеги

Мне предстояло сделать важнейший шаг: попробовать заговорить с аутичными детьми на их языке.

Для этого нужно было только одно: смотреть, слушать, запоминать и подражать.

Подражать их стереотипным движениям, странной вокализации, ходить за ними по комнате, копировать выражение лиц, играть в их непонятные игры.

Следовать за ними. Побывать ведомой.

Такое взаимодействие тоже сложно назвать полноценным, но на тот момент это было для меня неважно. Мне хотелось заглянуть в мир ребёнка-аутиста, ощутить себя им. И не просто хотелось — это было необходимо. Общение на моей волне не получалось. Значит, нужно настроить себя на другую волну.

Так я увидела неизвестный мир во всей его красоте и страхе. Поняла, как можно часами наблюдать за бликами света на боках кубиков. Узнала, что такое панический страх перед хлопаньем двери.

Самое странное, что я знала это и раньше.

Попасть в мир «другой стороны» (аутичного ребёнка) — важное условие для наживания отношений.

Важное, но недостаточное.

Чтобы общение стало действительно ценным и для меня, и для аутиста, я должна одновременно находиться в двух мирах — аутичном и обычном. Если я буду только в обычном мире, то не смогу понять ребёнка, и он откажется со мной взаимодействовать.

А если застряну в аутичном мире, то не смогу проводить ребёнка в обычный мир.

Отлично, я поняла, чего я хочу достичь.

Вопрос — как?

6. Чувствовать и реагировать

Кажется, я подошла к самому сложному.
Мне кажется, что работа с аутичными детьми — это искусство чувствовать и реагировать.

Очень тонко чувствовать и очень гибко реагировать. Причем чувствовать с опережением, иначе отреагировать можно и не успеть.

Суть этого процесса — как я его понимаю — в том, чтобы улавливать и расшифровывать сигналы, которые посылает вам ребёнок из своего аутичного мира и посылать в ответ сигналы из мира обычного.

Форма сигнала может быть какая угодно, например словесная. Или поведенческая. Любая. Это похоже на игру в настольный теннис, когда вы играете с новичком. Вы пытаетесь во что бы то ни стало отбить его подачи, слишком слабые или в сетку. И сделать это несильно, чтобы партнёр, в свою очередь, смог отбить ваши.

Для того чтобы игра состоялась, вам нужно:

- 1.** хорошо играть в настольный теннис;
- 2.** уметь войти в положение партнёра, понять его трудности;
- 3.** хотеть играть.

Это возможно, только если вы научились находиться в двух мирах одновременно, и еще немножко над.

Именно на этом уровне возможен «такой терапевтический альянс, когда появляется «бытие с клиентом» и поле «мы».

Мне сложно писать про эту ступень взаимодействия, потому что я сама её еще не достигла.

И. Карвасарская пишет, что поле «мы» должно возникнуть при первичном контакте аутичного ребёнка и психолога.

Часть I. Письма с Онеги

Чтобы научиться создавать это поле при первичном контакте, мне понадобится еще как минимум несколько лет работы.

Но в любом случае, от безличного уровня «деятельности» я перехожу на уровень взаимодействия, когда одинаково важны все участники общения — и ребёнок, и я, и окружающее нас пространство.

7. Меняться

Я начала работать с аутистами, преследуя чёткую цель: «научиться новому и при этом кому-то помочь». И я была уверена, что этот «кто-то», кому надо помочь — кто угодно, только не я сама.

Так мать аутичного ребёнка говорит: «помогайте моему сыну, а не мне», не догадываясь, что от её психологического состояния напрямую зависит состояние сына.

Я пришла, чтобы помогать другим, а не решать свои проблемы.

Между тем проблемы постепенно проявились сами — вот они:

- полевое поведение, использование людей в качестве «инструментов»;
- страхи, стереотипные формы поведения, агрессия;
- неумение гибко реагировать на изменения среды; и это далеко не все.

Долгое время я шла по тому же пути, по которому идёт ребёнок-аутист в процессе терапии, — от полного неумения строить отношения к созданию контакта.

Что это значит?

Это значит, что процесс терапии не может быть односторонним.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Вы не можете помочь ребёнку и при этом не помочь себе.

Это не значит, что психолог использует свою работу для решения личных проблем.

Просто атмосфера, или поле, которое в равной степени создаётся и психологом, и ребенком, оказывает действие на обоих участников контакта.

Невозможно изменить ребёнка, не меняясь.

Еще раз: я не хочу сказать, что вы должны измениться, чтобы помочь ему.

Я хочу сказать, что, помогая аутичному ребёнку, вы изменитесь в любом случае, хотите вы того или нет.

* * *

Дорогой Лёва!

Сегодня в Фонде встретила я Марка. «Помнишь меня?» — спрашиваю.

Первая смена уезжает, вторая — вселяется.

Мы страшно не выспались в ночном автобусе.

Десять часов утра, фанерный домик, веранда, вещи грудой на полу, деревянный стол, освещенный солнцем. За столом сидит Алина, загоревшая до черноты, и ест простоквашу из огромной красной миски.

Напротив нее маленький Марк водит ложкой по тарелке.

Алина ест долго, за это время Марк успевает рассказать мне, что у него есть брат-двойняшка по имени Игнат. «Понимаешь, сначала мама назвала нас Фома и Лука, а потом переименовала».

Тогда меня сослали в «дом Полины» — временно.

Часть I. Письма с Онеги

В настоящий деревенский дом, наполовину бревенчатый, с пристройкой.

Вся остальная «база» — голубые и синие домики с чердаком, верандой и двухэтажными лежанками из досок.

А «дом Полины» — местная ссылка. Туда селят детей с родителями или временно оказавшихся без места. Старожилы не любят там жить, потому что терапия, то есть напряжение, охватывающее все пять синих домиков, до «дома Полины» не доходит, а если и доходит, то растворяется в полумраке сеней.

«Жила-была тут такая Полина. Она торговала водкой, а потом уехала и продала дом Фонду».

Ничего она не уехала, я вам скажу. Мы прожили в ее доме неполных два дня, и ее присутствие было явным и постоянным.

Под потолком большой комнаты висел пучок сухих трав, а на подоконнике я обнаружила книгу «Мудрые рецепты народной педагогики» с изображением старушки в платке — уж не Полины ли? — на обложке. Дом состоял из темных углов и порогов, странных инструментов в сенях, потрескивания полдня за окном и вида на деревню.

* * *

Дорогой Лёва!

Должен ли педагог любить детей? Слова «любить» и «должен» — несочетаемые. Педагог должен детей уважать. И быть готовым к тому, что он может полюбить ребёнка. Иногда от этого никуда не деться. Это как если роешь ямку в песке на пляже — роешь, роешь, и докапываешься до воды — до моря. Глубокое погружение в мир другого человека очень часто кончается тем, что ты упи-

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

раешься в любовь. Что с этим делать — уже другой вопрос. Любовь — такая вещь, что получив её, очень трудно от неё отказаться. Когда вместе с ребёнком приходишь к любви, кажется, что всё, некуда идти дальше, потому что любовь, как море, она огромная. Но педагог — это такой несчастный человек, который не может позволить себе мыслить подобными категориями. У него программа, план, цели и задачи. Приходится, несмотря на любовь, работать дальше.

* * *

Дорогой Лёва!

Знаешь, почему я пишу про особых, «необучаемых», деток из клетки, сложных, тяжелых?

Я думаю, каждому нужно побыть внизу, в самом чудовищном классе, раз в жизни сделать что-то хуже всех.

Мне кажется, многие люди не понимают важных вещей потому, что никогда не были в самой слабой подгруппе жизни.

Сегодня был удачный день: Егор опрокинул на меня таз с водой и смеялся целый час.

Хоть кто-то будет моим утешением на старости лет...

Мне хорошо. Я сама из слабой подгруппы.

Преклоняюсь перед теми, кто спускается сверху, чтобы протянуть руку.

* * *

Дорогой Лёва!

Было последнее в году занятие понедельничной группы. Из пяти человек пришли только Шура и Игорь («Ма-

Часть I. Письма с Онеги

шенька, тебе „К!“ — «Что значит „К“?» — «Кирдык тебе!»). Час и двадцать минут мы делали ширму, фон для картонной ёлки, красили ёлку, потом закидали её серпантинном. Потом мы сделали новогодние светильники из банок, конфетных обёрток и свечей. Осталось десять минут до Нового года. Мы поставили светильники под ёлку, зажгли свечи и выключили свет. Сели втроём на пол. Слева от меня Шура вопросительно дул на свечу (кто знает Шуру, тот поймёт), от чего пламя так же вопросительно колебалось. Справа Игорь говорил про разбойников. А я сидела между ними, чувствуя себя защищенной от всякого зла.

Чего желаю и тебе.

P.S. Была в детдоме.

Заския говорит, обнимая ребёнка:

— Он очень плохо чувствует своё тело. Две причины: ДЦП. И детский дом.

* * *

Дорогой Лёва!

Так вот, мы сидим на крыльце почты, Гриша, Оля и Шурка, я слежу за тем, чтобы Гриша не щипал Шурку, подо мною теплые доски. Мимо проходят коровы, у первой на шее бубенец. Лают деревенские собаки, все похожие друг на дружку, блеют овцы. Шурка вскакивает и пытается проникнуть в дверь почты, я его ловлю, хватаю и кружу, он радостно визжит.

У Шуры вообще-то тридцать три диагноза, среди них аутизм, компенсированная гидроцефалия, гемофилия и тугоухость. Он ничего не говорит и почти не пользуется жестами, только бытовыми: «спать», «есть», «пить». Когда

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

ему что-то надо, он выкидывает вперед руку наподобие нацистского приветствия «Хайль Гитлер». С виду это совершенно здоровый восьмилетний ребенок с роскошными темными ресницами. Шура знает некоторые дактильные знаки и в хорошем настроении может произносить гласные. Беда в том, что никто не знает, как его надо учить.

Как-то мы с ним ходили в деревню — относили бидон из-под молока. Моросил дождик, в одной руке у меня позвякивал бидон, в другой была Шуркина рука.

Время от времени мы уставали идти и бежали. Мне с ним было очень хорошо.

* * *

Дорогой Лёва!

Вчера битых сорок минут надевала Леночке ортопедические сапожки под насмешливыми (так мне тогда казалось) взглядами санитарки и воспитательницы. На самом деле, думаю, им было все равно. Надевать что-нибудь замысловатое — это моя беда. Леночке надо бы согнуть ногу, а она не сгибает, лежит, щёлкает зубами. За нашей спиной Владик через каждые полминуты спрашивает: «уже всё?» И Юля, печально: «Может быть, лучше меня возьмёшь позаниматься?»

Каждый раз чувствую себя последним предателем от этого «а завтра придёшь?»

* * *

Дорогой Лёва!

Егор сегодня улыбался мне в первый раз за два месяца. Хоть что-то хорошее со мной происходит.

Часть I. Письма с Онеги

Почему я выбрала эту профессию?

Будто я стою в центре, а вокруг плещутся волны эмоций: боль родителей больного ребёнка, детдомовская тоска, страх будущего, удивлённые восклицания посторонних.

От глухих — глубже, к аутистам, там всё жестче: «Тяжелые дети», детдом. Чтобы волны были сильнее. Тогда чувствуешь себя живой. Тогда чувствуешь, что вокруг тебя — люди.

Нет сочувствия.

Всё — норма, всё принимается почти сразу как должное. Никогда не плачу.

Хотя сейчас начинает пробиваться что-то... Это хорошо и страшно одновременно. Хочется любить. Страшно, что прозреешь внезапно. Неизвестно, что такой поток может смести на своём пути.

Это реальность. И моя связь с ней.

P.S.

Бомм, бомм, бомм, бомм,
Засыпает детский дом:
Провода над корпусами,
Корпуса под небесами
И канавы подо льдом.

Бомм, бомм, бомм, бомм,
Если ты прижмёшься лбом
К ледяной оконной раме,
Горы, горы за горами
Развернутся, как альбом.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Бомм, бомм, бомм, бомм,
В чистом поле голубом
Светит месяц в форме рога,
На холме лежит дорога,
На дороге пыль столбом.

Бомм, бомм, бомм, бомм,
Что я знаю о любом
Часе ночи госпитальной?
Ничего. Да будет тайной.

Бомм, бомм, бомм, бомм,
и не спрашивай — по ком.

* * *

Дорогой Лёва!

К колодцу ведет тропинка — мимо последнего домика, мимо бани, по мокрым доскам. Сруб колодца бревенчатый, как у деревенских домов, ворота нету, ведро привязано к палке. Зачерпываешь воду, ждешь, когда ведро отяжелеет и пойдет ко дну, упираешь палку о край сруба и вытаскиваешь ведро.

Потом, расплескивая воду, наливаешь ее в свои ведра и идешь обратно. Обычно я не уходила сразу, а садилась на краешек колодца и смотрела вниз, на свое отражение и темную зацветшую воду. Или на озеро. Ведра тяжелые, мне не хотелось сразу хватать их и тащить, все равно по дороге приходилось отдыхать.

Какие есть чудесные слова:

Светлица.

Или — колодезь.

* * *

Часть I. Письма с Онеги

Дорогой Лёва!

Гул шагов во дворах, ожидания, пробки,
— Опоздаю на час. Передашь? Передам.
Мы построили город из картонной коробки,
Неизвестный, но Паша сказал — Амстердам.

Мы построили улицы в тесном пространстве,
За стеной, затихая, звонил телефон,
Из открыток и клея, гуаши и странствий
Мы для нашего города сделали фон.

Вот и стены закончены. Я торжествую.
— Маша, красная краска! Я сделал костёр!
Из чего бы построить теперь мостовую?
— Мостовую — из губок, — сказал волонтёр.

Мы достали мелки и раскрасили шпильки,
— Маша, где пластилин? — Мне не дали мелка!
Из солёного теста деревья слепили,
А потом, как Антон предложил, облака.

Это было во время родительской группы,
Во дворе водосточные звякали трубы
И сверкали тяжелые струи дождя,
Грохотали, с небес устремлялись лавиной.

Мы построили город за час с половиной,
И забыли его на столе, уходя.

* * *

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Дорогой Лёва!

Пишу опять с онежской почты, двенадцатое июля, вторник.

— Саша, почему ты вчера ушел на озеро и никого не предупредил? Как маленький!

— Я не маленький. Я большой. Большой. Мне девятнадцать лет. Я большой.

— В следующий раз предупреди, пожалуйста.

— Хорошо. Аня. Я тебя предупреждаю: я иду на озеро. Я иду на озеро. Я тебя предупреждаю.

— Саша, в походе ты можешь не чистить зубы. Пожалуйста, не чисти их сегодня.

— Хорошо. Сегодня я не буду чистить зубы.

Саша почти все умеет сам: сам следит за собой, сам готовит себе завтрак. У него замечательные руки, осенью он пойдет в производственное училище. Больше всего на свете Саша боится что-нибудь сделать неправильно, поэтому любую просьбу выполняет с необыкновенной точностью.

— Саша, твоя мама курит?

— Курит.

— А Катя Федорова?

— Курит.

— А ты?

— А я ношу воду, читаю, пишу, гребу на байдарке...

— Саша, что ты будешь делать?

— Буду с тобой разговаривать.

— О чем?

— О том, что я чувствую.

— И что ты чувствуешь?

— Доброту чувствую, радость чувствую, ум чувствую.

— А веселье чувствуешь?

— ...Веселье чувствую.

Часть I. Письма с Онеги

«Люди бывают добрые, светлые, хорошие, обязательные, прекрасные, ответственные, честные, трудолюбивые, обаятельные, великодушные, щедрые, милые, старательные, привлекательные...»

Аня:

— Саша, почему ты за мной ходишь?

Саша:

— Потому что я тебя люблю.

Сашина мама:

— Это он первый раз в любви признался. Раньше говорил: ты мне нравишься, а так — в первый раз сказал. Бедный мой зайчик...

* * *

Дорогой Лёва!

Родители «особых» детей. Почему меня к ним тянет? Я не считаю их героями, отмеченными Господней благодарью. Дело в том, что однажды они встали перед выбором: принять или не принимать своего ребёнка и его странный, неожиданный, пугающий и непонятный мир. Я не буду оценивать этот выбор, но сделав его, человек не может остаться таким, каким был раньше. Выбор оставляет на нём свой отпечаток.

* * *

Дорогой Лёва!

Алёшина бабушка:

— Не могу, не могу, он меня не слышит, он упрямый, он не понимает, я говорю как в бездонную бочку, ему всё как об стенку горох. Не смотрит в глаза, всё, что любил,

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

любить перестал, вырывается, не отзывается на имя, ушел в отказ, сил больше нет, может, зря это всё, всё равно нет смысла, я устала.

— Н.В., но вы же молодец, вы всё равно действуете, вы его любите. И всё, что вы говорите и делаете, — оно не пропадает, остаётся с ним, в его душе и памяти. Сейчас оно спит. А потом будет новый качественный скачок. Главное — не сдавайтесь.

— Я понимаю, мне легко говорить. Я час позанималась, ушла — вы остались. Но всё-таки поверьте мне. Даже если он не отвечает, как будто не слышит, продолжайте. Пусть он знает: что бы у него в душе ни происходило, вы всё равно с ним. Рядом. Ведь он тоже устал. Пережидайте темноту вместе.

— Н.В., вы не знаете, что у него внутри происходит. Может, своя безнадежность. Не дайте ему уйти одному. Побудьте с ним. Побудьте с этим».

* * *

Дорогой Лёва!

Я думаю об удивительной простоте, с которой в мире особых людей разрешаются все основные вопросы. Моим детям плевать на условности. Им всё равно, как я одета и насколько успешна. По-настоящему им важно только то, что я чувствую. И здесь их обмануть невозможно.

В мире особого человека, где имеют значение только чувства, а наносное, условное отпадает, возникает сильнейшее ощущение *неподдельности* всего, что происходит. После соприкосновения с этим неразбавленным миром не хочется выходить в обычную жизнь. Начинается душевный авитаминоз: всё кажется ненастоящим.

Часть I. Письма с Онеги

Та любовь, с которой мы соприкасаемся, общаясь с «особыми» людьми, это не любовь, которую они излучают. Это наша собственная любовь. Мы её в себе находим, точно так же, как мы можем найти в себе всё остальное: как будто такое лекарство принимаем — выпиваем полную чашку неразбавленной жизни, и это очень сильно проясняет наш взгляд.

То, что я говорю об «особом» мире, относится, по моему мнению, к миру вообще. Мне очень не хочется говорить «особые дети то, особые дети это», «они чувствуют так, их родители чувствуют так». То, что мы видим, общаясь с особыми детьми, — есть и в нас, только у них это в концентрированном виде. Потому что если мы можем спрятаться за что-то внешнее, за какие-то слова, то особый мир этого не допускает. Для него самое главное — то, что ты чувствуешь. Обмануть его невозможно.

* * *

Дорогой Лёва!

Обещала рассказать, кто такая Даша.

Даша немного похожа на Уну. Почти не двигается. Ноги навсегда согнуты под неестественным углом. Ладони крепко сжаты в кулаки.

Кормят Дашу через трубку.

Правда, она видит. Но что можно увидеть, неделями лёжа на спине, кроме потолка? Подсядешь к ней — она хрипло смеётся и пытается приподнять голову.

— У Даши есть какие-нибудь штаны? Чтобы взять её из кровати хоть минут на пять. А то она лежит и лежит.

— Доля у неё такая — лежать.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

И про Юлю:

- А зачем тебе эти картинки?
- Это я буду с Леной так заниматься.
- Я тоже сегодня в школе была.
- А что ты там делала?

Юля сидит на кровати. Коротко стрижена. Ноги прикрыты одеялом. Она ими пользоваться не может.

- Сегодня вечером праздник. Ты пойдёшь?
- Нет, Юля, мне надо в институт.
- Институт? А что это — институт?
- Пытаюсь объяснить.
- Ты когда сюда приедешь? Завтра?
- Нет, Юль, на следующей неделе.
- А завтра ты что делаешь? Пойдёшь туда, где большие девочки учатся?
- Да, а потом с мальчиком заниматься.
- А чем ты с ним будешь заниматься?
- Учить писать, читать.
- А-а, он учится читать...
- Ты умеешь?
- Нет. Мне тоже надо учиться читать, — говорит она со взрослой интонацией.
- Юля, сколько тебе лет?
- Не помню, — отвечает она с той же интонацией. — Десять или одиннадцать, не помню.

* * *

Часть I. Письма с Онеги

Здравствуй, Лёва!

Люди, ждущие поезда.
Утро, толкучка у кассы,
стой спокойно, платформу шагами не мерь.
Я стою и смотрю:
там апрель, на земле полустёртые классы,
кто-то с радостной силой толкает тяжелую дверь,

Но сейчас непонятно где встать, за кого уцепиться,
Продержаться до станции? Спрыгнуть на полном ходу?
Ожидание встречи у сердца, как тёплая птица,
Я смыкаю ладони и жду.

Вот кофейный напиток в эмалевой кружке,
в белой раме высоких деревьев верхушки,

Смотрит Лена в окно на стремительный снег,
Спит Алёша, звенит погремушкой Олег.
Закрываю глаза — исчезает зима,
Гаснет,
Тает во рту леденцом.
Деревянная почта на склоне холма,
В золотистом сиянии тонут дома,
Одуванчик растёт под крыльцом.

Начинается вечер, и город похож
На своё отраженье в реке,
А потом ты идёшь, и идёшь, и идёшь
По колено в густом молоке —
Ровный свет в ночнике,
Огоньки вдалеке,
на асфальте танцующий дождь.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Время сказок ночных, время сказочного одиночества:
«Вот он едет, и едет, и звёзды сияют, сквозя
между тёмными ветками...»
время, когда тебе хочется
взять — и просто исчезнуть. Но просто исчезнуть нельзя.

Рождество перед нами — окошко в лесу,
Но стемнело, и свечка дрожит на весу,
я её прикрываю рукой.
Верь и радуйся, путник, и будешь согрет,
Потому что тропинки из чащи на свет,
кроме радости, — нет никакой.

* * *

Дорогой Лёва!

Думала, с Егором у нас всё хорошо. Наладили контакт,
не прошло и года. Мальчик заниматься начал.

А вчера был очень плохой день. Егору недавно сделали операцию. Для укрепления ножных мышц. Не буду вдаваться в подробности. Операция лёгкая, но после неё три недели нельзя стоять. И ходить, понятное дело. Приходится заниматься сидя.

Заниматься сидя Егор **НЕНАВИДИТ**.

Вот он веселится. Я прихожу. Перекашивается и стучит головой о ручку своего кресла-коляски. Делать ничего не хочет. Вообще.

На лице ненависть.

Разучился всему.

Мне-то больше всего хотелось дать ему как следует по попе. От обиды. Пришлось сдерживаться.

Часть I. Письма с Онеги

Рассказала об этом Тане, Шуриной маме, а она хитро улыбнулась и говорит:

— А это потому, что ты решила, будто всё точно знаешь.

— Что «всё»?

— Как с ним быть, знаешь. А не надо этого знать. Тем более точно.

* * *

Дорогой Лёва!

После спектакля я убежала.

Вслед что-то кричали, но я не слышала. Бежала, пока не кончилось дыхание. Остановившись и переведя дух, я увидела, что стою на своём любимом месте: там, где асфальтовая дорога круто поднимается к деревне. Я села на тёплый асфальт и стала смотреть на далёкую серую полосу Онежского озера. Я не могла сейчас никого видеть.

Это было удивительное лето. В домике мы жили вдесятером: я, Шурик, большой Антон, маленький Антон с мамой Светой, Марианна с сыном Серёжей, Оксана, а на чердаке — Алёша с дедушкой.

Каждое утро мы с Шуриком ходили на колодец. Шли по заросшей тропинке и шатким доскам, пластмассовые ведра стучались друг о друга. Я откидывала деревянную крышку колодца и заглядывала внутрь. Вода стояла низко. Я говорила Шурику азбукой глухих: «это колодец». «Ко...» — начинал он складывать пальцы, и вопросительно глядя на меня, — «...лодец».

Помятое железное ведро было привязано к деревянному шесту. Я с трудом поднимала шест и давала Шуре придержать его конец. Ведро падало в воду и с минуту пла-

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

вало на поверхности, а потом, черпанув бортом, уходило на дно. Мы вдвоём тянули за шест и вытаскивали ведро. Я говорила: «это вода».

Шурик вылавливал из воды гнилые щепки, отколовшиеся от стен колодца. Потом мы переливали воду в наши ведра и несли их домой. Вода качалась и выплёскивалась на босые ноги.

Когда мне хотелось побыть одной, я шла или в деревню, к почте, отправить письмо, или на озеро, к рыбацким сараям, собирать обкатанные стёкла для детской мастерской. анятия в мастерских были вечером, в шесть часов, на них ходили почти все дети.

Ближе к ночи мы сидели на веранде. В гости приходила Лена, мама Паши, а Ирит, мама Старшего и Младшего, заглядывала в дверь и говорила: «Сейчас уложу ребят и приду».

Первую неделю смены лил дождь. Старший сын Ирит, босой, облепленный грязью, с сияющими глазами, забежал на веранду, тянулся к верхней полке и шептал: «сгущёнка... сгущёнка...» Судя по лицу, он был счастлив.

Вечером ему было трудно заснуть.

Но вот наконец все дети спят, а мы сидим вокруг стола.

— У меня была такая идея, — неуверенно говорю я, — поставить спектакль. Не с детьми, а с родителями.

Идея появилась давно, ещё зимой. Мне тогда пришли в голову две вещи: рассказ Рэя Брэдбери «И всё-таки наш» и сказка Сельмы Лагерлёф «Подменьш». Я привезла с собой оба произведения, и мы с родителями их прочитали. Сюжет рассказа «И всё-таки наш»: у одной семьи, совершенно обычной, в результате неполадки в родильной машине (дело происходит в будущем), ребёнок родился в другое измерение, и в нашем измерении выглядел, как голубая пирамид-

Часть I. Письма с Онеги

ка. Он был совершенно нормальным, здоровым ребёнком, только жил в другом измерении. Все звуки и краски нашего мира менялись и искажались, проникая в его мир, поэтому люди для него были кубами, параллелепипедами и другими фигурами. Родители, конечно, страшно опечалились, но доктор им сказал: «Ничего страшного, мы найдём способ переправить ребёнка в наше измерение, дайте только срок». Родители стали ждать. Им было очень тяжело, потому что ребёнка своего они не понимали. Он начал говорить, но для них его речь звучала, как птичий свист. Они не могли никого пригласить в дом, скрывали ребёнка от глаз соседей. Им было очень плохо. Они чувствовали, что потеряли его. А потом доктор им сказал: «Вы знаете, у меня пока нет возможности вернуть ребёнка в наше измерение, зато я могу переправить вас к нему. Тогда для вас он снова будет выглядеть, как обычный ребёнок. Вы увидите его, а он вас такими, какие вы есть на самом деле. Правда, всем остальным людям вы будете казаться шарами, кубами, параллелепипедами, ваша речь — свистом, вам придётся окружить дом высоким забором, потому что люди вряд ли примут ваш странный новый облик». Родители шагнули в другое измерение и вместо голубой пирамидки увидели чудесного малыша.

Мы прочитали рассказ, и реакция родителей меня удивила. Мне казалось, что конец рассказа — светлый и оптимистичный, решение героев перейти в другое измерение — единственный возможный выход. Но родители сказали: «Какой ужас, мы ни за что не будем ставить спектакль по этому рассказу. Мы не хотим, чтобы так было. Не хотим жить за высоким забором».

Тогда мы стали читать сказку «Подменыш». Родители согласились её ставить, что тоже было для меня неожи-

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

данностью: мне казалось, что эта история гораздо более тяжелая, чем рассказ про пирамидку. Это ещё раз доказывает, как мне мало видно со своего места.

В сказке троллиха крадёт у людей ребёнка, а вместо него оставляет своего троллёнка. Родители обнаруживают подмену: отец требует, чтобы троллёнка оставили в лесу — «станем мы возиться с троллевым отродьем!», но мать не может бросить детёныша «одного в пустой, безлюдной пустоши».

Мы репетируем ночью, на открытой деревянной веранде, заменяющей сцену. Наши первые зрители — онежские комары, напоминающие, что искусство требует свежей крови.

Есть способ вернуть своего родного ребёнка: можно избить троллёнка толстой палкой, тогда троллиха прибежит и бросит вам малыша, а своего заберёт. Но говорят, что дети, возвращённые таким путём, живут после этого недолго. Мать понимает, что это не для неё, да и не может она позволить избить беззащитного детёныша.

В сказке у матери нет имени, но мы называли её Мартой. Марту играет Ирит. Во время репетиции она ходит «проверить ребят» — не проснулись ли.

Марта принимает решение заботиться о троллёнке, хотя он не вызывает у неё никаких чувств, кроме отвращения и страха. Он не ест человеческую еду, а только мышей и лягушек. Не разговаривает на человеческом языке, всё ломает и портит, никого не любит. Соседи решают, что женщина сошла с ума, и перестают с ней зняться.

Троллёнка играю я. На мне чёрный мусорный пакет, предмет шуток Марианны, волосы взлохмачены, лицо измазано углём.

Часть I. Письма с Онеги

Спектакль идёт под музыку Грига. Света попросила у директора лагеря синтезатор, но он звучит так тихо, что в зрительном зале его почти не слышно. Зато нам слышно хорошо. Музыка Грига у меня теперь всегда будет ассоциироваться с нашим спектаклем.

Муж Марты не понимает, зачем его жене понадобилось возиться с троллем. Он считает, что она не хочет вернуть своего родного ребёнка. Он даже пытается сбросить троллёнка в пропасть, чтобы потом выдать это за несчастный случай, но Марта в последнюю минуту подхватывает подменыша.

Троллёнок растёт и с каждым днём становится всё невыносимей. В конце концов он поджигает дом Марты и её мужа и сам чуть не сгорает в огне, но приёмная мать бросается в горящий дом и спасает троллёнка. Муж не выдерживает и уходит от жены: «Тебя я покидаю неохотно, но с троллем жить больше не могу».

И только тогда, когда Марта жертвует ради троллёнка тем, что для неё дороже жизни — любовью мужа, — тролли теряют власть над её родным сыном и возвращают его домой.

Обе истории — о любви, о понимании, о другом мире. История про пирамидку о том, как войти к ребёнку в другой мир, а «Подменыш» о том, как вернуть ребёнка из другого мира.

Плата и в том и в другом случае очень высока.

Проникнуть в другое измерение, чтобы быть со своим ребёнком, как это сделали родители из рассказа Брэдли, недостаточно. Я думаю, родители выбрали сказку про подменыша потому, что в ней есть надежда на возвращение ребёнка в мир людей.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Проникновение в другое измерение требует от родителей огромных усилий. Наконец мучительный путь пройден: они пришли к своему ребёнку и научились говорить на его языке. Но это ещё не всё. Нужно вернуться в обычную жизнь и привести с собой ребёнка.

Зачем? Очень трудно объяснить. Мне кажется, человек создан для двух миров, верхнего и нижнего, внутреннего и внешнего. И как бы аутичному ребёнку ни было хорошо в своём мире, он всё равно чувствует потребность в общении с людьми и страдает от того, что у него это общение не выходит. Родителям нужно стать проводниками, переводчиками, связующим звеном между двумя мирами.

* * *

Дорогой Лёва!

Лодочные сараи стоят у самой воды длинным рядом. Промежутки между ними заросли малиной, которую рвут дети по дороге на пляж. Как-то я заглянула через щель внутрь, но ничего не увидела, кроме лодочных цепей. На крышах сараев сидят чайки, сидела и я там как-то раз, пока грузили байдарки. Там пахнет солью, дымом и рыбой, одним словом — копчением.

Мне в город дали пару копченых рыббин, одну я съела, не выдержав, по дороге домой. Как смотрели на меня прохожие, когда я ела ее прямо так, руками, поставив сумку на парапет набережной! Мои руки тоже стали пахнуть солью, к ним пристали рыбные чешуйки, тогда я вспомнила Рыбацкий Стан. Мы туда плавали, он стоит на каменном мысу: хижина, коптильня, сарай для лодок.

Часть I. Письма с Онеги

Как рассказывал Женя, Стан ставили двое друзей, Андрюха Орел и Ваня Медведь, потом они поссорились, Ваня построил дом на другой стороне мыса, а Андрей остался на этой.

— Андрюха здесь всегда живет, он и баба его. Она гуляет по полгода, потом он ее бьет, и они дальше живут.

Мы вошли в дом: у стен две широкие лежанки, одна покрыта тулупом. Маленькое окошко, полутьма. Дверь и стены обиты войлоком на случай морозов, на стенах висят сети, разные хитрые крючки и другие приспособления, полка для посуды. На плите стоит закопченный чайник, и, конечно, пахнет рыбой.

Женя поставил на стол пакет с тушенкой («я все равно Андрюхе должен»). Мы немного посидели на лежанках и вышли. Обратной дорогой Женя рассказывал:

— Знаешь, Андрюха вообще-то из Питера, он городской. Просто однажды наступает предел, и ты понимаешь, что человеку много-то не надо. Тут отношения очень чистые. Чего запутывать? Природа... Вот однажды и мне все надоест, перееду к Андрею, буду помогать ему сети ставить.

* * *

Дорогой Лёва!

Это будет последнее письмо в этой книге. Во-первых, скоро наступит пятнадцатое число, а я должна закончить всё за один день. Во-вторых, и так достаточно путаницы. Она оттого, что я ничего не понимаю. Но знаешь, это даже приятно. За последние три года — с тех пор, как я начала работать, — моим любимым выражением стало «я не знаю». Поэтому не огорчайся, если тоже ничего не понял. Как говорят нам на практике в школе, «вы же учитесь!»

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Эти дети притягивают. Их мир завораживает, хотя никто не может его понять. Нужно как-то проникнуть в этот мир и расширить его изнутри. Но никто не знает, как.

«Умственно отсталый», «глубоко умственно отсталый», «тяжелый аутист»...

Но ведь мы не знаем и не можем представить, что делается в голове у Егора, Уны, у остальных.

Кажется мне, они за такой рекой, где эти определения несостоятельны и не нужны.

Их мир скрыт, но свет в наш мир проникает.

Не буду говорить о смысле, потому что всё равно ничего не знаю и не могу сказать.

Но мне хорошо с ними.

Я с ними чувствую такую глубину жизни, какая мне и не снилась.

Я хочу, чтобы они продолжали учить меня.

С любовью,
Маша

часть II
В городе N

*«Если человеку дан один день,
он должен его прожить.
В слове «прожить» и полнота осмысления,
и внезапные озарения».*

Фридл Дикер-Брандейс

Я расскажу вам о том, как год работала в детском доме для «особенных детей». Дом находится в маленьком городе N, это примерно три часа езды от Санкт-Петербурга. Про детский дом я узнала от Сабины, волонтера из Германии, которая там работала. В Германии существует благотворительная организация, она организует помощь этому дому: оплачивает жизнь волонтеров в России, покупает для детей инвалидные коляски и другие средства реабилитации. Организацию основала Марианна Майер, эрготерапевт из Германии. Первые немецкие волонтеры появились в детском доме больше десяти лет назад с тех пор они приезжают каждый год на год: когда срок кончается, их сменяют новые волонтеры. Кроме того, организация связана с немецкой школой эрготерапевтов, поэтому ежегодно двое или трое выпускников этой школы на полгода приезжают в детский дом работать с детьми. В этом году на разные сроки приезжали Майке, Амрай, Тина, Бритта, Юлия, Сабина и Дагмар. Таня, Света и я стали первыми в этом детском доме русскими волонтерами.

Я пришла в детский дом, настроившись на трагическое восприятие всего, что увижу. Приготовившись к борьбе с персоналом, который, я была уверена, делает всё не-

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

правильно и не понимает, что на самом деле нужно детям. Оглядываясь на начало волонтерского года, я удивляюсь, как сильно с тех пор изменился мой взгляд на вещи. Я поняла, что главное в нашей работе — не борьба, а жизнь, гармоничное сосуществование в одном пространстве, и надо, чтобы все, кто работает с детьми: нянечки, медсестры, воспитатели, врачи и волонтеры, старались понимать друг друга, помогать друг другу, словом, работать вместе.

В детском доме три корпуса. Здесь все ребята — особенные, но наши подопечные из 1-го корпуса — самые особенные. По-научному они называются «дети с множественными нарушениями в развитии». Наши ребята за редким исключением, не умеют ходить и говорить. Есть ложка. Одеваться. Кто-то не видит. У многих эпилептический синдром. И почти ни к кому не приезжают родители, потому что большинство детей — отказные. Когда они вырастают, их переводят в психоневрологический интернат — ПНИ, и там они живут всю оставшуюся жизнь. Всё это очень тяжело. Меня часто спрашивают: «Как ты можешь работать в таком месте? Там же у кого угодно пропадет способность радоваться! Но именно здесь, где каждый день сталкиваешься с болью и безысходностью, собственной беспомощностью, вопросами «зачем всё это?», «за что им всё это?», «что я смогу им дать?» и «не лучше ли совсем ничего не давать, если я не в состоянии дать этим детям единственное, в чём они действительно нуждаются, — любовь и заботу на всю жизнь?», — так вот, именно здесь я научилась радоваться так, как не умела никогда.

Мои дети — самые сильные люди из всех, кого я знаю. Они принимают жизнь такой, какой она к ним приходит, и учатся находить в ней радость. Целый год они учили этому и меня.

Глава 1. Нестрашный мир

Письмо

Дорогая Маша!

Ты часто говорила, что тебе нужен дневник. Сейчас у тебя есть один! Здесь место для твоих мыслей и идей. Скоро я действительно уезжаю домой в Германию... Но надеюсь, я смогу приехать в Россию снова через один или два года. Я никогда не буду забывать время в детском доме. Я никогда не буду забывать эту страну и этих людей. И я не буду забывать тебя. Мне очень много даёт то, что я знаю, что есть другие «сумасшедшие» на земле. Я очень, очень рада, что ты будешь заниматься в детском доме с Витей, Валерой и, и, и...

Счастливо,
Сабина.

Автобус

Как мне живётся? Не знаю, как тебе ответить! Наверное, всё-таки радостно. По крайней мере — большую часть времени. До октября следующего года я буду работать в детском доме для детей-инвалидов. Детский дом — в городе N, в трёх часах езды от Петербурга.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

В общем, каждый вторник мы с Таней едем на автостанцию — это самый край города, почти конец мира. Там очень чувствуешь, что город кончается и ты сейчас уедешь. На автостанции как-то уже совсем не по-питерски себя ощущаешь. Темно. Выйдешь на площадь, где автобусы, — и видишь огни на горизонте, уже непонятно, что — то ли окна, то ли линии электропередачи, а может — поезда.

Нас провожает Сашка. Подходит автобус, мы протискиваемся на свои места. Уют, тепло, впереди трёхчасовая дорога через посёлки, сосновые леса, снег, темноту, уютная зимняя дорога. Автобус трогается, и в салоне почему-то всегда выключают свет. Если мне хочется читать, я достаю из кармана фонарик, подарок Сашки. Таня всегда говорит одно и то же: «Зачем долго мучиться, фонариком глаза портить, лучше сразу пальцем ткнуть».

Едем. Автобус описывает круги по эстакадам. А потом ныряет в лес, а я — в странное состояние, что-то среднее между дремотой и явью. Если и очнусь, то только во время пятиминутной стоянки: может, выйду, куплю в пустом магазинчике банку колы. И снова дремлю. Опять остановка — два ряда пятиэтажек среди тонкого прямого соснового перелеска. Ярко светятся окна. Кто здесь, в лесу, живёт? Но явно кто-то живёт. Люди выходят. А кто-то выходит и во все в полную темноту, на невидимой остановке — тоже здесь живёт.

Едем и постепенно переходим из «здесь» в «там». Ведь мы попеременно живём в двух параллельных мирах. Этот мир — замкнутый, направленный, снежный, тихий, светлый. Выходим мы на остановке возле магазина «Магнит» и по тихим вечерним снежным улицам идём домой. В десять часов улицы почти пустые. С крыш свисают длиннющие и очень ровные — будто ножницами подстригали —

Часть II. В городе N

ряды сосуллек. Особенно красиво это выглядит на крышах двухэтажных деревянных домов на Ленинградской улице. Уютно горят окна, кое-где мигают электрические гирлянды. Снег, снег. У магазина «24 часа» стоит пьяная компания. Наш дом на улице Чапаева. Скажешь, где живёшь — «у-у, далеко!». Это «далеко» — десять минут до центральной площади, пятнадцать — до вокзала.

Живём мы в пятиэтажке-хрущовке с волнистыми рядами окон. Квартира на первом этаже, но есть балкон, он у нас вместо холодильника. Комната и кухня. Иногда в ванной и туалете можно пускать кораблики (на полу), если забудешь перекрыть трубу.

А вообще, очень уютно, на стенах фотографии, на подоконнике сосновые ветки в двухлитровой банке. Недавно детский дом дал нам две кровати — пружинные, с полукруглыми спинками, чёрные, никелированные.

Таня

Когда я сказала Сабине, что поеду работать в N, мне сразу стало ясно, что одна я не справлюсь. И Бог послал мне в напарницы Таню. Я убеждена, это лучшее, что Он мог сделать. Я прожила и проработала с ней год, но не уверена, что так уж хорошо её знаю. Знаю только, что Таня — один из прекраснейших людей, которых я встречала в жизни, что я всегда могу на неё положиться и доверяю ей абсолютно.

Обычно Таня молчит. Сначала даже было как-то не по себе: говоришь человеку «надо же, как сегодня холодно», а он, вместо того чтобы сказать «да уж, жуткая погода», молчит.

И не отвечает на риторические вопросы.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Бывали дни и даже недели, когда мы почти не разговаривали, но в какой-нибудь вечер среди этих часов молчания я чувствовала прикосновение к плечу и слышала:

«Ты помнишь, что Бог тебя не оставит?»

Волонтёрская

Это застеклённая с трёх сторон веранда, которую администрация детского дома отдала волонтёрам в полное распоряжение. Она служит нам игровой, кладовкой, швейной и столярной мастерской, раздевалкой и столовой. Человек, впервые попавший в волонтёрскую, может подумать, что это временное пристанище странствующего цирка: на верёвках, протянутых вдоль окон веранды, сушатся детские носки, мочалки и разноцветные покрывала. Здесь же болтаются тросы с крючками, к которым прицеплены разнообразные предметы, от рогатых гимнастических мечей до сачков для ловли бабочек. На подоконниках, скрытых от любопытных глаз ярко-синими в квадратик занавесками, хранятся: набор для волонтёрского обеда (чашки, ложки, тарелки, чай, сахар, овсяные хлопья, изюм и печенье), массивный русско-немецкий/немецко-русский словарь, контейнеры с фасолью, горохом и спиралевидными макаронами (для сенсорного развития детей), ящик с инструментами (Лиза: Кого в детском доме можно попросить починить стул? Таня: Можешь попробовать попросить меня), мешочки с песком для физиотерапевтических целей, две лейки, очередь из игрушечных самосвалов, вереница магнитофонов, коробка с музыкальными дисками, рулон пакетов для мусора и, наконец, аккуратно сложенный синий рабочий халат.

Часть II. В городе N

То там, то здесь радует глаз прислонённый к стенке музыкальный инструмент — синтезатор или гитара. Время от времени он с глухим стуком падает.

В игровой стоят четыре шкафа: для одежды, для игрушек и для всего остального (этот шкаф — самый большой и шаткий). По углам высятся башни из упаковок памперсов и коробок с детской кашей.

Большая часть вещей в волонёрской подписана. Это довольно интересно, потому что одни надписи сделаны сестрой-хозяйкой и указывают на принадлежность предметов, а другие — немцами и обозначают предмет по-русски. Поэтому непосвященные немного теряются, читая на ящиках комода «носки», «шапки», «брюки», а на мусорном ведре — «волонтеры».

Надо упомянуть ещё пару мелочей: железный крюк для гамака и сам гамак, занимающий полкомнаты, внушительных размеров телевизор, детскую ванночку, пылесос, миниатюрный сухой бассейн с шариками, большущий надувной бассейн для воды, который стоит в волонёрской в плохую погоду, и мы залезаем в него, как в лодку, — и описание нашей волонёрской закончено.

Новые слова

Заглотыш — ребёнок, который не умеет жевать. *Нельзя ему это давать, он заглотыш, подавится ещё!*

Корыто — инвалидное кресло. *У нас на складе есть одно корыто, надо посмотреть.*

Игралка — дневное помещение для детей (ночное — спальня). *Будешь хулиганить, пойдёшь от телевизора сидеть в игралку.*

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Телега — 1. Телега, на которой по корпусам развозят еду и бельё. *Несите бельё, телега ждёт!* 2. Тележка, на которой развозят еду по палатам. *Давайте скорее, уже телега с обедом поехала!* 3. Прогулочная коляска. *Как у этой телеги тормоза работают?*

Немцы — все без исключения волонтеры, потому что до нашего года в детском доме волонтеры были только из Германии. — *Привет, немцы!* — *Привет, мы не немцы.* — *А кто же тогда?!*

Мама

Нянечка говорит «сейчас мама тебя переоденет», и переодевает, значит, мама — это нянечка. Потом няня говорит «сейчас мама тебя покормит», а кормит Маша, значит, мама — это и Маша, и вообще та, что заботится.

Ещё мама — это та, что приходит.

— Привет. А ты чья мама?

Мы навещаем ребят в ПНИ. В прошлый раз были с Таней, в этот раз я одна.

— А где другая мама?

Иду по коридору к выходу, со всех сторон машут:

— До свиданья, мама!

Это не значит «моя мама» или «Васина мама». Мама вообще.

Мамой называют, когда не знают, как зовут. Это как «тётя» для домашних детей.

Я пришла к девочке в больницу, сижу у кровати. Она знает, как меня зовут, но после сильных эпилептических приступов многое забыла. Когда ей станет получше, вспомнит.

Встаю, собираясь уходить.

— Мама, посиди...

Часть II. В городе N

— Я не мама, я Маша.

— А-а, Маша.

Но когда я через некоторое время снова встаю:

— Мама, посиди.

Вода

В тёмном закутке между игровой и санитарской стоят два бидона с родниковой водой. Темно, не видно, пустые они или полные. Беру черпак и зачерпываю вслепую. Часто рука легко уходит в пустоту, и я слышу шкрябание черпака о дно. Но иногда черпак замирает, встречая сопротивление воды, а потом с глухим звуком ныряет и медленно уходит в глубину. Вытаскиваю, наливаю воду в чашку и пью.

При свечах

С утра нет электричества. Поскольку в восемь часов ещё темно и в палатах ничего не видно, нянечки не могут переодеть детей (время переодевания — с восьми до девяти). Они курят на крыльце и приветливо нас встречают: «А чего это вы пришли? Всё равно света нет!» Мы входим в волонтерскую, и я сразу начинаю шарить в темноте в поисках фонаря. Наконец я нахожу на нижней полке шкафа свечной фонарь и коробку со свечками. Долго чиркаю спичкой, и вот фонарь зажигается. Таня приносит из санитарской две банки и ставит в них свечи. Фонарь остаётся освещать игровую, а мы берём банки и расходимся по группам. Иду по коридору, мой светильник отбрасывает на стены круглые тени. В тёмном кабинете медсестра при свете свечи раскладывает по коробочкам лекарства. Захожу в группу

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

и с трудом различаю ряды кроватей. Наклоняюсь и вижу удивлённое Никитино лицо в круге желтого света. Никита тянется к светящейся банке. Ставлю банку на комод, нахожу стопки памперсов и начинаю переодевать ребят.

Потом мы с Таней хвастались, что можем надеть на ребёнка памперс, если не с закрытыми глазами, то...

Особый человек

Таня держит на руках Соню — крошечную девочку с огромной головой и всегда полуприкрытыми глазами. Соня не двигается, не видит, не улыбается. Я называю её Мадонной — за тонкие черты лица, высокий лоб, — она похожа на средневековую икону.

— Скажи, тебе не трудно видеть в таких, самых слабеньких, детях личности со своими мыслями, желаниями?

— Не трудно.

— Но ведь даже в обычном человеке иногда очень сложно увидеть личность, правда?

— Почему «даже»? Именно в обычном как раз и сложно. Он — обычный. А это (нежно смотрит на Соню) — особый человек.

Улыбка

Сегодня важный день: видела улыбку Лены.

Таких дней за год было три.

Лене семнадцать лет. Нянечки называют её «аристократка» — за манеры. Все движения у неё медленные, плавные — как в замедленной съёмке. Ложку Лена держит двумя пальцами, зачерпывает по чуть-чуть, очень медленно несёт ко рту. В её лице столько спокойного достоинства,

Часть II. В городе N

что мне всегда неловко за свою суетливость. Нянечки говорят, что отец Лены — дальнобойщик. Пока он ездил по дальним городам, за Леной присматривала бабушка — мама умерла, когда Лена была маленькая. Потом бабушка тоже умерла, и Лену стало не на кого оставить. Так она оказалась в детском доме. Нянечки Лену любят, часто с ней разговаривают, утром обязательно сажают в специальное кресло, дают ей кукол, когда просит. Просит так: берёт за руку и плавным, медленным, точным движением направляет в сторону игрушки.

— Что тебе? Куклу тебе? Опять будешь ей химическую завивку делать?

Лена берёт куклу и начинает накручивать кукольные волосы на палец.

Иногда она жестом просит дать все игрушки, стоящие на комод, а потом сразу же по очереди отдаёт их обратно. Я думаю, это такой способ поговорить.

Итак, Лена берёт куклу, медленно поворачивает её в руках, находит лицо и пристально смотрит в кукольные глаза. Меня это зрелище завораживает. Лена будто полностью уходит в любимую вещь (хотя это не то слово, потому что игрушки для неё — одушевлённые) и делает её своей живой частью. Даже страшно забирать у Лены игрушки, когда это необходимо (например, перед обедом).

Первая улыбка Лены. Я взяла куклу и соорудила ей подгузник из салфетки. Кажется, Лену это насмешило. Улыбка у неё тоже медленная, неуверенная. На пару секунд приподнимается левый угол рта. Успей заметить.

Вторая улыбка была адресована большой и красивой книге с картинками. Можете представить себе, как Лена переворачивает страницы. Смотреть на это — всё равно что смотреть, как пересыпается песок в песочных часах.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Третья улыбка — особенная. В ней были и изумление, и восторг. Это когда я дала Лене новую куклу в пышном бальном платье. Правда, длилась улыбка не дольше обычного, но я успела разглядеть.

Потом Лена протянула руку и мягко, но решительно подтолкнула меня к двери. Я поняла её желание остаться с куклой наедине и вышла.

Окно

Про самое трудное.

Окно в конце коридора. Я смотрю на него, когда иду в свою группу, чтобы не заглядывать в открытые двери других групп. Там обязательно кто-то плачет, а мне надо идти в свою группу, потому что иначе я ничего не успею. Кристина, волонтер из Германии, мне сказала: «А ты не думай о тех, с кем не успела сегодня побыть, думай о тех, с кем успела, иначе никакой радости не будет. Лучше уделить час одному ребёнку, но в этот час быть только с ним, ни на кого не отвлекаться, чем провести по две минуты с каждым, а в результате — ни с кем».

Это — теория окна.

А Фрау Келлер, специальный педагог из Швейцарии, говорит: «Не оставляйте детей ни с чем. Постарайтесь уделять каждому ребёнку хотя бы две минуты в день. Это мало, но важно для ребёнка. До конца дня он будет не просто лежать, а перебирать в памяти минуты, которые вы ему дали.

«Каждый получил кусочек арбуза или хотя бы зёрнышко с налипшей на него мякотью»¹⁴.

¹⁴ Стивен Кинг, «Долгая прогулка»

Часть II. В городе N

Это — арбузная теория.
Если у меня не получается совмещать эти два подхода,
я стараюсь их чередовать.

Ложка

*Что касается ложек, тут бы вам
эрготерапевт спел такую песнь!*
Е. Клочкова, семинар

Самая удобная ложка — с толстой ручкой. Толстая ручка делается так: на обычную ручку надевается мягкая пустая внутри штука вроде бигуди. Такую ложку удобнее держать в руке.

Моя Настя ухитряется переворачивать ложку чашечкой вниз. Сами понимаете, суп таким способом вряд ли зачерпнёшь. Поэтому ложку надо чуть-чуть изогнуть. Санитарка: «Какая сволочь опять ложки гнёт?»

Лёша не видит, но любит всё трогать. Ручка его ложки — фактурная, с выпуклостями и бороздками. Хорошо, если ложка тяжелая, то есть не совсем тяжелая, а тяжеленькая. Чтобы уж вещь так вещь.

Кое-кто во время еды любит ложку прикусывать. Поэтому у нас есть ложка с силиконовой чашечкой — прикусишь, так не страшно.

А вообще, ложек должно быть много. На случай, если мы большой компанией празднуем день рождения, едем на экскурсию или играем в Ноев Ковчег.

Ноев Ковчег

Ливень уже четвёртый день. Скоро всё затопит. Мы залезли в пустой надувной бассейн и играем в Ноев Ковчег.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Играем так: собираемся в дорогу — складываем в мешок ложки, чашки, сок и баночки детского пюре. Валера не понимает, зачем эту прекрасную вещь класть в мешок — гораздо правильнее съесть сейчас.

В пути нас настигает буря, мы отражаем нападение летучих рыб и спасаем человека за бортом. Стихийные и прочие бедствия обеспечиваю я, а Таня кто-то вроде боцмана. Роль человека за бортом взял на себя Коля, который в Ковчег не поместился.

Какая в море вода? Тёплая или холодная? Тамара первая опускает руку в красное ведро с водой, которое изображает море, и сообщает, что вода тёплая. Сашка ничего не сообщает, но погружает руку так глубоко в воду, как только можно, и обдаёт нас морскими брызгами.

Наконец мы съели все припасы, промокли под небольшим дождём (хорошая штука опрыскиватель), наловили рыбы и вдруг увидели вдали очертания берега, судя по всему — горы Арарат. С берега доносятся приветственные крики: «Давайте уже по группам, полдник едет!» Я зажигаю на пирсе фонарь-маяк. Ковчег благополучно причаливает.

Дети отправляются полдничать, а я вспоминаю разговор про Ноев Ковчег. Это было неделю назад на даче у моего друга. Мы с семилетней Варей резали овощи для салата, шел дождь.

С крыши веранды лилась вода, падала в бочку, бурлила и переливалась через край.

— Дождь, дождь, дождь! — возмутилась Варя. — Всё лето дождь!

— Скоро всё затопит, — сказала я. — Ты знаешь историю про Ноев Ковчег?

Варя не знает. Я рассказываю.

Часть II. В городе N

— И знаешь, что интересно, — заканчиваю я, — Ной взял в Ковчег *каждой твари по паре*, то есть всех животных, даже комаров и тараканов, значит, они тоже зачем-то миру нужны.

— Я знаю, комары нужны лягушкам. А черепахи, интересно, зачем нужны? Тоже только для еды?

— Не знаю, вот у нас была черепаха просто для радости.

— Может, все для радости? И люди тоже? Люди — точно.

Убедил

Украшаем группы к Новому году.

1.

Таня повесила пластиковые ёлочные шарики.

Входит нянечка:

— А это нельзя!

— Почему?

— Ну... Опасно. Бьются!

Входит главный врач.

Главврач: В чём проблема?

Нянечка: Шарики ведь нельзя такие?

Главврач: Почему?

Нянечка: Бьются.

Главврач берёт шарик и с размаху швыряет об пол.

Нянечка вскрикивает.

Шарик отскакивает от пола и падает в протянутую руку главврача.

Главврач: (невозмутимо) Убедил?

2.

Таня: А мне сказали, что электрогирлянды тоже нельзя, потому что от них короткое замыкание может быть.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Главврач: А где у тебя гирлянда?

Таня: Вот.

Главврач (обматывая вилку гирлянды скотчем): Я всегда соглашался с Остапом Бендером: уголовный кодекс надо читать. Ну вот, теперь это не гирлянда, а просто деталь интерьера. А если кто-то разматывает скотч и что-то там включает, то это уже не наша головная боль.

3.

Таня: А почему бумажные гирлянды нельзя?

Главврач: Пожарная инспекция запрещает. Интересно получается — бумажные самодельные гирлянды нельзя, а фабричные можно. Потому что, мол, бумажные загореться могут. А фабричные не могут.

Отрывает от фабричной, из фольги, гирлянды кусочек и подносит к огоньку зажигалки. Фольга вспыхивает ярким пламенем.

Главврач: (задумчиво) ...а фабричные не могут.

Неговорящие

Лиза, которая с начала лета работает с нами, очень хорошо написала про неговорящих детей.

«Неговорящий ребёнок» — понятие настолько относительное, что может означать что угодно. Бывают дети, которые говорят не словами, а предложениями, но так неразборчиво, что все считают их неговорящими. Бывают дети, которые не говорят, но так ловко объясняются жестами, что могут выстраивать целые жестовые рассказы.

А ещё (как раз об этом и написала Лиза) дети далеко не всегда считают, что с нами есть о чём поговорить.

— Лера, ты почему тёте ничего не сказала, ты же так хорошо говоришь!

Часть II. В городе N

— А о чём с ней говорить?

В Таниной группе есть девочка Тамара. Когда Таня начала работать, она была уверена, что Тамара не говорит, потому что не слышала от неё ни единого слова. Однажды в группе отключили свет.

— Ну вот, свет отключили! — расстроилась Таня.

— Какие мы нежные! — сказала Тамара.

От неговорящих детей я узнала много интересных слов.

Чего стоит, например, Сашкино «э-я-эй» (мы Сашку так и зовём — «эяэй»), Юрино «ятатататай», Никитино «пждии» и Настино «ихь!», приводящее в восторг немецких волонтёров. Она говорит «ихь!», они отвечают: «ду, ду!»¹⁵

Пасха

Пришла медсестра:

— Вы к Пасхе готовитесь? Можно, я с вами посижу?

Я рассказала детям, что такое Пасха. Поняли или нет, не знаю, но даже если всех слов не поняли, это не страшно. У каждого праздника есть свой ритм, запахи, звуки, цвета. Для наших детей Пасха сложится из вкуса кулича, пасхальных песнопений (мы поставили диск), уксусного запаха краски для яиц. Яйца мы будем дарить нянечкам и медсёстрам.

Мы со Светой показали, как выглядит целое яйцо: обычно его дают на завтрак уже размятым. Предложили по кусочку попробовать, некоторые отказались: страшно.

Потом мы налили в миски воду и смотрели, как красиво в ней растворяется таблетка красителя: сначала вокруг неё образуется цветной круг, потом — целый водоворот.

¹⁵ Ich — «я», du — «ты» (нем.)

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Осторожно, чтобы не повредить скорлупу, дети опустили яйца в синюю, красную, желтую воду. Кто-то услышал стук скорлупы о дно и засмеялся. Кто-то удивлённо смотрел на синюю воду: куда подевалось яйцо? Кто-то крепко сжал своё яйцо в руке и расстроился: «яйцо сломалось!» Кто-то опустил руку во все миски по очереди, а потом рассматривал разноцветные пальцы. Кто-то спросил: «Завтра воскресенье?»

Лошадь

Детдомовское время измеряется лошадью. Цоканье копыт под окнами означает, что пришло время сдачи белья или кормления, в зависимости от того, что следует за цоканьем: шмяканье или бряканье. Брякают большие железные бидоны с обедом, шмякаются мешки с бельём.

Утром мы определяем по лошади, успеваем ли мы на завтрак: если, войдя в калитку, мы видим силуэт лошади с телегой на фоне кухонной стены, значит, всё в порядке. Если лошади нет, нужно поторопиться: завтрак уже повезли по корпусам.

Фонарик

Зимой, когда мы с Таней выходили из детского дома, на улице была тьма. Под окнами первого этажа лежали светлые пятна, но через несколько шагов начинался лес. Мы шли, нащупывая стволы сосен и спотыкаясь о корни. Мой друг Сашка подарил нам фонарик, похожий по форме на маяк. Я цепляла его к пуговице пальто, и он образовывал круг света. Фонарик был тёплый и умещался в ладони. Он осветил самые тёмные зимние дни, а потом разбился.

Часть II. В городе N

Карусель

Лето началось с карусели на площади. Площадь города N, как и полагается главной площади, вмещает в себя всё: почту, милицию, церковь, пекарню, кинотеатр, аптеку и универсальный магазин. Откуда взялась карусель, я не знаю, наверное, приехала: она на колёсах. Большая двухколёсная тачка, на тачке — зонтик. Синие сиденья на цепях по утрам заправлены внутрь тачки, а вечером свободно трепещут на ветру. Никогда не видела, чтобы на карусели кто-то катался.

Черника

Черника растёт в лесу вокруг детского дома. Её очень много. Мои дети чернику не едят — не привыкли. Даю Валере ягоду. Он долго катает её на языке.

Раздавил, сморщился и выплюнул. Смотрит на меня. Лицо недовольное, губы измазаны черникой.

Босиком

Каждый раз, когда он проводит большим пальцем по кольчуге шерстяного носка, я пытаюсь понять, что это для него значит, и гадаю как часто он получает возможность самостоятельно исследовать мир. Больше пауз. Меньше меня. Когда он сам протягивает руку и трогает ствол дерева, это триумф сосредоточения.

Я села на край песочницы так, чтобы босые Ларисины ноги касались травы. Очень осторожно: никто не знает, как она отнесётся к столь сильному ощущению. Мы сидели долго, чтобы она привыкла. А потом я опустила Ларисины ноги в тёплый песок — тоже осторожно и медленно. Если

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

ей не понравится, она будет плакать. Лариса не плакала. Её лицо выражало напряжённую работу мысли: сколько всего происходит! Для неё это, наверное, целое путешествие.

В этом году он уже не морщится, первый раз за лето ступив босиком на траву. Шагает не очень уверенно, но улыбается. Сначала мы идём по траве, потом по нагретому солнцем деревянному мостику. Я и сейчас, когда пишу, чувствую пальцами ног влажные листья одуванчика и тёплые гладкие доски. Ещё одно ощущение: пропустить через кулак стебель подорожника, чтобы в кулаке остались зёрнышки.

Сашка

Когда мы собрались ехать на автобусе в крепость, доктор сказала:

— А люди не испугаются, когда его увидят? Может быть, кого-нибудь другого возьмёте?

— Что ж теперь, если он не очень красивый, ему никуда не ездить?

— Да, но он такой больной...

— Не больнее, чем другие! — крикнула я на бегу: подъехал автобус.

У Сашки очень большая голова и красно-синее родимое пятно в пол-лица. Но когда к этому привыкаешь, видишь, что Сашка очень даже ничего.

Все вещи на свете он делит на три категории:

— то, что можно грызть, жевать и сосать. В эту группу, кроме очевидного, входят, например, камни, и вообще всё, что влезает в рот.

Часть II. В городе N

— стучалки. Назначение этой категории понятно из названия. Всё, чем можно стучать, колотить о свою коляску, спинку кровати, а иногда, к сожалению, о собственную голову. Здесь вещи, не вошедшие в первую категорию, кроме совсем мягких и совсем тяжелых.

— вода и другие жидкие субстанции. О-о-о! Если это нельзя выпить залпом (а Сашка чуть ли не единственный человек, которые ест и пьёт быстрее меня), нужно опустить туда руку и поднять тучу брызг.

От той поездки в крепость в памяти осталось несколько картинок:

Сашка в автобусе. Сидит через проход от меня и ухмыляется.

Сашка, босой (носки уже пожевал, теперь они сушатся на ручке коляски), сидит по-турецки и с невозмутимым видом обзирает окрестности.

Сашка у колодца. Мы вытащили ведро воды, Сашка опустил туда руку и почти достал до дна. Вода холоднющая.

Однажды мы взяли Сашку на озеро. Выражение его лица, когда он понял, что *всё это* — вода, надо было видеть.

Театр

Марианна Майер сказала, что ребёнок очень многое может, когда чувствует себя нужным. Если, например, он играет в спектакле и знает, что спектакля без него не получится.

Так появилась наша театральная группа.

Мы решили поставить спектакль по сказке Чуковского «Тараканище». Творческая группа состояла из одиннадцати актёров, а число режиссёров постоянно менялось.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Поставить спектакль, когда большая часть актёров не говорит и не ходит, — задача не из лёгких.

Мы собрались в игровой, прочитали пьесу вслух и приступили к распределению ролей.

«Ехали медведи на велосипеде»... Кто хочет быть медведем?

Мало кто знал, что такое медведь, и мы показали картинку в книжке. Так же поступили с остальными персонажами. Немецкие волонтеры тоже сверяли русские слова с картинками, если Майке, которая довольно хорошо знает русский, не могла перевести. Правда, накануне спектакля выяснилось, что немцы всю дорогу путали рака с жабой, но это мелочи.

Среду после обеда мы объявили театральным временем. Репетировали в игровой, а потом, когда поняли, что там не хватает места, в коридоре возле буфетной. Обойти нашу весёлую толпу было невозможно, поэтому нянечки, медсёстры и врачи просили нас расступиться, и мы расступались, словно море перед народом Израилевым. Каждую среду нас спрашивали, чем мы тут занимаемся. Каждую среду мы объясняли, что каждую среду репетируем спектакль. Каждую среду нам отвечали, что впервые это видят. Даже в день премьеры, сред двадцать спустя, нашлись люди, утверждающие, что слышат о спектакле впервые.

Принцип работы с актёрами был прост: если наш актёр мог сам делать то, что полагалось по роли, он это делал, а если не мог, мы это делали за него (говорили, например, или двигали его руками, или катили его коляску). Сказка «Тараканище» хороша тем, что в ней много ролей, которые играть не нужно, достаточно быть в образе. Если ты «комарик на воздушном шарике», твоя единственная задача — держать воздушный шарик, а с этим трудно не справиться.

Часть II. В городе N

Вы спросите, все ли ребята понимали, что мы делаем спектакль и что такое спектакль, о чём говорится в сказке и так далее?

Конечно, не все. Но весело было всем, потому что спектакль — это музыка, игра, движение, а этого мало кто не любит. К тому же, когда какие-то действия и слова повторяются из раза в раз, они становятся привычными и более понятными.

Роль Тараканища исполнял Миша из СПИД-палаты, так у нас называют группу ВИЧ-инфицированных детей. Миша — нормальный мальчишка, только не говорит. Зато прекрасно объясняется с помощью жестов. В свои шесть лет Миша обладает недюжинным инженерным талантом. В игровой он первым делом хватается за ящик с инструментами и начинает завинчивать и подкручивать все шурупы и винты, которые попадают ему на глаза. Как-то раз он вполне профессионально починил нам стул.

Тараканище из Миши получился что надо. Он «рычал, кричал и усами шевелил», иногда, правда, отвлекаясь на поиски отвёртки или молотка.

А у Алины обнаружился настоящий драматический талант. На фразе «едут и смеются, пряники жуют», она смеялась, а когда «бедные, бедные звери плачут, рыдают, режут», закрывала лицо руками и очень правдоподобно рыдала. При этом она время от времени отнимала руки от лица, чтобы пояснить: «Алина плачет!»

Я очень старалась, чтобы всё было по-настоящему, поэтому накануне премьеры собрала всех участников и сказала речь. Такие речи, как мне кажется, атрибут любого настоящего театра:

— Итак, завтра у нас премьера! (я сделала паузу, чтобы все как следует прониклись серьёзностью момента, а Май-

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

ке в это время перевела мои слова другим немцам). — У нас премьера, и смотреть на нас придут все Самые Главные. Поэтому имейте в виду: если мы провалимся, лучше бы нам вообще на свет не рождаться. А значит, собрались и работаем! Работаем-работаем!

Декорации мы с ребятами нарисовали на простынях, а костюмы сделали из белых футболок. Это было несложно: ребёнок обмакивал руку в краску и оставлял отпечаток на ткани. Если краска серая, значит, получился костюм зайца, если зелёная — жабы. Чтобы облик персонажей был более определённым, мы попробовали надеть на детей маски, но дети были против того, чтобы чем-то закрывать лицо. Тогда мы прикрепили к футболкам кукол-зверей для кукольного театра, но оказалось, что некоторым нравится хватать куклу и тянуть изо всех сил, пока не оторвётся. Пришлось обойтись гримом, против него никто не возражал.

Вечером накануне премьеры мы с Таней нарисовали афишу, а утром повесили её в коридоре. Было тепло, поэтому показывать спектакль решили на улице. Началась обычная предпремьерная суета: возня с костюмами и гримом, развешивание декораций по забору, расстановка стульев для зрителей и тысяча других мелких дел.

Нашими зрителями были нянечки и дети, не занятые в спектакле.

После премьеры я написала в рабочем дневнике:

«В общем, всё прошло хорошо, конечно, мы много чего напутали, но этого никто не заметил. Миша был на высоте, остальные тоже, в финале мы с волонтерами спели под гитару трогательную песню «ты особенный», зрители нам похлопали и стали расходиться. В театральной жизни я больше всего люблю время после спектакля, когда

Часть II. В городе N

все лениво смывают грим, переодеваются, поздравляют друг друга или просто сидят, глядя в одну точку. *«Расслаблены нервы, окончены споры, будто не будет больше премьер».*

Цветочки

Один умный человек мне сказал:

«Вы занимаетесь тем, что сажаете цветочки на дне пропасти, которую не украшать надо, а засыпать. В государственных интернатах для инвалидов ни при каких обстоятельствах не может быть достойной жизни, значит, надо все силы тратить на то, чтобы интернатов не было».

Возможно, он прав, и ради будущего нужно направить все усилия не на украшение пропасти, а на преобразование государственной системы социальной защиты. Но, к сожалению (или к счастью), засыпать пропасти — не моё призвание. Будущее мне вообще трудно даётся, я знаю именно этих детей, вижу их сегодняшний день, а «если человеку дан один день, он должен его прожить», и прожить, по возможности, в человеческих условиях.

Письмо

«...и какая-то особенная подлинность всего происходящего. Настоящая зима с бесконечным снегом, тёмными стволами сосен, фонариком, на который мы ловили в крошечной тьме междугородние автобусы до Петербурга, сияющим Рождеством в детском доме и в нашей однокомнатной квартирке. Настоящая весна с подснежниками и мокрым черничником, с днём, когда детям в первый раз разрешили погулять, потому что стало теплее. Настоящее

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

лето с малиной, черникой и земляникой, походами на озеро с детьми и без детей, лесными прогулками, толстенными стволами елей, тучами комаров. Настоящие праздники — Пасха с запахом уксуса и кулича, Рождество с немецкими псалмами, дни рождения детей с плавающими в тазу свечками, кукольные спектакли и приезды гостей. Мир открыл мне рай простых вещей. Как будто снова проживаешь раннее детство, только осознанно. Могу сказать, что этот год был страшно тяжелым и счастливым, как Божий подарок, как тёмный ельник, пронизанный столбами света. Наверное, Его подарки такими и бывают».

Глава 2. Следы присутствия

*«Вешаю на кровати следы своего
присутствия — погремушку, колокольчик...»
Из дневника*

Когда человек умирает, очень важно, чтобы после чего-то осталось. Это трюизм, но я не знаю, как ещё начать.

Есть дети, о которых я не знаю почти ничего, кроме факта их смерти. Они были не в моей группе, или были такие закрытые, что с ними не получилось установить контакт, или к моменту нашего знакомства уже очень тяжело болели. Но я хочу написать об этих детях, что-то вспомнить, иначе память о них останется только в медицинских записях.

Рождество

В первой палате городской больницы стоят огромные кровати с деревянными лакированными шарами на спинках. В этих кроватях наши дети кажутся ещё меньше, чем на самом деле. Перед Новым годом в первой палате лежали сразу три девочки из детского дома, Ира и Таня из нашего отделения (у обеих была пневмония) и Марина из другого корпуса.

Врачи и медсёстры к нам привыкли:

— А, из детского дома? Как вы называетесь? Волонтеры?

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Мы с моей коллегой Таней (буду называть её большой Таней, чтобы не путать с Таней маленькой) шли в палату, переодевали детей, иногда кормили, иногда помогали во время медицинских процедур, а главное — брали девочек на руки и разговаривали с ними.

Ире Ц. было почти тринадцать лет. Спастические нарушения выгибали её тело, и голова была всегда повернута в одну сторону. Таня знала, как нужно брать Иру на руки, чтобы тело на какое-то время принимало правильное положение, Ира расслаблялась и отдыхала. Она умела улыбаться, что для многих наших детей большое достижение. Я, правда, никогда не знала, улыбка это или выражение недовольства, но Таня хорошо разбиралась в Ириных настроениях.

Таня С. (маленькая Таня) провела в больнице почти всё время, что мы работали в детском доме. Глядя на неё, все удивлялись, откуда она берёт силы жить. Больше всего Таня была похожа на только что вылупившегося дракончика. Я никогда не видела ребёнка, так мучительно не приспособленного к жизни. Мы не могли понять, есть ли положение, в котором она чувствует себя хорошо. Не знали, когда брали Таню на руки, удобно ей или больно. Её лицо всегда сохраняло выражение напряженного внимания.

Мы разговаривали с маленькой Таней, а чаще пели ей, потому что верили: ей нужно общение, человеческое тепло, даже если она никак нам не отвечает.

На Рождество мы украсили палату ёлочными шарами и гирляндами. Маленькая Таня была слепая, а Ира видела, и на тумбочку возле её кровати мы поставили крошечную игрушечную ёлочку. Большая Таня перевела мне Ирино выражение лица: «Ей нравится».

Часть II. В городе N

Я садилась на кровати ко всем по очереди и играла на флейте.

Большая Таня взяла на руки маленькую и тихо что-то ей пела, по-моему, свои протестантские рождественские песни.

Конечно, на улице шел снег.

В палату заглянула медсестра, увидела нас и тихо прикрыла дверь.

Я вспоминаю это Рождество и не знаю, что понимали и чувствовали девочки, какими они нас видели. Если кто-то скажет, что мы зря старались войти с ними в контакт, потому что им это было не нужно, я не буду спорить. Вполне достаточно того, что это было нужно нам. Мы очень хотели понять и услышать. Надеюсь, они это почувствовали.

Я засыпаю, и кажется мне,
Будто по небу плыву на спине,
Будто сжимаю крыла уголок,
Будто незримый веду диалог:

— Тихая радость, тёплая тишь,
Ты у меня до утра погостишь?
— Сказывай сказку, волосы гладь,
Чтобы мне было спокойнее спать.

Самая тихая радость моя,
Самая верная радость моя —
Звёзды считать на оконном холсте,
Тёплую руку искать в темноте.

Марина

Первое время она нас боялась. Когда мы только вошли в палату, она начала кричать. На крик пришла медсестра: «Что такое? Девочки тебя не обидят. На, попей».

Марина жадно пьёт. Сама держать чашку она не может — на ней грубая смирительная рубашка. Рукава, правда, не связаны за спиной, свободно болтаются.

— Почему рубашка?

— Бьём себя. Ухо разодрали. Так-то она хорошая девочка. У нас сколько ни лежало даунят, все хорошие.

Допив, Марина ложится и поворачивается лицом к стене.

Довольно скоро она привыкла к нам, во всяком случае, больше не кричала. Чаще всего лежала, отвернувшись к стене. Я не пыталась подружиться с Мариной, хотя она мне сразу чем-то понравилась. Я думала, что если Марина не выражает желания общаться, лучше не пытаться «разбудить» её. Зачем давать обещания, которые потом не сможешь выполнить?

Под Новый Год мы украшали палату гирляндами, а Марина, лёжа на спине, наблюдала за нами. Я принесла в больницу флейту. Подсаживаясь ко всем по очереди, играла рождественские песни. Села и на Маринину кровать. Марина насторожилась, напряглась, ещё бы — такое вторжение в личное пространство. И вдруг широко улыбнулась то ли мне, то ли музыке.

В следующий наш приход у Марины было сильное расстройство желудка, и я повела её мыться в душ. Мы шли по больничному коридору, удивляясь забытому ощущению: Марина забыла, что такое ходить, я забыла, что такое вести ребёнка за руку (никто в моей группе не ходит).

Однажды медсестра попросила нас покормить Марину.

Часть II. В городе N

Первым делом я сняла с Марины смирительную рубашку. Принесли обед — картофельное пюре с мясным пюре. Марина выжидательно открыла рот.

— А может, ты сама поешь? — спросила я и попыталась вложить в её руку ложку. Марина молниеносно убрала руки за спину и возмутилась:

— А-а-а!

— А может быть, всё-таки?

— А-а-а!!! — закричала Марина, мотая головой.

Но у меня случился приступ упрямства. Мне тогда почему-то казалось, что это очень важно — уговорить Марину взять в руку ложку. Что от этого многое зависит. Вряд ли я смогла бы ответить, что.

Мы сидели рядом на кровати перед низким столом. Я вложила в Маринину руку ложку и накрыла её руку своей. Марина руку не убрала.

Так, рука в руке, съела весь обед.

Потом мы сидели рядом радостные: я радовалась тому, что Марина держала ложку, Марина — тому, что наелась, а может, ещё чему-то своему.

Таня серьёзно сказала: «А вы похожи». Я тоже об этом думала. Бывают дети, к которым сразу чувствуешь душевное притяжение, даже (или особенно) если они злые, замкнутые и не желают с тобой общаться.

Потом мы перестали бывать в больнице. Время от времени я думала, не навестить ли Марину, но так и не собралась. Оправдывала себя тем, что нельзя давать обещания, если не можешь их выполнить.

Через месяц я снова пришла в больницу: заболела девочка из моей группы. Я вошла в палату и увидела Марину. Сначала я не узнала её, так она изменилась. Первая мысль была: «Боже, до чего Марина желтая!»

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Я присела на край кровати: Марина, привет.
Она равнодушно скользнула по мне взглядом и отвер-
нулась к стене. Ещё через месяц я узнала, что Марина
умерла.

Я целый день сегодня проспала
И всё же не хочу вставать с постели.
Так холодно, что даже зеркала
В высоких коридорах запотели.

День будет продолжаться в темноте,
Отмеченный закатом только с краю.
На улице играют на альте.
Не знаю, кто. Наверно, я играю.

Пока зима, пока ведут домой
Дворы и окна маленьких часовен,
Пока весь мир украшен бахромой
И птичьими следами изрисован,

Пока зима, и доски тишины
Под нами прогибаются упруго,
Пока мы так собой поглощены,
Что замечать перестаём друг друга,

Пока любовь и остальную кладь
Мы зарываем в снег у переправы,
Пока мы ничего не можем знать
И даже не надеемся, что правы,

Пока мы замерзаем и постимся —
Простимся.

Три рассказа про надежду

Я очень боюсь переборщить с тяжелым и страшным, потому что пишу книгу не об этом. Но всё-таки решила почти не править и не сглаживать свои письма и записи, оставшиеся после посещений психоневрологических интернатов, куда переводят детей из детского дома после 18 лет. Здесь не обойтись без тяжелого и страшного. Но прошу помнить, что эти три рассказа не об этом.

Никита

Первое письмо

Здравствуйте. Хотела написать Вам вчера, но не получилось.

Да и сейчас тяжело писать. Вчера, видимо, от усталости, эмпатия обострилась. Путь занял, в общей сложности, 16 часов. На обратном пути долго кружили по незнакомым окраинам Петербурга, я сперва читала, а потом пыталась заснуть, лёжа на заднем сиденье и закутавшись в Никитино одеяло. Трясло. Было жарко. Страшно хотелось спать. В голове мелькали четверостишия сегодняшнего дня.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Никитка лежит на том же сиденье, когда машину подбрасывает на ухабе, смеётся. Иногда берёт меня за руку, я её глажу.

Лена всё комментирует: «Мама! (она зовёт меня то «мама», то «тётя», а шофёра — «папа»). Мама, смотри, трамвай! Папа, мост, мост! Куда мы едем? Домой?»

— Мы едем во взрослый дом, ты там будешь жить, там хорошо.

— Да. А куда мы едем?

Лена едет в один интернат, Никита — в другой. Ещё кого-то из наших подопечных отвезут в третий — я раньше не подозревала, что в Ленинградской области столько интернатов.

Почему этим людям дано увидеть кусочек мира лишь по дороге из одной изоляции в другую? Почему их путь раз и навсегда определён? В окне машины — первые дома Петербурга. Мне дано счастье ходить по его улицам. Я смогу, если захочу, поехать в Париж. Никто не знает моего будущего. Никитино будущее всем известно. Он лишен права смотреть на красоту, веселиться, общаться, слушать музыку, радоваться — **жить**. Кто-то решил, что ему всё это не нужно.

Не хочется думать. В голове только одно слово «почему?»

Но обратиться его не к кому.

Я предаю Никиту, нечего делать вид, будто это не так.

Зачем я показывала ему, что есть музыка, праздники, деревья, чтение вслух?

Теперь ему будет ещё тяжелее, потому что я разбила его.

Мальчик, не знаю, как его зовут, всю дорогу промолчавший (я даже не была уверена, что он умеет говорить), сказал, увидев на остановке старушку: «Смотрите! Это моя бабушка!»

Часть II. В городе N

Справа мелькает Нева, начинаются двухэтажные бараки, потом пятиэтажки. Дорога к интернату, спрятанная за гаражами. Серая проходная. Всё заросло высокими сорняками. Машину обступают проживающие.

— Новеньких, новеньких привезли! Сколько маленьких! Вы откуда?

— А я тоже оттуда!

— А это кто с ними? Воспитательница?

— Один даже кушать не умеет! (Пока машина стоит, я кормлю Никиту с ложки)

Балконы, огороженные решетками. За решетками кто-то ходит.

Никиту берут на руки, несут в карантинное отделение.

— Вот ещё одного помирать привезли!

Кровать. Окно. Крупная ржавая решетка. В неё плавно влетают тополиные пушинки.

Что чувствует Никита, я не знаю. Я чувствую, будто все это происходит со мной: меня привозят в чужое место, где никому нет до меня дела, нет ничего из прежней, привычной и надёжной жизни, и оставляют там навсегда.

Даже сейчас, когда я выросла и слышала про бесконечность, я не могу представить себе это *навсегда*.

Медсестра: Ой, он же свалится с этой кровати!

Нянечка: Он что, в туалет не ходит? Я памперс надевать не буду! Ещё чего!

Медсестра: Ну, хоть в первый день! (мне) Он и не сидит сам? Господи!

Нянечка: Вот ещё! Не занималась!

Медсестра: Он что, жевать не может? Я таких кормить не умею.

Я: А сколько у вас человек в палате?

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Медсестра: Да там, куда его положат, и палат-то нет, у нас отделение казарменного типа, они там все, как мухи, крутятся.

Не могу. Прощаюсь с Никитой и выхожу. И так и так предательство — минутой больше посидишь или минутой меньше.

Второе письмо

Здравствуй!

Вчера я поехала навестить Никиту.

Погода была непонятная: было одновременно ветрено и душно. Над городом висел дождь и никак не мог пролиться. Город, где находится Никитин интернат, в сорока минутах езды от Петербурга. Он показался мне очень плоским и пыльным. Плоская площадь у автовокзала, плоские прямые улицы. Казалось, город приплюснут к земле тяжелым серым небом.

— Скажите, как пройти к психоневрологическому интернату?

— Да идите налево, прямо и до конца.

— По какой улице?

— А всё равно. Это в лесу. В лесу диспансер. Ну, интернат.

Путь по прямой улице показался мне бесконечным. Наконец улица упёрлась в гаражи. Дальше начинался редкий сосновый лес. За деревьями белел бетонный забор интерната.

«Господи, — подумала я. — Зачем Тебе эти задворки мира?»

Готовясь к тому, что сейчас увижу, перебираю в памяти фразы:

Часть II. В городе N

«Ещё одного помирать привезли»
«Я памперс надевать не буду»
«Он и не сидит сам? Господи!»
«Он что, совсем жевать не может? Я таких кормить не умею»
«...и палат-то нет, у нас отделение казарменного типа, они там все, как мухи, крутятся»

Женщина с ярко покрашенным ртом, постоянно кашляя, объяснила, как пройти в отделение милосердия.

Стучусь и заглядываю в санитарскую. Слышу:

— Выйдите, сюда нельзя заходить!

— О Господи, вы кто? К кому?

Я к Никите. Из детского дома.

— Ах, из детского дома! Пойдёмте, мы вам сейчас покажем. Алла, дай ключ. Заходите. Вот он, ваш Никита. Никита, смотри, кто к тебе приехал.

Я теряю дар речи: он сидит в инвалидной коляске перед телевизором, чистый, сухой, в памперсе!

Наконец выдавливаю из себя одно слово:

— Сидит...

— Конечно, сидит. Мы его каждый день высаживаем. У нас всё по показаниям врача. Вы будете его кормить?

Чудеса продолжают: приносят обед из трёх блюд — протёртое первое, протёртое второе и компот. И даже салат.

После обеда нам предлагают погулять:

— Мы его каждый день на свежий воздух выкатываем, на балкон (это правда, я видела на балконах ребят на колясках), а вы с ним погуляйте по дорожкам.

Нам дают красивую красную кепку. Или мне кажется, что она очень красивая. Просто прекрасная!

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Мы гуляем по дорожкам среди высоченной травы, шиповника и акаций. Вспоминаю про Никитину любовь к звукам и делаю свисток из акации. Никита слушает, склонив голову на бок. Потом я сижу на скамейке, повернув Никиту в коляске лицом к себе и читаю ему Честертона. Не знаю, что Никита понимает, но книга ему нравится: он хватается за страницу и отрывает кусочек. Он говорит «ой!» и что-то вроде «подожди» — «пждиии».

Да, этот интернат — такой же, как и все другие интернаты. За редчайшим исключением.

Но я почти счастлива. Вспоминаю анекдот: «да, ужас. Но не ужас-ужас-ужас!!!»

Я возвращаю Никиту в палату, прощаюсь с ним и выхожу на крыльцо интерната. Начинается дождь. Под навесом стоит проживающая.

Говорит мне:

— Ой, какой хороший мальчик! Ты чей такой послушный? А где твой зонтик? Ну-ка марш домой!

Люда

В отделении новенькая. С виду лет пятидесяти, полная, улыбчивая, в домашних тапочках.

— Здравствуйте, как вас зовут? Меня Люда зовут. У меня мама в больнице, потому что у неё ноги очень болят. А знаете, что у меня есть? У меня карточки есть, два телефона, радио. Идёмте, я покажу.

В палате Люда достаёт из тумбочки жестянку из-под печенья и показывает мне игрушечные телефоны, радио, колечки, куклу в синем платье. Над Людиной кроватью скотчем приклеена картина из журнала.

Часть II. В городе N

— Это мамина картинка. А я вам сейчас карточки покажу.
Фотографии хранятся в коробке от вафельного торта.
Люда достаёт их по одной.

Пожилая женщина на диване, на фоне коврика с оленями.

— Это моя мама, она в больнице, у неё очень болят ноги, а потом она меня домой заберёт.

Женщина помоложе возле кадки с пальмой.

— Это Светочка моя.

— Ваша сестра?

— Да, сестра, — гордо отвечает Люда. — Она сейчас в Крым поехала. Знаете что? Она мне оттуда будильник привезёт.

Маленький мальчик с букетом астр.

— Это Димочка. Ему семь лет. А мне знаете сколько? Мне три.

— Похоже! — вырывается у меня. Идущая мимо нянечка фыркает. Мне становится очень стыдно.

— Вам, наверное, больше, — пытаюсь я сгладить бестактность. — Вы уже взрослая.

Но Люда моей бестактности не заметила. Она радостно говорит:

— Нет, мне три, три! Я ещё молодая.

Уходя, я ни о чём не спрашиваю нянечку и медсестру: правда ли мама в больнице или это Люде так сказали, навещает ли сестра. Я всё равно ничего не смогу сделать. Я не хочу ничего знать, я хочу надеяться.

Наташа

Доктор говорит мягко, словно извиняясь.

— Мы не потому запрещаем, что мы против. Так-то гуляйте, пожалуйста. Но вы приезжаете раз в месяц. А у на-

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

шего персонала, к сожалению, нет возможности гулять, брать на руки. Так они лежат спокойно, и хорошо. Вы приезжаете, будоражите их и уезжаете, а мы потом их неделю успокоить не можем. Они чувствуют, что было что-то, а теперь нет. У них же нет такого понимания, что вы ещё придёте.

Палата — в конце длинного извилистого коридора. Я открываю дверь, и меня встречает дикий крик. Такой, что меня отбрасывает обратно в коридор. Крик всё длится. Непонятно, как у кричащего выдерживают голосовые связки.

Это Наташа. Она лежит у дальней стены. На крашеной зелёной стене — огромное, похожее на карту, белое пятно — Наташа ногтями отколупывает краску. С прошлого раза пятно стало больше. В палате пахнет пелёнками и затхлым лекарством.

Наташа кричит.

Входит медсестра:

— Вот видите, видите? А до вас она спокойно лежала.

Но я знаю, что Наташа так реагирует на каждого вошедшего. Сажусь на край кровати, Наташа узнаёт меня и успокаивается. Когда я смотрю на Наташино лицо, худое, с резкими чертами и тёмными глазами, в которых никогда, даже если Наташа улыбается, не бывает радости, я чувствую, что она не просто **«всё понимает»** — большинство наших подопечных понимает речь, — а по-настоящему понимает, что дальше в её жизни ничего не будет.

Когда человек это чувствует, он уходит в себя так глубоко, что видит только настоящий момент: пелёнку, которую жуёт, свои пальцы — и, может быть, (не знаю, надеюсь), не осознаёт, что ему плохо. У Наташи не так.

Когда я встаю, чтобы уйти, она кричит.

Часть II. В городе N

— Наташа, послушай. Если ты будешь так кричать, меня больше к тебе не пустят. Пожалуйста, не кричи. Ты же меня помнишь. Разве я тебя когда-нибудь обижала?

Недоверчиво смотрит на меня.

— Да, я ещё к тебе приду. Не могу обещать, что скоро, но обязательно приду. А сейчас мне надо уехать.

Наташа слушает.

Отхожу от её кровати. Наташа, приподнявшись на локтях, наблюдает за мной. Напрягается. Морщит лоб. Набирает в грудь воздуха и кричит.

Слышу, как за дверью медсестра говорит кому-то:

— Да ничего, сидит рядом с ней, а та всё равно орёт. Я снова сажусь на кровать.

— Ничего-то они, Наташа, не понимают в наших отношениях. Ты не веришь, что я ещё приду?

Я рассказываю Наташе, как я буду ехать на поезде день, второй, третий, как за окном будут реки, поля, леса, утро, день, вечер, ночь. И приеду на край света, во Владивосток. А потом сяду на обратный поезд и снова поеду долго, долго, но уже домой.

Я говорю медленно, слегка покачиваясь в такт словам, и сама чуть не засыпаю.

Наташа непонятно смотрит на меня и молчит.

Н.Н.

1.

Система калечит не только тех, о ком призвана заботиться, но и тех, кто в ней работает.

Мы приходим в детский дом с убеждением, что нянечки всё делают неправильно, что если кто и знает, как надо,

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

так это мы. После работы мы часами обсуждаем, что сегодня сделала или сказала та или другая нянечка, и в лучшем случае смеёмся, а чаще — возмущаемся.

Мне случалось ненадолго заменять нянечку в своей группе, и я знаю, что это за работа. Как можно требовать от нянечки, чтобы она всё делала «правильно», если она одна на 10, а то и 12-13 детей с тяжёлыми нарушениями?

«Нянечка делает не так, как надо». А откуда ей знать, как надо, если её никто этому не учил?

Кормить-переодевать — для этого много ума не требуется.

А как снять с ребёнка футболку, если его руки всегда плотно прижаты к телу?

Как накормить, если он постоянно давится?

Люди, по двадцать, тридцать лет проработавшие с детьми, у которых детский церебральный паралич, эпилепсия, никогда этих слов не слышали. Они знают «лежачий», «припадочный». Люди виноваты?

Связывать ребёнка руки или привязывать его к скамейке — это жестоко, бесчеловечно?

А что остаётся нянечке, если этот ребёнок постоянно и очень сильно бьёт других детей или до крови расцарапывает своё лицо, руки? Она не может всё время находиться в группе, потому что ей нужно мыть полы и раскладывать бельё. А ещё бывает так, что нянечка одна на две группы. А если бы она и могла всё время быть в группе, представьте, что это такое — целый день держать ребёнка за руки.

А где воспитатель?

Государство считает, что воспитатель нашим детям не нужен.

Система преступна потому, что заставляет принять как должное вещи, которые без ущерба для собственной личности принять нельзя.

Часть II. В городе N

Люди мягкие, любящие детей, привыкшие делать всё как следует, очень встают перед выбором: привыкнуть, делать невозможное или уйти. Кто-то уходит. Многие привыкают.

Но я знаю людей, которые работают в детском доме много лет и стараются делать всё, что в их силах. Разговаривают, играют и гуляют с детьми, хотя это не входит в их обязанности, и верят не успокоительному «всё равно они ничего не понимают», а собственному здравому смыслу.

2.

— Смотри, смотри, опять себя лупит. Вот сейчас руки завяжу!

Нянечка Н.Н. туго заматывает Лёшу в кокон пелёнки. А я разматываю. Выглядит ужасно. А звучит ещё хуже: «связанный ребёнок».

Но Лёшу пелёночный кокон успокаивает. Он почти сразу засыпает.

Наблюдаю и пытаюсь понять, в чём тут дело.

У Лёши серьёзные нарушения движения, снижен мышечный тонус. Он плохо чувствует своё тело. И не видит (он слепой), поэтому его представления о схеме своего тела очень неточные и расплывчатые. Чтобы узнать, где у него руки, ноги, живот, голова, Лёша хлопает по ним руками, стучит кулаками. Скрипит зубами, чтобы понять, что происходит во рту. С шумом выдыхает и кричит, чтобы почувствовать, как работают лёгкие, диафрагма, горло, язык. Это неосознанная, но жизненно важная потребность: почувствовать себя.

В плотном пелёночном коконе Лёша лучше ощущает границы своего тела: здесь кончаюсь я и начинается что-то другое.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Это другое слишком большое, слишком открытое и слишком непредсказуемое. Кокон даёт чувство защищённости. Как крепкое объятие.

Я узнала про другие способы почувствовать себя, например, с помощью маленького гамака, который можно повесить прямо на кровать.

У нас с Лёшей есть кусочек времени — обычно после чистки зубов — когда мы сидим на полу, я — прислонившись к спинке кровати, Лёша — на моих ногах лицом ко мне. Он любит, когда я обнимаю его то изо всех сил, то легко и нежно. Он откидывается назад, держась за мои руки, а я смотрю, чтобы он не ударился затылком о кровать. Лёша трогает то мои, то свои уши, волосы, руки — сравнивает. Любим мы и танцевать — вместе покачиваемся в такт музыке.

А когда Лёша сильно нервничает, я закатываю его в одеяло. Получается большой плотный рулет, и Лёша перестаёт нервничать: чувствует себя в безопасности.

Связанный ребёнок.

Я прихожу в ужас, потому что это не вписывается в мои представления.

А Н.Н. знает, что Лёше так нужно.

3.

Первое, что я услышала от Н.Н.:

— Выйдите отсюда! Не видите, что вы мне мешаете? Когда закончу мыть пол, тогда и войдёте!

Второе:

— Я его так кормить не буду! Сами посадили, сами и кормите!

Третье:

— Какая сволочь штаны на полку комом запихивает?

Часть II. В городе N

Поэтому первый вопрос, который я себе задала, был такой: как я буду работать с этой ужасной женщиной?

Недели через две Н.Н. перестала выгонять меня из группы. Правда, иногда швыряла в меня плохо сложенными штанами или футболкой. А что касается кормления ребёнка в сидячем положении, то и тут прогресс был налицо: Н.Н. начала орать на Колю: «Опусти голову! Открой рот! Тебя сажают, чтобы ты ел, а не заглывал!»

Следующий мой вопрос звучал так: что дети в ней нашли? (А они явно что-то нашли, радуются, когда видят Н.Н.) Она же постоянно на них орёт! Причём так, что даже я вздрагиваю.

Впрочем, Н.Н. на всех орёт. Орёт на меня, на других нянечек, на старшую медсестру и даже на заведующую отделением. Уверена, она и на директора бы орала, если бы когда-нибудь с ним пересеклась.

И на своих собственных детей и внуков Н.Н. тоже орёт. Она сама рассказывает:

— Опять с дочкой поругалась. Обиделась она на меня. Говорит, я её оскорбляю.

— А вы оскорбляете?

— (вдруг задумавшись) Оскорбляю... (и вмиг очнувшись) Ну и правильно делаю! У неё дома такой бардак, что просто война и немцы!

Мне всегда становится неприятно, когда посреди трогательного рассказа о любимом внуке нянечка оборачивается и бросает своему подопечному: «А ты чего тут торчишь? Ну-ка давай отсюда!»

Н.Н. напрочь лишена всякой двойственности. Она не со всеми разная, а в разное время с каждым:

— Лёша, сволочь! Я для чего тебе чистую рубашку надела? Для того, чтобы ты рукава жевал?

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

А сегодня Лёше нехорошо, он кашляет, и Н.Н. подолгу сидит возле него, хлопает по спине, чтобы откашлялся. Зовёт врача, чтобы посмотрел Лёшу. Я вижу, она волнуется.

Что касается крика, то причин для него у нянечек сколько угодно.

Можно орать от отвращения к работе, где за копейки выбиваешься из сил. От раздражения на всех детей в группе или на одного особо одарённого. Или, наконец, от чистой и вдохновенной ненависти ко всем и вся.

А Н.Н.?

Я терялась в догадках, пока не услышала разговор.

Старшая медсестра: Ты чего орёшь? Тише!

Н.Н.: А я не ору! Я всегда так разговариваю! Голос у меня такой! И не надо мне указывать!

Когда Н.Н. мной довольна, чего почти не бывает, она обращается ко мне на «ты», а когда сердится — на «вы». Надо ли говорить, что она всё время на меня орёт? Но я не обижаюсь.

Н.Н. очень любознательная. Её любимый вопрос — «это ещё что за херовина»?

А её речь!

Заканчивая кормить ребёнка:

— Всё! Окончен бал, потухли свечи!

Удивляясь:

— «Ё-моё» — сказал Лёня Голубков.

Утешая плачущего:

— Тихо, бабка! Немцы близко!

В дверях:

— Всё, иду чай пить. А то во рту — помойка.

А когда Н.Н. Собирается стричь детям ногти и надевает очки, это такое трогательное зрелище, что я не берусь его описывать.

Наши дети для Н.Н. — такие же дети, как её собственная внучка, которую можно отругать, можно шлёпнуть по попе, но невозможно не допустить, чтобы ей было по-настоящему плохо.

Однако самое для меня главное, что рядом с Н.Н., даже когда она орёт, никогда не бывает страшно. Рядом с ней я чувствую присутствие чего-то тёплого, древнего и надежного, как мир.

Это вроде пелёнки, в которую Н.Н. заматывает Лёшу.

Sleep, my baby, hush!
Смотрит с неба звездный страж,
Свесил крылья до земли,
Крылья лесом поросли.

Спи, мой ангел, тише!
Вот уже глядишь, и
Время зреть посевам,
Золотиться травам.
Стал июль за левым,
А сентябрь — за правым.

Смотрит с неба страж,
Он ночной хранитель наш,
Он крылатый воин
Из Господней свиты,
Видит нас с тобой он,
Хоть глаза закрыты.

Спи мой милый, лишь
Ты на всей земле не спишь.
Охраняет страж нас.
Спи — уже не страшно.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

4.

Существует предел, дальше него я пройти не могу. Пространство и время, которое я делю с моими детьми, ограничены. Когда Песталоцци спрашивали, в чём секрет его удивительного влияния на детей, он отвечал, что нужно жить с подопечными одной жизнью. Я знаю, что не готова к этому.

Меня не будет с ними в ПНИ или в реанимации, где они закончат жизнь.

Я ухожу с работы в четыре часа и не вижу, как они спят — кто крепко, кто часто просыпаясь. Мне об этом рассказывают нянечки.

Моё время ограничено рабочей неделей, постепенно недели сложатся в волонтерский год, а потом я уйду и придёт новый волонтер.

Нянечка помнит, каким был ребёнок, когда поступил в детский дом из дома малютки. Она проводит его в ПНИ. Нянечка лучше, чем я, знает, как ребёнок ест и чем болел, есть ли у него родные. И не важно, по убеждению или по необходимости она делит с ребёнком большую часть его жизни.

Глава 3. Вопросы: свои и чужие

Слава Богу, я никогда не была обделена друзьями, знакомыми и случайными собеседниками. Круг моего общения широк и разнообразен: парикмахеры, психологи, фасовщики колбас, доктора наук, шофёры, писатели, профессиональные автостопщики, учителя, безработные хиппи, программисты, продавцы в бутиках, театральные режиссёры, поклонники Толкина, фрезеровщики и гебраисты-медиевисты, изучающие демонологию в Талмуде.

Но я заметила, что, когда речь заходит о детях, с которыми я работаю, люди, независимо от уровня интеллекта, образования и сферы деятельности, задают мне примерно одни и те же вопросы.

Сразу скажу, что правильных ответов на них я не знаю. Попытки ответить рождают новые вопросы и так до бесконечности или, во всяком случае, до очень большой глубины. Как говорит девочка Анна из книжки Финна «Здравствуйте, мистер Бог, это Анна»: «ответ — у меня в середине».

— Как вы можете работать, не получая никакой отдачи?

Конечно, если пытаться строить общение на нашем привычном уровне (например, произносить слова и ждать

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

немедленной, понятной нам реакции), никакой отдачи не будет. Но это не значит, что она невозможна.

Когда вы по-русски объясняетесь с иностранцем и он вас не понимает, вы же не делаете вывод, что иностранец *в принципе* не умеет общаться.

Диалог возникает тогда, когда отвлекаешься от своего, представления о диалоге для тебя и сосредотачиваешься на том, что есть диалог для твоего подопечного. Как говорит немецкий эрготерапевт Марианна Майер: «Мы входим туда, где находятся дети. Дыхание — это общение. Ритм сердца — тоже общение».

Есть ты, есть я

Мир явился мне не сразу, а кусочками. Сначала я видела только то, что привычно, хорошо знакомо и окружает со всех сторон. Потом поняла, что мир внутри меня можно расширить до бесконечности. Потом заметила природу и обнаружила, что есть другие города и страны. И медленно-медленно открываю самое главное и непостижимое чудо: ты.

Мы с Аней лежим в гамаке. Он медленно раскачивается.

Аня не видит и почти не может двигаться — работают только руки. Она уже взрослая и, к сожалению, двигаться лучше не станет. И сама сидеть Аня никогда не сможет. И ложку в руках держать не научится. Я могу брать её на занятия всего раз в неделю, остальное время она проводит в своей кровати. Я долго думала — какую цель поставить в работе с Аней? Чему я могу её научить за этот час? И вот постепенно мы с Аней придумали и создали урок. Я называю его «есть ты, есть я».

Часть II. В городе N

Чтобы понять, что такое «ты», нужно сначала найти «я». Почувствовать себя и выделить из окружающего мира. Поэтому нужно дать Ане время осознать, где она находится.

Мы лежим в гамаке и дышим вместе. Я пытаюсь поймать ритм её дыхания и слиться с ним. Бесконечно глубокое ощущение. Всё пропадает. Остаётся только человек рядом. И уже не очень понятно — ты подстраиваешься под его ритм, или он — под твой. Всё происходит само собой. Этот диалог гораздо глубже, чем речь. Речь может создавать иллюзию понимания. Дыхание — нет. На этом уровне невозможно создать иллюзию.

Что чувствует Аня? Важно ли для неё, что она не одна?

Я беру Анины руки и провожу по стенкам гамака, чтобы обозначить границы нашего общего мира.

— Вот ты. Аня.

— А это я.

— Это твои руки.

— А это мои.

Аня поднимает руку и два раза легко стучает меня по голове. Я делаю то же самое. Аня смеётся и хватается мою руку. Трогает пальцы. Наверное, для неё удивительно, что у меня тоже есть пальцы. Что я — тоже есть.

Если нам удастся войти в мир другого, мы увидим, что здесь иные мерки, иные масштабы, и будем вынуждены их принять. Мы увидим, как преобразуются здесь сигналы из нашего мира. Как звучит наш голос. Как ощущается наше прикосновение. Мы увидим, что сидеть рядом и покачиваться — это диалог. Передавать друг другу пелёнку — диалог. И даже совсем ничего не делать — диалог. Диалог есть тогда, когда вы посылаете сигнал, получаете ответ и можете его понять. Постарайтесь почувствовать,

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

что такое ответ для вашего подопечного. Улыбка? Протянутая рука? Чуть заметное движение глаз? Изменение ритма дыхания?

Мы сидим на диване. Он сидит сам, не опираясь на меня, и это для него большое достижение. Я не вижу его лица — только краешек щеки. Я знаю, сейчас его лицо спокойно, бесстрастно, но через мгновение — почти невозможно поймать это изменение — краешек щеки дрогнет, на нём появится ямочка, крошечные морщинки, мелькнёт не улыбка, а тень улыбки, её предчувствие. И вдруг, будто волна пройдёт — раздастся знакомое «пфф-ффф», рука потянется ко лбу, голова завертится из стороны в сторону — он смеётся.

— Вот вы ищете к этим детям подход, пытаетесь установить контакт, вызвать на общение, а вы не думаете, что таким детям хорошо в своём мире? Может быть, не стоит их оттуда «вытаскивать»?

Нам очень часто задают этот вопрос.

На эту тему много чего написано, и я, конечно, повторюсь, но всё-таки отвечу:

Работая с аутичными детьми, я не видела ни одного ребёнка, даже среди самых «глубоких» аутистов, который не хотел бы общаться. Дело не в отказе от общения, а в неумении строить общение по нашим правилам.

Сначала мы входим в мир ребёнка, потом пытаемся перекинуть оттуда мост в наш мир.

И довольно часто это удаётся.

Но есть дети, которые никогда не смогут играть по нашим правилам, общаться в привычной для нас форме и жить в нашем мире.

Часть II. В городе N

— И в этом случае нет смысла с ними заниматься, да? Нужно оставить их в покое?

В этом случае мы вынуждены принять их мир и их форму диалога, если хоть сколько-нибудь в диалоге заинтересованы.

Да, есть дети, которых нельзя вывести из их замкнутого мира. Есть дети, которым может быть хорошо и комфортно только там.

Но не в одиночестве.

Пелёнка

Мы входим туда, где находятся дети.

Марианна Майер

Даню интересует только одно занятие: жевать пелёнку. Больше ни на что он не реагирует. Марианна говорит: «Он не здесь, его с нами нет. Он должен понять, что игра с другим человеком интереснее, чем игра с самим собой. То, что он сейчас делает, — это для него очень, очень важно, это его жизнь».

Когда наш собственный малыш (у меня детей пока нет, но я спрашивала знающих людей) что-то делает впервые, мы принимаем это как должное.

А здесь мы входим в мир, в котором годами не было событий, новых ощущений, новых звуков, запахов, движений, впечатлений — в мир людей, всю жизнь проводящих в одной комнате, в кровати. Кормление (там же, в кровати) — переодевание. Стены. Потолок. Пелёнка.

Одеяло. Подушка.

Мы входим в этот белый, тихий, неподвижный мир. Видим, что его уже обжили. Ведь жить в совсем пустом мире невозможно. Он наполнен качаниями, шевелением

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

пальцев перед глазами, жеванием пелёнки, громкими и тихими «а-а-а», «пффф» и «д-да-д-да».

С нашей точки зрения, всё это яйца выеденного не стоит. Вредные привычки, от которых ребёнка необходимо избавить.

А ведь «то, что он сейчас делает, для него очень, очень важно, это его жизнь». Тем более важно, что он выбрал и создал это сам. И вот мы стоим, растерянно прижимая к груди бесчисленные сокровища нашего мира, и не знаем, с чего начать.

Представьте, как это

Дотронуться до своего лица
Повернуться на другой бок
Опустить руку в воду
Потрогать шерстяной носок
Пососать палец
Поесть сидя
Самому подержать ложку
Обниматься
Произнести звук — и получить ответ
Выйти на улицу
Что-то кинуть и увидеть, как упало
Слепить снежок

в первый раз

Нам дали возможность давать. Редкую возможность. Отдавать себя, своё, значит, заново себя прожить и почувствовать. Всё — начиная с мелочей (как это — засунуть палец в рот?). Вот тогда-то и понимаешь, что мелочей нет.

Нам не терпится снова пройти забытую (даже не осознанную тогда, в раннем детстве) дорогу. В первый раз

Часть II. В городе N

погладить шершавый ствол сосны, услышать запах смолы, впервые почувствовать на ногах ботинки, ощутить в кулаке прохладную тяжелую ложку.

Вот здесь-то и ждёт нас самое тяжелое испытание:

Отложим в сторону свои сокровища.

Они не важнее, не лучше его пелёнки.

Из пустоты и тишины он вытянул эту пелёнку и обнаружил, что если её жевать, мир ощущений становится менее однообразным. Это его собственное драгоценное открытие, сравнимое — если искать аналог в нашем мире — с открытием колеса, огня и теории относительности, и даже важнее, потому что без колеса, огня и Эйнштейна люди как-то жили, а он без пелёнки, без смыслов жить не может.

При этом мы хотим просто взять и забрать её, пусть даже предложив взамен все сокровища мира. Сокровища? Для него они ещё ничего не значат.

Марианна:

«Нужно положить одеяло чуть выше, чтобы немного расширить обзор. Пелёнку можно повесить на спинку кровати, чтобы Даня поворачивал голову и искал её. Можно сшить для него две разноцветные пелёнки-тряпочки — чтобы он учился различать цвета, или две тряпочки из разной материи — для новых осязательных ощущений, и так далее — главное, сделать из пелёнки мост в наш мир. Может быть, прежде чем он обратит внимание на что-то другое, пройдёт полгода, может быть — год, может быть — ещё больше. Очень важно, чтобы нас самих действительно, взаправду интересовала его игра. Только тогда он будет общаться с нами. И снова начнёт верить в жизнь. И сможет открыть мир других людей и предметов».

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Гитара

*«Каждая вещь — это целая система»
Фридл Дикер-Брандейс*

Аня не видит, но очень любит звуки. Беру гитару. Провожу рукой по струнам. Аня улыбается. Прислоняю гитару к её груди, чтобы Аня почувствовала вибрацию. Нравится.

Я ничего не говорю. Беру Анины руки и показываю:

— *Гитара вот такой длины.*

— *Вот такой ширины. Левая рука — здесь. А правая — здесь.*

— *Рука спускается по струнам. Встречается с другой рукой.*

— *С этой стороны гитара гладкая.*

— *А с этой — струны. Послушай, как звучат.*

— *Почувствуй, как отдаётся звук с гладкой стороны.*

— *Смотри, как гитарные бока плавно изгибаются.*

— *Постучим по очереди. Я. Теперь ты.*

— *А теперь проведи рукой по струнам. Сама.*

Фридл Дикер-Брандейс — художница. Она работала с детьми в гетто Терезин, занималась с ними рисованием и арт-терапией. Главной целью этих занятий было спасти психику детей, отвлечь их от окружающей страшной действительности. В 1944 году Фридл погибла в Освенциме вместе со своими учениками. От «уроков Фридл» осталось больше тысячи детских рисунков, некоторые из них известны всему миру.

Фридл говорила, что не бывает бедных, неинтересных, скучных вещей. Каждая вещь — это мир. Из всего можно сделать всё. Научись только видеть и чувствовать.

И вот мы с Аней открыли мир гитары.

Часть II. В городе N

- Трудно с неговорящими?
- Почему?
- Ну, как почему. С ними же не поговоришь!

Когда вы прикасаетесь к ребёнку, начинайте всегда от груди: от сердца. Прикасайтесь сначала к груди, а потом можно дотрагиваться до рук, или ног, или до лица — но здесь осторожно: лицо — очень личная зона. На то, чтобы проникать в чужое личное пространство, нужны веские причины.

Марианна Майер

Я знаю — и эта одна из немногих вещей, в которых я действительно уверена:

— на свете нет ни одного человека, с которым было бы невозможно построить диалог.

— на свете нет ни одного человека, который НИ НА ЧТО НЕ РЕАГИРУЕТ.

— на свете нет ни одного человека, которому не нужно никакого общения.

Нет отдачи — значит, вы просто не слышите. Если вам удастся отказаться от привычных мерок, войти в мир другого и принять его законы общения, всё станет легко. Отдача обязательно будет.

Главное — «войти туда, где находятся дети».

Лена

Лена сидит в коляске. Лицо бесстрастное и сосредоточенное. Наблюдает. Я подхожу к ней. Специальным, плавным, «Лениным» движением она берёт мою руку и направляет куда-то себе за спину.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

— Лена, что? Поправить тебе свитер?

Поправляю.

— Так — хорошо?

Лена берёт мою руку и направляет куда-то себе за спину.

— Ты хочешь в туалет?

Поднимаю Лену, убираю сиденье (у Лены универсальный стул-туалет), сажаю.

— Да?

Лена берёт мою руку и направляет куда-то себе за спину.

— Я не понимаю! Может, тебе дать книжку? Или куклу?

Нет.

И вдруг я поняла. Вчера мы с Леной ходили заниматься в игровую, и теперь она направляет мою руку к ручкам коляски, чтобы я её снова туда отвезла.

— Ты хочешь в игровую?

Лена повторяет свой медленный, точный, требовательный жест.

Если бы вы знали, что я испытывала в тот момент! Она хочет идти в игровую! Ей нравится общаться со мной! В первый раз Лена дала мне это понять. Ведь она так бесстрашна. Мне часто было даже неловко приставать к ней, что-то предлагать, вмешиваться в Ленину жизнь, где никому нет места, кроме Лены и её рыжей куклы. Я пыталась разговаривать с Леной через её куклу. Кукла была проводником. Я разыгрывала маленькие спектакли с куклой в главной роли: вот она встаёт... одевается... мы кормим её с ложки... а теперь она чистит зубы... Лена наблюдала за мной, а когда я возвращала ей куклу, поднимала её к самому лицу и медленно поворачивала, рассматривая. На её лице я читала «ну слава Богу, прекратили дурью маяться!»

Часть II. В городе N

Сегодня я чувствовала себя так, будто мне признались в любви.

«Но, дорогой мой, как я могла понять, что вы любите меня, если с самого начала вы вели себя так возмутительно по-шотландски!»¹⁶

Минута

Со временем понимаешь, насколько ощущение полноценного общения с твоим подопечным зависит от тебя. От того, как и чем ты наполнишь ваше взаимодействие. От того, насколько тебе действительно важно и интересно получить ответ.

Когда мы предлагаем ребёнку выбор — это тоже диалог.

— Ему ничего не интересно, даёшь ему игрушку, он бросает.

Удивительное дело: если предложишь ребёнку выбрать одну из двух или нескольких игрушек, обязательно рано или поздно заметишь, что ему не всё равно.

Если не можешь понять, чем и как заниматься с ребёнком (или взрослым подопечным), если ему «ничего не надо», «всё не нравится», предложи ему выбрать. Это же так естественно. Может быть, одна из двух вещей, которые ты предложишь, не понравится ему чуть меньше. А если ты уверен, что вот эта потрясающая штука ему обязательно понравится, всё-таки приготовь альтернативный вариант.

Ты увидишь: то, во что вы с ребёнком играли, не так важно, как то, что он выбрал это сам.

Мало того! Если пойдёшь по этому пути, никогда больше не почувствуешь, что *«с ними не поговоришь»*. Ты будешь даже уставать от разговоров.

¹⁶ Джин Уэбстер, «Дорогой враг».

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

«Коля, выбирай, какие колготки ты хочешь надеть — красные или желтые?»

И ты очень удивишься, когда обнаружишь, что у Коли есть своё мнение по этому вопросу.

Да, конечно, часто у тебя нет времени ждать, что он там выберет. Желтые колготки, и всё. Но я тебя уверяю, минута, когда Коля, с виду такой безразличный, такой пассивный, протянет руку, чтобы взять красные колготки, стоит всех тех суперважных дел, которых ты не успеешь. Тем более, что ты успеешь. Подумаешь, одна минута.

Слова и не слова

*Дети играют с отношениями,
потому что это всё, что у них есть.*

Марианна Майер

— *Артём, а где ложка? Посмотри, где ложка? Где наша ложка?*

Я думаю: ну возьми ложку, протяни руку, возьми её, вот она, лежит рядом, ну подними руку, подними, протяни, сожми пальцы, я так хочу, чтобы ты это сделал, протяни руку, возьми ложку!

Он медленно поднимает руку, сжимает пальцы в кулак, несколько раз легонько дотрагивается кулаком до лба. Разжимает пальцы. Медленно-медленно опускает руку на ложку. Пальцы снова сжимаются.

— *Вот видите, он слышал. Он понял.*

Но что он услышал? Мои слова (где ложка?) или моё громкое, отчаянное желание, чтобы он понял, чтобы взял эту несчастную ложку?

Мы с Артёмом так хорошо знаем и чувствуем друг друга, что я часто спрашиваю себя: может быть, мне только

Часть II. В городе N

кажется, что он стал лучше понимать речь? Может быть, он просто научился по разным неуловимым признакам определять, чего я от него хочу? Это большая разница.

Понимать речь — значит, понимать всех.

Понимать меня — значит, понимать только меня.

Важно — какая у меня цель. Научить Артёма находить ложку? Выучить слово «ложка»? Стимулировать его активность? Совместная деятельность? Общение?

Артёму так сложно с людьми. Он полностью погружен в себя, и всё, кроме собственного тела и, может быть, музыки, его мало интересует. С каждым новым человеком он должен пройти очень долгий путь установления контакта. Прежде, чем Артём согласится что-то делать с новым человеком, много воды утечёт. Так, может быть, то, что я считаю неудачей (понимает не речь, а меня), для Артёма — успех? Наше с ним большое достижение? Значит, получилось перекинуть мост из его мира в мой, построить диалог, а какие средства (вербальные, невербальные, да хоть телепатию) мы используем — не так уж важно? Главное, что он понял: есть ты. Есть я. Ложка, речь, всё остальное — только повод для нашего «мы».

Банная музыка

В нашей группе — баня. Это значит, за два часа нужно вымыть десятерых ребят. Слава Богу, ванна — прямо в группе. Это очень хорошо — не надо никого носить по коридору. Я мою, Таня вытирает, намазывает кремом и детским маслом, нянечка раздевает и одевает. Конечно, суета, спешка, устаёшь сильно, но всё равно я очень люблю Баню: она таит в себе столько возможностей!

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Для активных ребят — мыльные пузыри, пена, лодочка, утка-пищалка, всякие немецкие чудеса, вроде порошка, который красит воду в синий цвет, да просто возможность поплескаться, побрызгаться. И учиться есть чему: где твои руки? А где ноги? Можно самому держать мочалку, или полить себя из маленькой лейки, или намазаться кремом и Таню намазать — за компанию.

Вот, например, бутылочка из-под шампуня. Она лёгкая. Если налить в неё воды — тяжелая. Можно её наполнить горячей водой — будет тёплая. Можно холодной. Можно вылить воду на себя. Или попытаться облить меня (лучше не надо!) Можно учиться отвинчивать крышку. Или играть в то, что это подводная лодка.

Для слабеньких Баня — возможность расслабиться. Когда мышцы постоянно напряжены, расслабление — огромный отдых. Медленно, постепенно мы опускаем ребёнка в тёплую воду — чтобы не испугался, чтобы привык к изменению среды. Медленно, длинными плавными движениями моем грудь... плечи... вот твоя правая рука... вот левая... Ты можешь мне помочь — я кладу твою руку на мочалку, накрываю её своей рукой. Ты моешься сам.

Многие слабенькие дети в ванной явно испытывают облегчение. Вода обнимает их, и, наверное, напоминает время до рождения, пока они ещё не вышли так болезненно в огромный хаотичный мир, совсем не готовый их принять и защитить.

На Баню я всегда приношу магнитофон с «банной музыкой» — песенками Юрия Устинова. Очень подходящие песенки: про моря, корабли, маяки. Как-то так случайно получилось: однажды поставила детям эти песни, и так хорошо нам под них было мыться, что теперь слушаем каждый раз.

Часть II. В городе N

«Ночь бросает звёзды на пески.
Поднятые сохнут якоря.
Спи, пока не гаснут маяки...»

Это ведь так хорошо, когда есть традиция. Когда что-то приятное неизменно повторяется. Поймала себя на том, что сама с удовольствием жду, когда можно будет поставить «банную музыку».

Она создаёт наш с детьми общий мир. Как описать его? Тёплая вода, ласковые прикосновения, вкусный запах шампуня, мыльные пузыри, солнечные пятна на кафельной стенке, «спи, пока не гаснут маяки». Как объяснить, что это такое — вместе слушать музыку?

Просто представьте, что ставите кому-то свою любимую песню.

Представили?

Разговор

«Если этих ваших журналистов интересует общение, здесь им делать нечего. Какое тут общение!»

Директор детского дома

Они сидят на ковре — четверо моих неговорящих подопечных.

Запись в дневнике:

Хаос, конечно, полный, но были моменты совершенно удивительные, когда я чувствовала, что мы вместе и между нами что-то происходит — а именно, разговор. Когда Настя берёт за руку Лёшу и Лёша смеётся, Саша трогает Настины ботинки, а Никита переводит взгляд с одного на другого — что это, как не общение? Кидаю

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

мяч Саше, Настя его забирает и кладёт на колени Лёше. Я смотрю на их руки, передающие мяч, с острым чувством радости.

Сам

Повседневные вещи — самые важные. Говорите мало, но прежде чем начать что-то делать с ребёнком, давайте одинаковый сигнал. Например, прежде чем переодевать, всегда дотрагивайтесь обеими руками до его плеч. Тогда он запомнит, что после такого ощущения следует переодевание. Вы сможете дать ему опору, ориентиры, чтобы мир обрёл хоть какую-то предсказуемость.

Лариса — самая маленькая и слабая девочка в моей группе. Она почти не может двигаться, и кроме того, она слепая.

Лариса очень часто плачет во время кормления, переодевания, бани. Раньше я не понимала — почему?

Полная темнота. Вы слышите разные звуки, но не понимаете, что они значат. Вы не чувствуете своего тела, не знаете, где у вас руки, а где ноги, потому что не можете пошевелить ими. Вы совершенно никак не можете контролировать ситуацию: внезапно, без всякого предупреждения, вас поднимают в воздух, несут неизвестно куда, кладут на что-то неудобное и незнакомое, переворачивают, откуда-то возникает чистая футболка — то есть, вы не знаете, что это футболка, просто чувствуете, что вашу голову просовывают в ворот, а руки — в рукава, и всё это происходит так быстро, что вы не успеваете осознать, где руки, где голова и что с вами произошло. Так же, неожиданно и из пустоты, в рот попадает ложка, а купание вообще сродни падению с пятого этажа: только что вы были в одной

Часть II. В городе N

среде, и вдруг, , попали в совершенно другую — горячую, плотную, где всё по-другому. Жизнь так непредсказуема, травматична и стремительна, что у вас нет никаких шансов как-то в ней поучаствовать.

Ларисе нужно надеть штаны.

Сначала подходишь к ней.

— Лариса! Лариса, привет.

Пауза. Даешь ей время приготовиться.

Медленно опускаешь руки на её плечи. Несильно нажимаешь.

— Привет, Лариса.

Пауза. Она должна понять, кто ты. На это ей требуется время.

Дотрагиваешься до её ног, гладишь их — «вот твои ноги. Сейчас будем одеваться» — напоминаешь, что у Ларисы есть ноги, это очень важно: если не можешь двигаться, теряешь своё тело. Проводишь рукой от бедра до пальцев ног, и здесь останавливаешься: «вот тут кончаются твои ноги», — ведь границ своего тела Лариса тоже пока не осознаёт.

Очень медленно переворачиваешь её на бок, и так же медленно и плавно поднимаешь — чтобы Лариса успела понять, как меняется положение её тела. Сажаешь на колени.

— Лариса сидит. Потрогай: вот я. А это ты. Это Лариса. Потрогай свои ноги.

Ларисины руки напряжены, ладони сжаты, для того, чтобы немного расслабиться и с твоей помощью погладить свои ноги, ей нужно некоторое время.

Потом даёшь потрогать штаны — для человека, который сам не может ничего взять, удержать в руках — это новое и очень важное ощущение.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

И наконец, вместе с Ларисой — рука в руку — натягиваешь штаны. Это двигательный опыт, который она не может получить самостоятельно, потому что пока не умеет пользоваться руками.

— Ты сама надела штаны. Какая ты молодец!

(Ах, если бы я всегда делала так, как пишу. Но я буду стараться, Лариса, правда.)

Живые знаки

*«И на ночь — не отпускай во тьму
без живого знака живой любви».*

В. Леви

Я прощаюсь с детьми в конце рабочего дня.

Начинаю обычно справа, с Большой Насти. Она сидит на кровати, поджав под себя ноги — как датская Русалочка — и накинув на плечи одеяло. Сажусь рядом. Она хватается мою руку и не хочет отпускать, смеётся и мотает головой.

Дальше, у окна, Лена. Она глядит на меня в упор, будто гипнотизирует, медленно протягивает ко мне руку. Берёт за руку и направляет в сторону комода. «Принеси мне куклу». Без куклы Лене беспокойно. Кукла — самое близкое её существо. Приношу. Лена осторожно берёт у меня куклу и долго поворачивает её в руках, разглядывая. Смотрит кукле в глаза. Потом кладёт рядом с собой на подушку.

Никита говорит мне «ой!» и смеётся. Берёт мою руку и трясёт — «до свидания!» Иногда может и оттолкнуть — зависит от настроения. Смена настроений у Никиты происходит неожиданно — непонятно, от чего это зависит. Смех — и сразу слёзы, а потом снова смех. Мне кажется,

Часть II. В городе N

так происходит потому, что все ощущения для Никиты — слишком сильные. Он слишком долго жил в замкнутом пространстве, почти лишенном впечатлений.

Обнимаю Сашку, он подставляет мне ладонь — значит, нужно поиграть в «ладушки».

Славик, Настя, Лариса — самые слабенькие, и прощаться с ними нужно бережно.

P.S. Незаданный вопрос

Человек, для которого даже собственное тело недоступно, как улица, улица — как другая страна. Человек, который даже не знает, есть ли у него это тело, потому что, если не двигаешься, перестаешь чувствовать себя в пространстве. Человек, который никогда не дотрагивался до своего носа, рта, другой руки. Человек, которого никто не любит и за которого никто не будет бороться. Человек, до которого, кажется, нельзя дотронуться, чтобы не испугать и не причинить боли. Человек, для которого даже постоянно повторяющиеся процедуры — кормление, переодевание — цепь болезненных неожиданностей. Человек, не умеющий улыбаться и плакать. Человек, о мыслях и желаниях которого даже немногим «сочувствующим» и «понимающим» не приходит в голову задуматься. Человек, про которого говорят, вздыхая: хоть бы умер поскорей, только мучаешься и нас мучаешь.

Он **сам** решил жить, и он будет жить. Это и есть ответ на наш вопрос.

Всё закончится. Как не бывало.
Сквозь ладони пройдёт, как манка.
Ощущение перевала,
Пересменка и полустанка,

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Ну и кончится. Ну и ладно.
Не оглядывайся с тоской,
Уходи по пустой, прохладной
И светящей Поварской.

Знать бы радостью или болью
Отзовется однажды снова
Гулкий колокол — Суходолье,
Шелестящий песок — Сосново,

Тополей золотые холки,
Светлый ветер, почти морской.
Не гадай, раскидай осколки
По светящей Поварской.

Тарабанил всю ночь по стёклам,
Успокоился на рассвете.
Всё, что помню: стою на тёплом,
Как лесная земля, паркете,
Солнце. Люстру — струятся радуги
По хрустальным её подвескам,
Белый город у самой Ладоги,
И жилище, «янтарным блеском
озарённое».

часть III

Частные уроки

Нина Евсеевна

1.

В комнате стоит большой шкаф. Если сидишь за столиком лицом к двери, шкаф слева. Сквозь застеклённые дверцы можно различить неясные очертания предметов. Оттуда появляется большая коробка. Из коробки — игра под названием «голландка». Слово «голландка» лаковое, старинное, из книжки «Серебряные коньки» про Голландию. Или вот у нас на даче печь-голландка.

Эта игра ещё называется «пары» или «парные картинки», но картинки такие, что сразу понятно, никакие это не «пары», а именно «голландка». Ветряные мельницы, турецкие туфли с длинными носами, старинные монетки. Изнанка у картинок твёрдая и шершавая, как дерево.

Нина Евсеевна высыпает содержимое коробки на стол, а мы с сестрой переворачиваем карточки изнанками вверх и изо всех сил перемешиваем, чтобы две одинаковые картинки даже случайно не оказались рядом. Потом выкладываем из них аккуратный прямоугольник.

— Я открыла туфли и мельницу — не пара.

— Я открыла рыбок и монеты — не пара.

— Я открыла мельницу... и мельницу. Пара!

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Забираю себе обе мельницы, похожие на шахматные лады. Кто найдёт больше пар, тот выиграл.

В следующий раз будет другая коробка, тоже с «голландкой», но картинки другие: двухэтажные автобусы, часы с маятником, круглые шоколадные конфеты. В шкафу — целая башня из голландских коробок. Нина Евсеевна что-то нащупывает в глубинах шкафа и вынимает мягкий матерчатый мешочек. Это моя любимая игра — бирюльки. Запускаешь в мешочек руку, только не глядя, смотреть нельзя, и перебираешь крошечные гладкие предметы.

— Найди пирамидку!

Пирамидка сделана из светлого лакированного дерева и не длиннее, чем половинка спички. Приятно проводить пальцем по её ребристым бокам, будто играешь на бесшумном музыкальном инструменте. Ещё в мешочке кубики, катушка, желудь, яйцо, груша, юла, и всё такое же крошечное и желто-полированное. Всех предметов я даже и не знаю, что-то всегда остаётся на дне.

Нина Евсеевна подходит к другому шкафу, посудному, он позади меня, на нём стоят круглые часы. Она отпирает левую дверцу и достаёт два маленьких, чуть больше напёрстка, металлических стаканчика и коробку конфет «морские камешки». Один стаканчик «камешков» мне, другой Жене.

Нине Евсеевне столько же лет, сколько моей бабушке. У неё голубые волосы. Голос хрипловатый и вообще-то строгий, но какой-то весёлый.

Лет через пятнадцать, слушая в институте лекции по логопедии, я попытаюсь вспомнить, где у Нины Евсеевны был этап постановки звука, а где — автоматизации, но вспомню только ощущение тайны в глубине шкафа с застеклёнными дверцами.

Часть III. Частные уроки

2.

Я сижу в той же комнате, только не за маленьким столом, а за большим, шкаф не слева, а напротив, а Нина Евсеевна с Сашей видны мне в профиль. Я учусь на первом курсе и прихожу к Нине Евсеевне смотреть занятия.

— Баси! — требует Саша.

Нина Евсеевна даёт ему башни. Это пирамидки, но лучше. Они строятся из разных причудливых фигур: шаров, ромбов и полусфер.

Наконец Саша справляется с башнями и требует:

— Масину!

— Саня! — зовёт Нина Евсеевна. Из недр квартиры появляется дядя Саня, муж Нины Евсеевны. Он высокий, с бородой, и все дети мгновенно узнают в нём своего. Дядя Саня уводит Сашу к себе, и минут десять они катают по полу гоночные машины, машины с прицепами и ещё всякие разные, я в них не разбираюсь.

— Ты в какую игру будешь играть? В домино? Выбери, какое тебе больше нравится.

Конечно, он выбирает домино с машинами.

— Я кладу самосвал и велосипед.

Он не знает, что тема занятия — звук «л», но уже произносит его, хотя в прошлый раз не произносил. Ни он, ни даже я не заметили, когда это произошло. Звуки нужны, чтобы управлять самосвалами и «ланчиями» (кстати, что такое «ланчия»?), турецкими туфлями и «морскими камешками». Никто не думает о том, что нужно произнести звук просто ради звука.

Хотя мне в детстве иногда хотелось произносить звуки, извлечь их как лакированные предметы из мешочка.

«р» — пирамидка с ребристыми боками, та, что вроде музыкального инструмента.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

«К» — кастрюля с плотно прилегающей крышкой, которую надо быстро открыть.

«У» — катушка, когда в неё дуешь.

Звуки соприкасаются боками и постукивают друг о друга.

— А теперь попробуй сама с ним поиграть.

У меня не получается. То ли голос неуверенный, то ли руки не слушаются, но ритм игры, когда всё происходит само собой, куда-то пропал.

Нина Евсеевна оборачивается к Сашиной маме:

— А вы всё записывайте, потом будете дома так играть.

И уже мне:

— Если ребёнок заговорил, в этом только десять процентов моей заслуги, остальные девяносто — заслуга родителей.

Нина Евсеевна нашла мне ученицу, точнее, не нашла, а дала. Это была вполне нормальная семилетняя девочка, весёлая и разговорчивая, я должна была раз в неделю приходить к ней домой и заниматься чтением, прописями и прочей подготовкой к школе.

Нина Евсеевна рассказала, что девочка эта, когда ей было чуть больше года, опрокинула на себя чашку с кипящим кофе. Последствием шока и болезненного лечения стало полное отсутствие речи. В три года неговорящую девочку привели к Нине Евсеевне. Рассказывая эту историю, Нина Евсеевна кивает на угол в прихожей:

— Вот здесь она лежала, кричала и стучала ногами по полу. А мы с её папой брали её за руки за ноги и несли заниматься. Первый звук она сказала на одиннадцатом занятии, первое слово — на двадцать третьем.

В восемь лет девочка пошла в обычную школу.

Часть III. Частные уроки

Я пришла в фонд «Отцы и дети», начала заниматься с аутичными детьми и перестала сидеть на уроках у Нины Евсеевны.

Она мне говорила:

— **Я** с этими аутистами не знаю что делать, поэтому никогда их не беру. Ты мне скажи, их вообще можно как-то развить или нет?

Мою работу она не очень одобряла:

— Лучше уходи оттуда, не верю я, что им можно чем-то помочь.

При этом Нина Евсеевна научила говорить ребёнка, которого все вокруг считали безнадежным и обреченным на вечную немоту.

— **Что касается аутистов и нежелания с ними работать, я думаю, что очень важно, хотя и не каждому дано — понимать: есть твоё и не твоё, кому-то ты можешь помочь, а кому-то не можешь.**

Когда я пошла работать в детский дом, Нина Евсеевна ужаснулась.

— Они там что у тебя, вообще не говорят? А результаты какие-то есть? Ты знаешь, я результатом считаю человеческую речь, если не устную, то хоть письменную. У меня был один мальчик с такими нарушениями, что он не мог заговорить. Но научился писать, и теперь, если он захочет суп, то сможет написать это слово, и его поймут.

Я дала Нине Евсеевне свои записи о том, как мы разговариваем с детьми, которые никогда не научатся говорить. Она прочитала и сказала моей бабушке:

— Ты знаешь, я раньше не видела смысла в Машинной работе, а теперь вижу.

Помолчала и добавила:

— Ну, может быть, они у неё всё-таки заговорят.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

В последние годы Нина Евсеевна тяжело болела. Я редко ей звонила, а приходила ещё реже.

— Что же ты не заходишь? — однажды спросила она по телефону.

Я начала что-то бормотать.

— Ты заходи, — жестко сказала Нина Евсеевна, — а то потом поздно будет.

Нина Евсеевна умерла второго августа 2009 года. Я виновата перед ней, и сейчас поздно что-то исправлять. Единственное, что я могу сделать — это написать о моём первом учителе педагогики и постараться передать кому-то ощущение волшебства и тайного ритма, которое подарили мне уроки Нины Евсеевны.

Андрей Андреевич

С Андреем Андреевичем и Маргаритой Ивановной Марковыми я познакомилась почти семь лет назад.

На нашем факультете появилось объявление:

Убедительная просьба — если у Вас есть дети, или другие родственники, или знакомые, или у Ваших знакомых есть знакомые, имеющие сочетанные нарушения зрения и слуха (то есть слепоглухие), пожалуйста, обращайтесь в Институт раннего вмешательства или непосредственно ко мне:

Андрей Андреевич Марков.

Телефон:

Я тогда только что прочитала книгу слепоглухой Ольги Скороходовой «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир», и она меня потрясла. Я позвонила.

— Здравствуйте. Андрей Андреевич?

— Да, а кто говорит?

— Я прочитала в объявлении, что вы помогаете людям с нарушениями зрения и слуха.

Андрей Андреевич сказал, что существует организация, которая помогает слепоглухим и их семьям. Называется «Открытый мир». Потом мы обсудили книги Елены

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Келлер и Ольги Скороходовой, дактильную азбуку, шрифт Брайля и азбуку Лорма, положение инвалидов у нас, в Англии, Финляндии и Швеции (мой собеседник, видимо, немало поездил по миру), и вдруг я услышала:

— Понимаете, Маша, я сам слепоглухой...

Я села на пол и потеряла дар речи.

Андрей Андреевич родился полностью слепым. Он говорит: «Я никогда не знал, что значит видеть. Закончил специальную школу. В старших классах начал терять слух. Поступил в МГУ, на философский факультет. Было очень трудно. Учебников и необходимых для учёбы книг, напечатанных точечным шрифтом Брайля, почти не было».

Уже тогда Андрей слышал очень плохо, а достать хороший слуховой аппарат было практически невозможно. Его мама Маргарита Ивановна, великий человек, выучила шрифт Брайля и переписывала для сына лекции.

Все годы учёбы они ходили в университет вместе.

Потом Андрей Андреевич закончил аспирантуру. Защитил диссертацию и получил степень кандидата философских наук.

Маргарита Ивановна и Андрей Андреевич вместе с родителями слепоглухих детей создали общественную организацию «Открытый мир», помогающую людям с нарушениями зрения и слуха. Через эту организацию я познакомилась с Ириной, мамой моего слепого и слабослышащего ученика Егора.

Андрей Андреевич пользуется слуховым аппаратом, пишет и читает при помощи точечного шрифта Брайля. Он ведёт большую переписку, пишет, например, маме незрячего мальчика Андрюши подробные письма о развитии и воспитании слепых детей. На жизнь Андрей Андреевич

Часть III. Частные уроки

зарабатывает переводами с немецкого и на немецкий — работает на компьютере с помощью специального «брайлевского» дисплея.

Но самое сильное впечатление на меня произвели «Мемуары».

Это необыкновенное произведение. Андрей Андреевич, кажется, пишет свои воспоминания уже лет двадцать. Как-то он мне сказал: «Знаете, Маша, я бы хотел это всё дать кому-нибудь почитать, но там столько всего намешано: и путешествия, и встречи, и просто дни, и интересное, и неинтересное...» Свои мемуары Андрей Андреевич записывает в брайлевскую тетрадь, на компьютер, наговаривает на магнитофон. Кассет набралось не меньше пары сотен — подробнейшее описание жизни день за днём, даже час за часом. Прослушаешь их и узнаешь, например, какая погода была двенадцать лет назад 6 января или репертуар Мариинского театра за октябрь 2001 года.

Придётся к ним иногда, а Андрей Андреевич прослушивает старую запись «Мемуаров»: «Я лежу в кровати и слушаю дождь. Мама ушла в магазин...» Или: «Вчера мы с мамой были на концерте скрипичной музыки». Или «В среду мы выехали из Рима и в семь часов вечера были в Венеции» (мать и сын больше всего на свете любят путешествия и за последние лет десять объездили пол-Европы).

А ещё Андрей Андреевич пишет маленькие заметки-зарисовки о мире незрячего человека.

Вот одна из них.

«Сегодня приехал на дачу в Горьковское. И вот хожу по своему маршруту от крыльца до калитки и от калитки до времянки.

Я пользуюсь слуховыми аппаратами. Это позволяет мне слышать едва ли не каждый звук на большом расстоянии. Но меня особенно привлекают голоса птиц.

Вчера слушал пение соловья.

Радостно стало на душе. Значит, лето приближается.

Пение соловья содержит, как уверяют знатоки, отдельные музыкальные фразы. Это действительно так. А ещё, когда я слышу пение соловья, я думаю о ребёнке. Этот ребёнок учится говорить. Он пробует свой голос. Как много звуков, какие потрясающие краски!

А ещё я хочу сказать о сороках, эти птицы тоже с некоторых пор стали привлекать меня. Вроде бы ничего мудрёного в их голосе нет. Сорока даже считается не певчей птицей. Внешне кажется, что она просто стрекочет, но если прислушаться, если обратить внимание на паузы между фазами стрёкота, можно услышать нечто любопытное. Время от времени слышится попискивание или нечто напоминающее детский голос.

Сегодня на нашем участке появился дятел, а до этого он был на соседнем. Мама видела, что он сидел на водосточной трубе. Это случилось незадолго до того, как начался дождь. Выходит, дятел — вестник дождей. Действительно, через несколько минут пошёл дождь, была даже небольшая гроза. В раннем детстве дождь и гроза меня пугали. К тому же в дождь меня не пускали на улицу.

Когда же мне исполнилось семь лет, мне впервые пришлось соприкоснуться с дождём: мы шли на станцию, чтобы ехать в город. Руки промокли, и я горько плакал.

А сейчас дождь вызывает у меня положительные чувства: после дождя природа пропитывается берёзовым ароматом».

Гриша

1. Ровесник

Он мой ровесник.

Звонит его мать. Бесконечно усталый голос:

— Извини, ты не могла бы с ним один раз посидеть с двенадцати до трёх? Мне очень надо, работа. И все заняты. Не могу его одного оставить.

— Ладно, у меня выходной.

— Вот и отлично, приезжай.

— А где вы живёте?

— Далеко... — И спрашивает тревожно:

— Ты же его знаешь?

— Да, я его знаю.

Они правда далеко живут, особенно для меня. До вокзала, на электричке, потом пешком, потом на трамвае. Серый блочный железнодорожный район.

Иду вдоль разрытой земли под эстакадой. Мимо пятиэтажек. На нижних этажах решетки в виде лир. Люди всё больше закрытые: низко надвинутая кепка, наушники, высокий ворот. Для полноты ощущения — мелкий дождь, серое небо.

Темно-темно.

Широкий двор между стенами высоток, качели. Бетонные ступеньки, домофон. Поднимаюсь на 12-й этаж.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Она уже не кажется такой усталой, как по телефону. Шутит, улыбается мне.

Заглядывает в комнату:

— Посмотри, кто пришел?

Совершенно пустая комната.

То есть сначала кажется, что пустая. Диван, покрытый клеёнкой. Пианино.

— У нас темно, потому что все лампочки он разбил. А стёкла небьющиеся.

Он бегают по кругу, иногда для интереса высоко поднимая колени, останавливается и скачет на месте.

— Это Антон!

— Нет, Антон не пришел, это Маша к тебе пришла. Помнишь Машу?

— Помнишь Машу. Это дядя Валера придёт.

— Посидишь с Машей, пока я на работу схожу? Посидишь, правда?

— Посидишь.

— А покажи Маше, как ты катаешься на слонике!

Он берёт плюшевого слоника и сжимает ногами. Бежит по комнате, щёлкая языком. Потом роняет.

— Лошадка упала.

— А радио, Маша, у нас всегда работает. На пианино можете поиграть.

Она показывает, чем заняться, какие таблетки дать.

— А на кухню мы всегда вместе ходим. Боюсь, что начнёт посуду бить. Если ляжет — он всегда днём ложится, — укрой его обязательно, хорошо?

Все двери в квартире закрываются на ключ.

— Ну, я пошла. Ты ведь посидишь с Машей?

— Ты осторожнее, а то в последнее время он совсем такой... Сегодня хотела вместе в магазин сходить, а он за-

Часть III. Частные уроки

кричал, стал руку кусать. Боится, что опять повезут в больницу. Ну, всё. Если захочет лечь, укрой его одеялом.

Снаружи поворачивается ключ. И вдруг я остро ощущаю тревогу и одиночество узника запертой квартиры. Смотрю в окно. Высоко. Двор с качелями где-то далеко внизу.

— Мапочка придёт.

— Конечно, придёт, куда ж она денется, а пока давай вместе подождём. Посидим, поговорим. Помнишь, как ты в лагере про Емелю рассказывал?

— А, щука... Емеля...

— Жили-были дед да баба, и была у них курочка Ряба...

— Снесла курочка яичко. Мапочка придёт. Дядя Валера поезде придёт.

— А что за окном, давай посмотрим?

— Это дождик за окном. Мальчик плачет.

Он прекращает бег и садится на диван по-турецки. Я сижу на полу напротив. Он смотрит в упор и тербит уши. Время от времени он идёт на кухню (я за ним). Съедает ложку супа и возвращается. Бегает по кругу, по кругу, по кругу.

Он смотрит на меня с недоумением. Оживляется при виде мыльных пузырей («это мячики»), фонарика («свет включить») и самолётика, который я для него сделала из листка в клеточку («самолётик упал»). Предлагаю ему красную клетчатую сумку. Он берёт её в своё бесконечное путешествие по кругу («это портфель»).

— Мапочка придёт. Придёт твоя мамочка. Работы будет придёт.

Он говорит: «мальчиков найдём!» Это знак, что сейчас укусит свою руку. На руке мозоль.

— Слушай, не надо, подожди ещё полчаса.

Ложится на клеёнку, я накрываю его одеялом. Отворачивается. Вижу — глаза открыты. Смотрит в стенку.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Лежит, смотрит в стенку, бегают по кругу в пустой комнате на 12-м этаже.

.....

— И.Б., а сколько раз в неделю он к нам ходит?

— Один.

— А чаще нельзя?

— Не может она чаще возить — боится. И он боится.

— Но это не жизнь. Ему совсем плохо, я же видела.

Может быть, волонтеров к ним посылать?

— Ты понимаешь, нет таких волонтеров, которые знают, как с ним нужно себя вести, чтобы не сорвать всё окончательно.

— Или самим ездить.

— Нет у меня времени самой ездить. Совсем нет.

...Вот видишь, когда-то с ним чуть ли не круглыми сутками возились: и гуляли, и туда, и сюда, на детские праздники... И что? Всё зря! Теперь он вырос, а выросший аутист никому не нужен.

Ещё И. Б. сказала: «Вчера на занятии я стала повторять всё, что он делал. Он на батут — я на батут, он что-то берёт — я беру, он ходит — я хожу, а он на меня внимательно так посмотрел и очень осмысленно сказал: «сим-мет-рично».

Через два года я стала заниматься с Гришей, приезжать раз в неделю к нему домой. Позже ко мне присоединилась специальный педагог Наташа, которая занималась с Гришей в другой день, а когда она уехала в Германию, её сменила Катя.

Думая о том, как нужно работать с Гришей, я решила, что главное — дать ему свободу выбора и самовыражения. Мне кажется, что у Гриши в душе спутанный клубок мыслей,

Часть III. Частные уроки

желаний и чувств. От невозможности этот клубок распутать, выразить словами, возникают напряжение и страх.

Поэтому мы с Гришей используем самые разные, не только словесные, способы выражения себя. Например, рисование.

2. Волнистые туманы

Хочет рисовать.

«Я хочу рисовать».

— Ладно, а чем будем рисовать?

— Фломастерами.

— Хорошо, носи фломастеры и бумагу.

Гриша рисует.

— Я рисую.

Я рисую.

Гриша рисует широкие разноцветные загогулины. Освобождает себе руку, как сказала бы художница и арт-терапевт Фридл Дикер-Брандейс. Никаких сюжетных рисунков. Круговые движения фломастера по бумаге. Как внести в его рисунки элементы сюжета? Гриша не любит, когда рисуют его рукой. Не очень ему интересно, когда я сама что-то рисую и рассказываю. Он любит линии и круги.

— Всё. Нарисовал.

— Будешь ещё рисовать?

— Ещё.

Круг. Ещё круг. Волнообразные ритмичные движения. Лиловые, бледноватые (фломастер выдыхается) круги. Сумерки... Длинная дорога...

— Гриша! Хочешь стихи послушать? Почитать тебе?

— Почитать.

— Я буду читать, а ты будешь рисовать.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Стихи — Гришина страсть. Они его завораживают, как всё ритмичное. Он знает их множество, может продолжить с любого места — от «Мойдодыра» и «Дяди Стёпы» до «Мёртвой царевны» и «Дуба зелёного».

Читать!

«Почитай мне».

— Почитай мне.

— Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льёт печальный свет она...

Фломастер замирает на бумаге. Гриша слушает.

— Гриша, тебе понравилось?

— Понравилось

— Давай рисовать это стихотворение.

Я снова читаю, и мне кажется, что от ритма этого стиха в воздухе возникают лиловые волнистые линии. А вот круг — луна. И Гриша рисует, но теперь его загогулины — не каляки-маляки, а волнистые туманы. А вот:

— По дороге зимней, скучной,
Тройка борзая бежит...

«Дорога зимняя, скучная» — это две длинные, уходящие за край листа линии. Ритм диктует, что рисовать. Гришин ритм слился с пушкинским ритмом, и получилась картина. «Зимняя дорога».

Так мы создали множество картин, вызывающих недоумение у всех, кроме нас. В самом деле, что это такое? Какие-то безумные росчерки, пятна и фигуры, а на об-

Часть III. Частные уроки

ратной стороне написано, например, «Зимнее утро» или «Уж небо осенью дышало».

А про «звуковые диктанты», которые диктовала своим ученикам Фридл Дикер-Брандейс, я прочитала позже, в книге Елены Макаровой «Фридл».

С Гришей диктанты получаются замечательно. У него прекрасное чувство ритма, и мне даже подсказывать ему не приходится. Берём большой лист бумаги и фломастер. История-диктант начинается:

Плавно, медленно, нараспев: «Мы с тобой пошли на море. А на море были волны. Волны поднима-ались и опускались — ввее-ерх-вни-из, вве-еерх-вни-из». — И надо рисовать волнисто.

А потом поднялся ветер и начался шторм, тогда я голосом изображаю шторм, например, как ветер дул: у-у-у-у... — это длинная закрученная линия.

А потом шторм кончился, и снова волны плавно катятся вверх-вниз.

Удивительно, как Гриша чувствует перемену ритма! Когда «начинается дождь» — кап-кап-кап-кап — фломастер отрывисто чиркает по бумаге. А стоит снова подуть сильному ветру — закручивает круги-загогулины.

Вот так и получаются прекрасные произведения в жанре «волнистые туманы».

Семь зачёркнуто, восемь в круге

Мои друзья Громы

Посвящается Тане, Шуре и Мише

Да уж, когда-нибудь я напишу «трактат о личных отношениях с клиентами», где будет подробно рассказано про то, почему с учениками и их близкими дружить нельзя, как пагубно подобные отношения влияют на терапию, и, конечно, приведу множество примеров из собственного горького опыта.

А сейчас я буду писать — с огромной радостью — о нарушении этого золотого правила: о моих друзьях Громы.

Конечно, конечно, если бы мои отношения с ними строились только на профессионально-терапевтическом уровне, мы все достигли бы совсем иных результатов и терапевтических высот. Каких? Я не знаю. И предпочитаю не заморачиваться.

Мне кажется, в начале профессионального пути без опыта этих самых «личных отношений» не обойтись. Когда впервыеходишь в мир другого (сейчас я говорю о мире «особых людей» и их близких), часто оказываешься не в силах противостоять его красоте. Ты влюбляешься в этот мир. Хочешь быть к нему как можно ближе. И нарушаешь все правила. Это нормально. Закономерно. Я думаю — даже правильно.

Часть III. Частные уроки

Короче, Бог его знает. Сложная эта тема и до конца не изученная.

Но Громовы — исключение даже из этого правила. Потому что они, во-первых, мои друзья, и только во-вторых клиенты.

Шура

Разумеется, он красавец.

Все трое Громовых — красавцы, и все похожи друг на друга, особенно Миша и Таня, но и по Шурику видно, что он из той же компании. Однако сейчас я остановлюсь не на фамильных, а на личных Шуриных чертах.

Выражение лица у Шуры слегка надутое, будто он набрал за щёки воздуху. Взгляд немного рассеянный (Шура не очень хорошо видит), но иногда становится по-снайперски пристальным — например, когда Шура перечитывает прошлогоднюю тетрадку по письму или собирает пазл из тысячи кусочков. Прищурившись, он склоняется над столом с таким видом, будто разгадывает тайный шифр.

Улыбку Шурика я однажды назвала джокондовской, однако она может постепенно перерасти в откровенный ржач. Иногда это признак веселья, иногда — нервный смех, иногда — способ отвертеться от разговора (не приставайте ко мне, я делом занят, смеюсь). Бывают ситуации, когда громко смеяться нельзя, тогда Шурик тихо давится от смеха.

У Шурика есть специальное выражение лица, которое называется «кругом враги». Это значит, что он подозревает окружающих в заговоре против него. Например, враги спрятали куда-то коробку конфет. Или вдруг оказывается, что когда что-то просишь, надо не тыкать пальцем и не

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

махать рукой, а говорить «дай», и это не мамина блажь — её ещё можно было бы проигнорировать, — а предмет подлого заговора. Поэтому когда я в первый раз прошу Шуру сказать «дай», отчётливо вижу в его глазах «и ты, Брут?!»

Шура любит трогать людей за голову. То ли гладит, то ли руку вытирает. Зачем он это делает, я не знаю. Может, хочет проверить, действительно ли люди существуют или они — оптический обман.

Я люблю наблюдать, как Шура точными, аккуратными движениями наводит порядок: выравнивает обувь в прихожей, поправляет дверной коврик. Оставить коврик лежать не параллельно порогу Шурик не может. Перед газами стоят Шурины пальцы, застёгивающие липучку на сандалиии так основательно, будто делают это раз и навсегда.

Ярлычки и этюды

Четыре года прошло с того момента, когда Ирина Борисовна, наблюдая за Шуриными попытками повиснуть на мне, сказала: «Уже понятно, что он — твой клиент». Сейчас Шуре (Шурику или Шурупу) тринадцать лет.

Шура перешел в шестой класс школы глухих. У него аутизм, он плохо слышит и не очень хорошо видит.

Шура начинает говорить.

То есть использовать слова для общения.

Как он говорит? Дактильно (то есть пальцевой азбукой) и звуками. Звуки он умеет произносить далеко не все, но контур слова понять можно.

Что говорит?

Например, «дай», «привет» и «пока».

Но то, какие именно это слова, не так важно.

Часть III. Частные уроки

Раньше слово и предмет в Шуркиной голове почти не соединялись. Стол сегодня стол, а завтра — стул, машина, ложка и как угодно. Маша — сейчас «Маша», а через две минуты — «ручка» или «шкаф». Шура не понимал, что у каждой вещи есть определённое и неизменное название, а может, понимал, но по каким-то причинам не обнаруживал понимания. Не берусь судить. Чужая душа (и голова) потёмки.

Я представляла себе Шурины слова такими свободными летающими ярлычками: они не спаяны в единое целое с предметом, который обозначают, а могут легко меняться местами, пропадать и как угодно трансформироваться.

А сейчас ярлычки, видно, устали от такой неустроенной жизни и начали медленно, но верно прирастать к предметам и явлениям.

В прошлом году мы много рисовали. Шура рисовал неопределимо прекрасных кошек с круглыми глазами. Причём начинал рисовать с линии ушей. Будто не рисовал, а обводил. Ещё Шура изображал людей с руками-крыльями. Откуда крылья? Это я показала Шурику, что рука — это не палочка-чёрточка, а — как бы это сказать — такая фигура из двух параллельных линий и пяти пальцев. В Шурином восприятии эта фигура расширилась, а пальцы — линия вверх — линия вниз, вверх-вниз, и так пять раз — должно быть, требовали такого сосредоточения, что куда уж обращать внимание на их толщину. Вот и выходило крыло. «Нам разум дал стальные руки-крылья, — распевала я, любуясь собой, Мишей и Таней в Шурином исполнении. — Жалко, «вместо сердца пламенный мотор» не изобразил».

А весной мы ходили на этюды. На берегу купчинской речонки, спустившись почти к самой воде по крутому глинистому берегу, мы рисовали речку и противоположный

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

берег. Шура рисовал речку не пространственно — как ряды прямых или волнистых линий, начинающихся за краем листа и уходящих за противоположный край. Река у него выглядела как кусок воды. Прямоугольный и ровный. Шура рисовал ту часть речки, которая была перед его глазами. Не больше и не меньше. То, что не помещалось в его зрительный диапазон, не имело никакого значения.

Семь зачёркнуто, восемь в круге

— Какое у тебя любимое число?

Семь восемь.

— Как?

Семь зачёркнутое, восемь, обведённое в кружочек.

Семь восемь — любимая фишка Шурика. Правда, теперь она уже почти в прошлом — там же, где алфавит, игрушечные белочки и многие другие Шурины пристрастия. А было время, когда семь восемь писалось на всём, на чём только можно писать — «коньками по льду, и кольцом по стёклам»: нет бумаги — пальцем на глади стола, нет стола — на автобусном стекле, а если и стекла не оказалось — тогда в воздухе.

Шура любит математику. Наверное, потому что она — наука точная и ответ на вопрос «сколько будет два плюс пять» мало зависит от контекста. Математика — Шуркин оплот в изменчивом и нелогичном мире, где два совершенно разных предмета могут называться одинаково, а окружающие только и делают, что совершают странные поступки.

А семь восемь — это шутка. Прикол. Хотя мне всегда виделось, за этой шуткой нечто большее. Мировоззрение, что ли. Пишется пример. Скажем, три плюс пять. Равно семь. Пауза. Восемь.

$5+3=7$ 8

198

Часть III. Частные уроки

На вас смотрят выжидательно и подсовывают фломастер. Вы должны зачеркнуть неправильный ответ. Если вы этого не сделаете, Шурик сам зачеркнёт. Пауза. В вашу руку снова тыкается фломастер — ваш последний шанс. Надо обвести восьмёрку в кружочек.

Вся сцена целиком — пример и ответы, правильный и неправильный — разыгрывается не всегда. Можно просто писать 7, 8, семь зачеркивать, восемь обводить в круг. Или показывать жестами: 7, 8. Сцена не разыгрывается, но подразумевается.

Честно говоря, я боюсь рассуждать о том, что для Шурика значит его «семь зачёркнуто, восемь в круге». Потому что точно знать не могу, и никто, кроме Шуры, не может. Но кое-что в этом символе веры мне понятно и близко. Неправильный ответ. Зачеркнуто. Правильный ответ. Обведено в круг. Хоть в чём-то в этом мире можно быть уверенным.

* * *

Шурик — человек-загадка. Вне сомнения, каждый аутист (да и вообще каждый человек) — загадка. Но Шурик в особенности. Это потому, что у него слишком хороший характер. Скандальные дети однозначнее: орёт, топая ногами — значит, не хочет. Если у ребёнка ярко выражено «хочу» и «не хочу», мы быстро выучиваем, что ему нравится, а что не нравится. Но у Шурика между «хочу» и «не хочу» лежит ровное поле «я на это согласен», там-то, на этом поле, обычно всё и происходит.

— Ему нравится делать то-то и то-то?

— Он не возражает. Предложишь — будет делать.

Может, ему всё-таки нравится? Или не возражает потому, что ему, в общем-то, все равно?

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Или считает, что так надо делать, потому что это *правильно*? Я долго билась над этими вопросами, а потом поняла, что и про свои-то желания ничего не знаю: где настоящие, где заёмные, где «потому что так надо» а где «в общем-то, все равно». И успокоилась.

Примеры того, что Шурик явно любит:

Кошки
Собирать пазлы
Математика

И чего явно не любит:

Желе
Когда его не понимают в очевидных для него ситуациях.

При этом нельзя сказать, что он любит всё, кроме желе, и сильно радуется, когда его понимают.

* * *

— Ты Шурику нравишься по-человечески, — сказала его мама, — а А.В. — эстетически.

— Откуда ты знаешь?

— По его лицу вижу.

* * *

... почему-то я не сомневаюсь в его пронизательности. Может быть, я его даже в чём-то переоцениваю, но ничего не могу с собой поделать. Мне постоянно кажется, что он всё прекрасно знает, и когда я сталкиваюсь с проявлением «торможения» и «зависания», когда Шурик упорно не понимает каких-то простых (с нашей точки зрения) вещей, скорее удивляюсь, чем раздражаюсь.

Часть III. Частные уроки

Я и педагог, и друг семьи. Это привело к тому, что Шура во мне видит двух разных людей: один бесконечно достаёт и докапывается, второй разрешает почти всё что угодно. Сначала меня это беспокоило, но Таня сказала, что для Шурика это даже полезно. Ломка стереотипа.

Занимаясь с Шурой в Фонде «Отцы и дети», я думала, что я для Шуры — часть некоего сложного стереотипа, и когда обстановка изменится, изменятся и наши с Шурой отношения: Таня рассказывала, как Шурик на занятиях у педагога переставал говорить слова, которые давно выучил, только потому, что педагог поменял кабинет. Сначала Шура удивлялся, когда встречал меня в самое разное время и в самых разных местах. Потом привык.

Конечно, Шурка не перестанет показывать мне свои аутичные штучки — *семь восемь*, например. Почему? Да потому, что они мне нравятся.

* * *

С Шуриком очень хорошо ходить или ездить. Не потому, что на улице и в транспорте Шура хорошо себя ведёт, лишь изредка пытается потрогать каждого встречного. А просто мне с ним хорошо.

Нельзя сказать, что мы похожи, даже наоборот. Например, Шура аккуратный. У него все вещи на своих местах, а у меня в комнате полный хаос. Шура любит математику, я терпеть не могу. И вообще, Шурик относится к жизни гораздо серьезнее, чем я. Он любит действия, в которых есть какой-то смысл. Зачем нам с Мишей понадобилось собирать по дому всякий хлам, класть его в коробку и зарывать на берегу ручья, он не понимает и смотрит на нас так, будто подозревает, что у нас не все дома.

Мама Таня называет Шурика «аутист-оптимист». Я бы сказала, что Шурик — синтонный аутист. Синтонность —

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

психологическое слово, значение которого никто не может объяснить, зато, как сказал Владимир Леви, все знают, что синтонный человек— это человек, с которым легко и хорошо. Когда какой-нибудь мой знакомый говорит, что боится аутистов, я знакомлю его с Шуриком: Шурик нравится всем. Людям внушают доверие его улыбка, аккуратные движения, бытовая умелость, пристрастие к кошкам и даже семьвосемь, которое он чертит везде, где только можно. В лагере на Онеге все обитатели домика, где мы с Шуриком жили позапрошлым летом, сошлись на том, что Шурик — не клиент, а скорее волонтер, и не только потому, что он мыл за всех посуду, стелил свою кровать и ничего не брал без разрешения (кстати, далеко не все волонтеры могут этим похвастаться), а потому, что неведомо как он создавал вокруг себя радость.

* * *

Как прекрасно быть с синдромом Каннера —
То есть настоящим аутистом:
Взглядом, избирательным, как камера,
Наблюдать за небом золотистым.

Хорошо быть настоящим мастером
Над листом бумаги зависания,
А потом сиреневым фломастером
Разводить волшебные писания.

Громовский дом

Я поднимаюсь на пятый этаж длинного дома в Купчино. Купчино — ужасный район, тёмный, запутанный, мрачный, здесь маньяк и названия улиц, которые невозможно отли-

Часть III. Частные уроки

чить друг от друга. Где Бухарестская? А где Будапештская? Но я Купчино люблю. Я тут жила, когда была маленькая. До трёх лет. Совершенно ничего не помню, только железную горку среди высоченных домов да щель между кабиной лифта и шахтой, в которую я ухитрилась уронить пластмассовую лопатку. На какой улице мы жили? Бабушка говорит: на углу Димитрова и Каштановой аллеи, а Таня Громова говорит, что у этих улиц нет угла, потому что они не пересекаются...

В общем, это неважно. Я звоню в дверь. Если мне не открывают дольше минуты, одно из двух: или Таня говорит Шуре, выразительно дактилируя: «Там Маша! Иди открывай!», а Шура делает выражение лица «чего? Какая ещё Маша? Ты что, не видишь, что меня жажда замучила?» и идёт наливать себе воды, или я пришла слишком рано, и никого нет дома. Тогда я жду, когда раздвинутся створки лифта и на площадку выйдут Громы: Таня, Шура и Миша. В красивых куртках и с бутылкой колы в руках.

Есть живые дома. Как бы объяснить? Дома, которые одновременно очень точно отражают суть людей, в них живущих, и живут своей, самостоятельной жизнью. Вещи уже настолько зарядились духом своих обладателей, что могут обходиться без людей. Но, наверное, если хозяева дома надолго куда-нибудь уходят, их душа постепенно выветривается из вещей и дом выдыхается, как лимонад.

Диалог человека с домом — это очень, очень интересно. Я — педагог-на-дому и гость по призванию, не создающий своего жилья, хожу от дома к дому и вижу множество таких диалогов. Вот, например, дом, состоящий из вещей-воспоминаний. А вот дом, где каждая вещь — символ. Дом — сложная знаковая система, которую нужно уметь понимать.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Громовский дом в этом смысле совершенно особенный. Вещи в нём живут такой полной жизнью, что даже не важно, для чего они. Их дарят. Ими любят. «Смотри, как здорово». Их покупают или делают, потому что здорово же!

Приду — а по всему дому разложены, рассажены и раскиданы маленькие куклы в костюмах разных народов. Какая мне больше нравится? Негритянская или азиатская? А Мише? Шура, это что? К... Да нет, не кошка. Это кукла. Или прихожу, а в доме пахнет шоколадом, корицей и ароматическими маслами — Таня варит мыло. Шоколадное мыло лежит на кухонном столе и похоже на большие конфеты из коробки. А в ванной, в мыльнице — мыло, которое и на мыло-то не похоже: не то древесный гриб, не то морской камешек.

Или Таня делает магнитные бусы, из которых можно складывать невообразимые фигуры.

Или покупает всё для праздников: огромное количество воздушных шаров, гирлянд, хлопушек, серпантина. И баллон с гелием, чтобы шары летали. Половина этих сокровищ дарится мне — сделать в детском доме праздник воздушных шаров.

Или прихожу — а меня заставляют мерить куртки. Какая мне больше нравится — красная или зелёная? Или синяя?

В доме Громовых вечно коробки, коробочки, банки, нагромождение вещей друг на друга, но это не выглядит, как беспорядок, настолько каждая коробка хороша сама по себе и проникнута духом громовского дома. Здесь любовь к вещам не накопительная, а созидательная и щедрая: чтобы радоваться, менять, дарить, любоваться, выбирать, что больше нравится, придумывать, что из этого можно сделать.

Часть III. Частные уроки

Шура в школе изучает тему «транспорт» — и мне показывают игрушечный автобус, который совсем как настоящий, даже двери складываются. Или учит названия зверей — на столе стоит большая пластиковая коробка, а в ней маленькие фигурки-звери, видимо-невидимо.

Входя в Мишину и Шурину комнату, я обычно спотыкаюсь о Замок Тёмных Эльфов. Как же сесть за стол и начать заниматься, чтобы не повредить Шурин пазл из тысячи кусочков?

Миша

В этом году мы занимаемся втроём — Шура, Миша и я. Миша — Шурин брат. Младший. В этом году он пойдёт в школу.

Миша говорит: «Жизнь прекрасна, потому что в ней много сокровищ».

— Маша, а давай с тобой поговорим про то, про что мы говорили, когда в прошлый раз здесь шли. Про всякие превращения.

— Миша, можешь назвать что-нибудь, что бывает невидимым?

— Да. Например, боги, духи и эльфы.

— Бывают эльфы тёмные и светлые. Они в душе у человека.

— А какие у тебя в душе, тёмные или светлые?

— Когда я с кем-то, то светлые. А когда я один — тёмные.

— Я могу остановить солнце. Но сейчас, наверное, не хочу.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

После того как мы несколько раз пытались что-то сделать разными способами:

— Маша, зачем Бог даёт человеку столько идей, если все они неправильные?

— Серый хлеб — на самом деле чёрный, просто он чуть-чуть серый.

Миша: Маша, а давайте с тобой и с Шуриком поиграем в вопросы. Кто правильно ответит, тому очко.

Я: Хорошо. А ты сможешь придумать вопрос, который можно задать Шурику?

Миша: Например: «Почему ты так рано встаёшь?» (шепотом: «правильный» ответ «потому что я иду в школу»)

Я: А ты когда-нибудь слышал от Шурика фразу типа «потому что я иду в школу»?

Миша: (со вздохом) Нет. Но будем надеяться...

Однажды вечером мы с Мишей плыли по озеру на pedalном катамаране. Педали крутила я, Мишины ноги до них не доставали. Катамаран с шуршанием проходил через заросли камышей, а мы пытались разглядеть в тумане очертания нашей бухточки. Все бухточки были как две капли воды похожи друг на друга.

— Кажется, мы заблудились, — сказал Миша с эпическим спокойствием.

Туман сгущался.

— Мы с тобой будто через Лету плывём.

— Про Лету я читал. А как ты думаешь, что будет с живым, если он захочет войти в Аид?

— Ты миф об Орфее знаешь?

— Не знаю.

Часть III. Частные уроки

Я рассказала. Миша вспомнил, что где-то слышал об Орфее.

— Давай лучше будет так: на берегу Леты горит костёр, и мёртвый, если пройдёт через огонь, станет живым.

Я сказала, что ничего не имею против.

— Я тебе на берегу покажу, каких зверей я сделал из деревьев. Бывают деревья, которые похожи на зверей, только к ним надо что-то добавить: хвост, или клюв, или глаза.

На берегу появилось пятно света. Мы поплыли на свет и увидели стоящего на берегу человека с налобным фонариком.

— Смотри, — сказал Миша, — человек-маяк.

Пешеход

(Из дневника и писем)

Люди едят. Говорят. Люди лохматятся. Писают, какают. Люди переодеваются. Читают. Смотрят. Мерзнут.купаются. Покупают. Греются. Стреляют. Убивают. Считают, решают. Включают, выключают. Люди еще в театре. Катаются на санках. Волнуются. Курят. Плачут, смеются. Звонят. Нормальные, гарные, озорные. Люди спешат. Ругаются. Веселые. Серьезные. Люди барабанят и громыхают. Не лохматятся. Теряются. Рыжие. Глубокие. Люди сдирают кожу. Люди ремонтируют домик, сарай. Люди потерпят. Люди рисуют, пишат. Лесные. Люди колют дрова, пилят, топят. Люди еще здороваются, говорят, прыгают, бегают. Люди конечные. Люди летают.

Антон Харитонов

Люба, здравствуйте.

Вчера Вы попросили меня рассказать, что я знаю об Антоне. Проблема в том, что я о нём почти ничего не знаю и совсем его не понимаю. Тем не менее, утром я села за компьютер и стала старательно вспоминать.

Когда я увидела Антона в первый раз, никто о его настоящем и будущем вопросов не задавал, потому что всё было понятно. Хотя Антону тогда не было и восемнадцати лет, все видели в нём человека, чья жизнь практически закончена.

Часть III. Частные уроки

Раз в неделю он ездил заниматься в Фонд, а остальные дни и часы проводил дома. Чем он заполнял всё это свободное время, я не представляла. Я слышала, что он живёт вдвоём с мамой, которую знала только в лицо.

Внешне Антон был непроницаем. Он ходил взад и вперёд, взад и вперёд по игровому залу. Время от времени он останавливался и резко хлопал себя по бёдрам руками с растопыренными пальцами. При этом он ещё поворачивал голову то вправо, то влево, как механическая игрушка, так же механически моргал и улыбался. Мне казалось, что эта улыбка выражает что угодно, только не радость.

Потом мы встретились на Онеге. Большую часть времени Антона не было видно. Он часами лежал на кровати, укрывшись одеялом, из-под которого торчали только пятки. Правда, иногда я видела, как он вихрем вылетал из домика, бросался на качели и раскачивался так, что страшно смотреть. Отвлечешься на минуту — а его уже нет, прыгнул, только пустые качели бешено качаются.

Он всё время убегал: с территории лагеря, с озера, по дороге в магазин. Однажды ранним утром я встретила его на дорожке, ведущей к шоссе.

— Антон, что ты здесь делаешь? — спросила я.

— Тут уже захотел на Онежское на озеро.

Говорил Антон очень интересно: фразу начинал вкрадчиво, будто готовясь к прыжку, а заканчивал, требовательно повышая голос. Или повторял её дважды — в первый раз громко, во второй — одними губами. И в каждое предложение вставлял «уже» и «тут» или «здесь». И. Б. как-то раз сказала: «Раньше Антон обычно говорил, а потом подумал, что будет прикольно произносить слова, как они пишутся. Так с тех пор и говорит». Например: «тут **хочу** мороженое белое кушать». Концы глаголов — «ть»,

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

«тсья», Антон так тщательно проговаривал вместе с мягкими знаками, что вместо «кушать» слышалось «кушати». Мороженое не какое-то там, а белое. А чай — желтый. «Тут хочу чай желтый пить». Йогурт розовый или белый, вафли желтые, кока-кола чёрная... У каждого слова есть своё цветное прилагательное. Иногда послушаешь Антона и узнаешь что-то новое о мире. Например, «тут больно кусают **коричневые** комары».

— Антон, сколько тебе лет?

— Мне тут уже три лет.

— А Саше сколько лет?

— Саше тут уже два лет.

— А мне сколько лет?

— Тебе тут уже сто лет (и добавил шепотом: «тут рядом»).

В походе он ночью убежал из палатки. Мы бежали по лесу и звали его, а он, как потом оказалось, стоял за деревом и смотрел. Его ругали, а он механически поворачивал голову и непроницаемо улыбался. В лагере здоровые ребята посадили его на качели и раскачивали изо всех сил, приговаривая: «качаться или убежать? качаться или убежать?» Антон молчал, и вид у него был довольный.

Говорили, что раньше, лет до тринадцати, Антон был другим: открытым, радостным, спокойным. Тогда он и написал своё знаменитое сочинение «Люди», положившее начало Вашей истории. В тринадцать случился какой-то кризис, и Антон ушел в себя. Сочинений больше не писал.

Писал слова. Ручкой на бумаге, пальцем на песке, палочкой на земле. Некоторые буквы — обычно некоторые — зеркально. Чаще всего он писал имена.

Он рисовал маленьких людей, треугольных и квадратных. Больше всего любил рисовать синей ручкой.

— Антон, а почему у тебя люди треугольные?

Часть III. Частные уроки

— Тут уже хотел треугольных нарисовать людей.

— А почему хотел?

— Тут уже нравятся треугольные здесь люди. — И вставал, давая понять, что разговор окончен.

До сих пор стыдно вспоминать, как я пыталась с Антоном заниматься.

Идти со мной он не хотел, поэтому я брала его за руку и практически втаскивала в домик (учитывая, что Антон значительно крупнее меня, это было не так-то просто). В домике я сажала его на стул в углу, а сама садилась напротив, чтобы не дать ему сбежать, и начинала мучить:

— Антон, что ты дома делал?

— Тут уже одежду рвал.

— А ещё?

— Тут уже руки ломал, — отвечал он, глядя мимо меня.

— А ещё?

— Тут уже окна бил, — говорил Антон, улыбаясь со смесью застенчивости и злорадства. Потом вставал, аккуратно обходил меня и убежал.

В день отъезда он почему-то пришел к нам, хотя жил в другом домике, лёг на кровать вниз лицом и всё время, оставшееся до автобуса, лежал неподвижно.

Август 2008 г.

Если бы мне ещё недавно сказали, что Антон будет играть какую-то роль в моей жизни, я бы очень удивилась. Я общалась с ним мало, и нельзя сказать, что это было общение. Я совсем не понимала Антона. Да и не было, пожалуй, особого желания понять. Вот Антон. Если в комнате — ходит взад-вперёд. Если на улице — уходит куда глаза глядят. Какой-то Пешеход.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

А несколько дней назад мне позвонила женщина, представилась Любой и сказала, что она снимает фильм об аутистах, и главный герой — «угадайте, Маша, кто?»

Не знаю.

— Антон Харитонов.

Довольно странный выбор, подумала я. Что может человек, до этого никогда не сталкивавшийся с аутистами, разглядеть в Пешеходе, который или бежит, или лежит, или пишет зеркальные буквы?

«Понимаете, я прочитала его сочинение, которое называется «Люди», — это совершенно гениальное произведение. Я попыталась что-то узнать об авторе. В Фонде мне сказали, что Антон написал это сочинение много лет назад, с тех пор он очень сильно изменился, сочинений не пишет, и в настоящий момент находится в психиатрической больнице».

Когда Люба сказала руководителям Фонда, что хочет снимать Антона на Онеге, ей ответили: «Мы не можем взять его в лагерь. Он всё время убегает, даже ночью, за ним нужно круглосуточно смотреть. Кто будет это делать? У нас и так сотрудников не хватает. Тем более, неизвестно, в каком состоянии он выйдет из больницы — в хорошем оттуда редко выходят. Возьмём Антона только при одном условии: если его мама тоже поедет».

— И Рината согласилась?

— Согласилась, но буквально накануне отъезда позвонила мне и сказала: «Извините, что я вас подвела, но у меня обнаружили онкологическое заболевание, и я должна срочно лечь в больницу». А не ехать было уже нельзя: Антон знал, что он едет в лагерь и был страшно счастлив. Тогда главный психолог Фонда сказала мне: мы можем

Часть III. Частные уроки

взять Антона на Онегу под вашу личную ответственность. Но я вас предупреждаю: вы с ним не справитесь.

— И как, справились?

— А не надо было справляться. Я не помню ни одного случая, чтобы с Антоном не получилось договориться. Он всё понимает, всё слышит и чувствует. Я в жизни не встречала такого адекватного человека.

Сентябрь 2008 г.

Вчера позвонила Люба: Пешеход снова в психиатрической больнице. Его отправили туда из интерната, где он жил последнее время. Потребность в интернате возникла потому, что мама Антона Рината очень тяжело заболела и скоро должна лечь на операцию, а оставить Антона не с кем. Про этот интернат я смутно помнила чьи-то хорошие отзывы: приличные условия, занятия, индивидуальный подход... Не знаю, может, и правда, но проблема в том, что интернат, даже самый хороший — не место для аутиста...

Спрашиваю, почему отправили в больницу. Люба говорит, сотрудники интерната испугались: Антон «неадекватно себя вёл, кусал руку и бросался на людей». Я вспомнила наш с И. Б. разговор четырёхлетней давности. Касался он одного нашего бывшего ученика, который тогда лежал в психиатрической больнице.

— Когда некуда деть то, что накапливается внутри, в замкнутом мире, происходит взрыв.

— Его можно предотвратить?

— Можно, но для этого нужно понимающее пространство, поддержка, возможность сбросить негатив, новые хорошие впечатления. А этого нет.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

— А дома?

— Дома — уставшие, измученные родители и замкнутый круг отношений. Маленькому ещё может хватать дома, большому необходимо что-то ещё, это естественная человеческая потребность.

— Понимаешь, Маша, смысл нашей работы уничтожается отсутствием «принимающей системы» — вот мы довели ребёнка до какого-то уровня. А потом?

— Нашим повзрослевшим детям некуда пойти. После восемнадцати лет они никому не нужны. Есть в нашем городе несколько мест, куда они могут ходить раз-два в неделю, но этого мало.

— В больнице ему помогут?

— Нет. Снимут внешние симптомы. Вместо того, чтобы вытащить занозу, загонят её под кожу. На некоторое время он станет более удобным, тихим, а потом ему, скорее всего, станет ещё хуже, потому что причина-то никуда не денется.

— Значит, это безвыходная ситуация?

— Да.

Бейт-Мидраш

Человек, сажающий сад
И человек Над,
Их тихие диалоги,
Медленный плеск реки,
Сорняки,
Растущие у дороги.

Человек, срывающий плод
И человек Под,
Их радости и печали,

Часть III. Частные уроки

Снег по дороге — льном,
Под окном
Листья с пятью лучами.

Ветер ловить — тщета,
Воду травить — тщета,
Землю творить — тщета,
Нет никакого «ради».
С дерева сорван плод,
На воду спущен плот,
Молча уходит Лот,
Рушится Город сзади.

Вчера поздно вечером позвонила Люба. Проговорили до часу ночи. Она страшно расстроена: была у нашего Пешехода в больнице. Я хорошо знаю эту больницу: сводчатые коридоры, напоминающие тоннели метро, бесконечные лестницы, переходы и повороты, по которым блуждают родственники больных с тяжелыми сумками, широкие подоконники, молчаливые очереди на лестницах в ожидании приёмного часа. Запах больницы, старости и щей.

Люба говорит, что когда они с Ринатой пришли в отделение, Антон был привязан к кровати: «неадекватно себя вёл, подождите, сейчас отвяжем». Увидев маму и Любу, оживился. Некоторое время они все вместе сидели в коридоре, и Антон с довольным видом поедал вкусные вещи, которые Люба с Ринатой ему принесли. Но вдруг будто что-то переломилось: он вскочил — в глазах паника — и начал кусать свою руку. Успокоить его было нельзя.

Люба несколько раз повторила: «Я не знаю такого Антона!»

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Потом они с Ринатой собрались уходить, и Антон за- метался по коридору, повторяя: «я не хочу говорить до свидания, я не хочу говорить до свидания».

— Вот видите, опять неадекватно себя ведёт!

Один человек, которому Люба доверяет, сказал: «Всё, что ты делаешь для Антона, — бессмысленно. Это всё равно что человеку, которому для спасения жизни необходим миллион, дать пятнадцать рублей. Не помощь, а подачка, насмешка. Вот ты приходишь к Антону один раз в неделю, ну, два. А чтобы реально помочь такому человеку, нужно отдать ему всё своё время, всю любовь — короче говоря, всю жизнь. Полумеры ни к чему не приведут, то есть будет ещё хуже: он поверит тебе и будет ждать помощи. А ты по-настоящему помочь не сможешь, потому что не готова отдать ему всю жизнь».

Люба,

ну что я могу сказать про пятнадцать рублей? Что это и меня всё время мучает?

Конечно, Антону в больнице плохо, и он живёт только ожиданием встреч с Вами и Ринатой, а когда вы собирае- тесь уходить, мечется и повторяет «я не хочу говорить до свиданья, я не хочу говорить до свиданья». Для персо- нала это очередной признак неадекватности, а для нас, наоборот, адекватности, но что тут поделаешь! Вопрос про пятнадцать рублей я формулирую и переформулирую по сто раз на дню. «Что такое для человека, жизненно нуждающегося в миллионе, пятнадцать рублей? Почти ни- чего. Так, может, лучше совсем ничего не давать, если не можешь дать всё?»

Часть III. Частные уроки

Вы спрашиваете: что такое полтора часа посещений в неделю для человека, которому постоянно как воздух нужны внимание, общение, любящие люди рядом? Может, он не может радоваться, зная, что я уйду? И когда он снова остаётся один, может быть, ему так плохо, что радость встречи того не стоит? Может, лучше Антону вообще забыть, что есть жизнь вне больницы, и не понимать, чего он лишен?

Да, вы приходите к тому, что раза в неделю мало. И двух — мало. И пяти — мало. Мало всего, что не *всё*, но еще неизвестно, поможет ли это *всё*, если вы решите дать его Антону. Во-первых, чтобы спасти человека ценой своей жизни, нужно иметь на это глубокое внутреннее право, и никто не знает, чем это право определяется. Это тайный механизм, вроде совместимости групп крови. Поэтому делайте то, что в Ваших силах, пусть это будет помощь, но не самопожертвование.

Вам только кажется, что полтора часа — это мало. Полтора часа могут преобразить всю неделю. Они дают Антону смысл, а без смысла человек никак не может, особенно когда ему плохо.

Октябрь 2008 г.

Вчера мы с Ринатой и Любой ездили в интернат, где Пешеход находился до больницы. Я поехала в качестве «педагога Антона», предвидя, что пользы от меня будет мало. И от меня, и от поездки вообще. Люба поставила перед собой задачу уговорить руководство интерната снова принять Антона, когда его выпишут из больницы.

Ехали долго: интернат за городом. Красиво: везде желтые и красные кленовые листья. Шурша листьями, мы шли

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

по подъездной аллейке, и Рината всё время повторяла: «Мне это не нравится, мне не нравятся эти люди, я вам говорю: ничего не выйдет».

В интернате пахло скорее школой, чем больницей, это хороший знак. Окинув взглядом холл, я стала нервно проверять, не криво ли застёгнуто моё пальто. Всё было *очень прилично*: глубокие мягкие кресла, пальмы в кадках, большое окно в осенний сад...

Люба спросила у какой-то женщины, можно ли видеть директора. Нас вежливо попросили подождать: дети и педагоги сейчас обедают. От нечего делать я бродила вдоль стен и разглядывала выставку работ учащихся. Впечатление от работ: хорошо вещи сделаны.

Я вспомнила свой детский садик и столик, на котором после занятия по лепке выставлялось тридцать одинаковых пластилиновых пирамидок. «Всем показываю, как лепить пирамидку, все лепим пирамидку». И мы лепили.

Не думайте, что я против обучения ремеслу. Просто место было похоже на наш детсадовский столик.

Наконец мы услышали стук каблучков — директор и завуч вернулись с обеда. «Вы ко мне? Пройдёмте в кабинет». Мои руки снова судорожно потянулись проверить пуговицы пальто.

Всё, что происходило в кабинете, я помню смутно, наверное, потому что была занята попытками как можно сильнее вдвинуться вместе со стулом в стол. Я даже не запомнила, сколько людей с нами разговаривало. Помню завуча, похожую на всех завучей: лакированная причёска, лакированные туфли и лакированные интонации. В хоре она была голосом, непреклонно ведущим основную партию, остальные представители интернатской администрации — подголосками, склоняющимися то в одну, то в дру-

Часть III. Частные уроки

гую сторону. Основная партия была такая: «Антон не для нашего учреждения, а наше учреждение не для Антона».

— Но вы понимаете, — говорила Люба с отчаянием, — что ваш интернат — самый лучший, и мы не можем найти для Антона более подходящего места? Вы знаете, что его мать тяжело больна и, когда она ляжет в больницу, Антону будет некуда деться. Если вы не согласитесь его взять, он окажется в обычном рядовом доме хроников или в психиатрической больнице.

— Да-да, мы всё понимаем, но поймите и вы нас: наш персонал работе с такими детьми не подготовлен, у нас дети послушные, им скажешь: «делайте то-то», и они будут делать, а Антон не будет. Ему говорят «сиди», а он уходит. У нас отбой, все идут спать, а он не ложится.

— Но вы понимаете...

— Мы-то понимаем, но когда у Антона в тот раз был приступ агрессии, у нас никто не мог с ним справиться. А если он причинит вред кому-то из детей? Мы не можем рисковать их здоровьем. И потом: у нас педагогический процесс. Ребята изучают ремёсла, работают. Вот вы сами скажите: может ваш Антон работать?

— Тут сидит педагог, который занимается с Антоном, — сказала Люба, и я попыталась задвинуть свой стул ещё глубже, — она вам расскажет.

Все головы повернулись ко мне.

— Ну... Антон многое может. Например, он... (как назло, на память приходило только рисование *тут уже людей треугольных*) он... когда мы с ним ездили в интегративный лагерь, Антон сам мыл посуду, заправлял кровать и... и... помогал собирать байдарку!

(Глубокий выдох. Рината потом сказала: «Слава Богу, Маша, что вы про байдарку вспомнили. Это вы хорошо сказали, что он помогал её собирать!»)

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

То ли лакированную завучиху убедила байдарка, то ли подействовали Любины уговоры, но руководители интерната согласились взять Антона с испытательным сроком.

После беседы нам устроили экскурсию по интернату: показали аккуратные холлы, игровую комнату и спортзал, прекрасно оборудованный медицинский кабинет, симпатичные спальни... Всё было очень прилично, красиво и тихо, и я не могла представить себе Пешехода в этом царстве аккуратных пластилиновых пирамидок.

Мы прощались с завучем в нижнем холле, у большого осеннего окна.

— Послушайте моего совета, не тратьте время зря, — сказала она на прощанье. — Начинайте подыскивать для Антона место в обычном психоневрологическом интернате. Там знают, как обращаться с такими, как он.

— Но мы ведь уже договорились?..

— Конечно-конечно. Только вы скоро сами убедитесь, что я была права: наше учреждение не для вашего Антона.

Облегчение, которое я почувствовала, очутившись на улице, не поддаётся описанию. Рината, не проронившая ни слова с тех пор, как мы вошли в интернат, безнадёжно махнула рукой: «а, я ж говорила, что ничего не выйдет!»

— Рината, как это не выйдет, они же сказали «возьмём с испытательным сроком».

— Ну и что. Знаю я этот «испытательный срок». Это значит, что на Антона будет направлено всё внимание. Будут смотреть и подмечать, что Антон делает не так. Разве он это выдержит? Я вам сразу сказала, что не доверяю я этим людям.

Пока мы шли к машине, я думала, что лакированная завуч права: Пешеход не для этого интерната, а интернат — не для Пешехода. А что для Пешехода? Я не знаю.

Часть III. Частные уроки

Пешехода выгнали из интерната. Мотивация: «Неадекватно себя ведёт, не можем справиться».

Что и требовалось доказать. Что дальше? Никто не знает. Рината ложится в больницу через два или три месяца, значит, пока Пешеход может жить дома. Люба надеется за это время придумать выход. Сейчас главная проблема в том, что, если Антон будет продолжать жить так, как раньше — сутками ходить взад-вперёд по комнате, писать слова и лежать, укрывшись с головой, очень скоро он снова окажется в больнице. Потому что от такой жизни любой человек сойдёт с ума. У Антона нет никаких занятий: пока он в таком состоянии, до Фонда он вряд ли доедет. Рината, конечно, старается делать всё, что в её силах, но сил у неё очень мало, едва хватает на готовку, уборку, стирку, магазины, регулярные поездки на процедуры в больницу... Врач-психиатр, которая наблюдает Антона много лет, сказала, что единственный способ предотвратить новый срыв, грозящий больницей, — ежедневные прогулки. Значит, нужно искать волонтёров, которые будут гулять с Антоном. Я могу только раз в неделю. Не знаю, как это будет. У меня никогда не было с ним хорошего контакта.

Ноябрь 2008 г.

Когда я вошла в комнату Антона, я сразу вспомнила выражение И. Б. «взрыв в замкнутом мире». Вся комната исписана зеркальными словами. Слова на стенах, на полу, на обложках книг, телевизионных программах — исписано всё, на чём можно писать.

— Антон! — сказала Рината. — Ты пойдёшь с Машей гулять.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

— Тут не хочу с Машей уже гулять, — сказал Пешеход и ушел в другую комнату.

— Как это не хочешь? — возмутилась Рината. — Скажешь, пойдёшь!

— Маша тут кричала на меня уже здесь, — сообщил Антон и упал на кровать: я услышала, как загудели пружины.

Кажется, я покраснела. Как можно было быть такой идиоткой и думать, что он забыл?

Я подошла к кровати и сказала:

— Антон! Я знаю, что раньше плохо себя вела с тобой. Но это было давно. Я больше не буду. Извини меня, пожалуйста. Пойдём гулять, а?

— Тут уже пойду гулять. — решил Антон, и у меня отлегло от сердца.

Мы делали большие круги, точнее, квадраты, потому что в Купчино все улицы совершенно прямые. Ходили долго. Время от времени Антон останавливался, наклонился, ставил указательным пальцем на асфальте точку и шептал: «тут уже стоит точка».

Минут через пятнадцать Пешеход сказал: «Тут хочу домой на Белградскую на улицу».

Вернулись домой.

— Хорошо, Антон, мы пришли домой. Что будем делать?

— Тут хочу в компьютер играть в белый.

Я забеспокоилась. С компьютерами у меня сложные отношения, и неизвестно, как Антон отреагирует на мои часовые поиски нужной кнопки...

Но Антон меня выручил:

— Тут хочу идти гулять.

— Но как же, ты же сам сказал, что хочешь домой.

— Гулять хочу тут рядом! — В голосе Антона прозвучала угроза.

Часть III. Частные уроки

Ладно-ладно. Идём гулять. Только, пожалуйста, не говори через пять минут, что надо домой.

Через пять минут Пешеход сказал:

— Домой хочу на Белградскую на улицу.

— Антон...

— Домой хочу! — Антон отбежал на несколько шагов и изо всех сил укусил себя за руку.

В глазах паника. Носком ботинка раскидал горку сухих листьев. Подбежал, заглянул мне в лицо:

— Домой хочу тут рядом!

Я не знала, что делать. Если принять ритм Антона, тревогу, которая гонит его на улицу из дому и домой с улицы, это приведёт к тому, что вместо одного мечущегося будет двое.

Нужно попробовать замедлить метание, установить какие-то рамки, правила...

А если Антон сейчас захочет убежать? Мне ни за что его не догнать.

Всё-таки решила попробовать договориться:

— Антон, давай так: дойдём вон до той улицы, зайдём в магазин, а потом вернёмся обратно.

— Сок купишь тут вишнёвый?

— Куплю. Ну что, пойдём?

— Пойдём в «Семью» тут желтую.

Еда, конечно, неправильная мотивация. Шла по Бухарестской улице и каялась. Но при этом думала, что лично для меня еда как мотивация общения занимает не последнее место.

Вечер понедельника был очень тёмный и холодный — шел дождь, порывами дул ледяной ветер. Тем не менее Антон сказал, что хочет идти гулять. Мы шли в полутьме по

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

проспекту Славы, и у меня очень быстро замёрзли руки, ноги и лицо. Мы шли молча, Пешеход ни о чём не спрашивал, да и мне не хотелось перекрикивать ветер и шум машин. Мы шли, шли и шли, и я внутренне приготовилась идти до Уткиной Заводи, как вдруг, шагов за сто до железнодорожного моста мы упёрлись в блинный ларёк. Страшно захотелось погреть руки горячим блином.

— Антон, тебе блин купить?

— Купи блин тут жёлтый.

Очереди не было, но блинов пришлось ждать очень долго. На Антона было тяжело смотреть: он теребил край куртки. Делал шаги то вправо, то влево. Порывался убежать. Тяжело дышал. А когда блин, из-за которого пришлось столько мучиться, оказался у Антона в руках, он отшвырнул его в сторону.

Опять кусал руку.

Почему человек кусает руку? Попытка заглушить внутреннюю боль? Я заметила, что мой ученик Гриша кусает руку, когда не надеется что-то донести до людей другими способами. Кусание руки — последнее слово в неуслышанном монологе.

Плохо мне. Тетрадка вдоль и поперёк исписана самоушностями:

«Я понимаю, когда человек мечется».

«Я понимаю, когда человек упирается лбом в стену».

«Я понимаю, когда человек кусает руку».

«Я понимаю твоё отчаяние».

Часть III. Частные уроки

Колыбельная для сердца

Тише, острое, как перец,
Беспокойное mein Herz,
Спи, святейшее из сердец,
Спи, добрейшее из сердец.

Спи, как флюгер спит на шпиле,
Спи, как за морем заря,
Как деревья, что испили
Из бокала ноября.

Спи, не мучайся, топ соеиг,
Как кусты на склонах гор,
Спи, пока в высокой башне
Мудрецы не кончат спор.

Уголок в небесных червах,
Серебристая блесна,
Ты войдёшь одним из первых
В царство завтрашнего сна.

Спи, листочек дальних лип,
Спи, ночного моря всхлип,
Как часы в осеннем доме,
Как высокой двери скрип.

Спи, размеренно дыша.
Да хранит тебя душа!

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Его приступы самоагрессии вызывают у меня огромное чувство вины: опять не поняла, не услышала, чего-то не учла, что-то недообъяснила. А ещё я просто боюсь не справиться с Антоном. Он гораздо сильнее меня. Я уверена, что он никогда меня не ударит, но может причинить вред самому себе.

Я могу сколько угодно уговаривать Антона успокоиться, но пока он чувствует мою тревогу, никакие слова его не убедят. Единственное, что убеждает — чужое спокойствие.

Привела к Пешеходу Наташу. Она будет с ним гулять раз или два в неделю. Я в Наташе не сомневалась, и правильно: Антон ей понравился. Думаю, она ему тоже понравится.

Наташа рассказывала мне, как пыталась спеть Антону под гитару. Он посмотрел на неё долгим взглядом и попросил: «Убери тут, тётя, гитару желтую!»

Иногда Антон обнимает меня за плечи.

Я, в общем, не против, но порой он надавливает на меня так, что я чуть не падаю.

Собираюсь домой:

— До свидания тут рядом тётя Маша.

— Антон! Какая тебе тут тётя? — кричит Рината из кухни.

— Мы долго будем гулять тут на улице?

— Быстро идём по земле чёрной?

— Кто камень положил тут белый?

— Кто листья раскидал тут желтые?

— Кто бутылку разбил тут зелёную?

— Кто рекламу повесил тут красную?

Часть III. Частные уроки

Зашла в комнату, а он лежит на диване в темноте и улыбается. Долго гуляли по тёмным улицам, смотрели на окна. Говорили мало. Иногда Антон быстро взглядывал на меня. Потом сказал: «Тут идёт белый дождь».

В жизни Антона появился новый человек — Валя.

— Ну, как тебе Антон?

— Антон прекрасный. Такой румянёный!

Валя возит Антона в Чесму. Чесма или Чесменский приход — место, где по пятницам собираются взрослые ребята с нарушениями общения, психологи и волонтеры.

Проект для особых ребят в Чесменском приходе называется «Пространство радости». Я в Чесме не была, но знакомые говорили, что там действительно пространство радости. Чаепития, разные творческие придумки, песни под гитару, дружеская атмосфера.

Валя делилась своими первыми впечатлениями от поездок с Антоном в Чесму, и мне кажется, что всё неплохо. Главное, нашего Пешехода ни к чему не принуждают. Он может находиться там, сколько захочет, а когда устаёт, они с Валею едут домой. Она говорит, что Антон пока не заходит в комнату, где все собираются, а сидит за чайным столом и ест пряники. Но это тоже неплохо, если учесть, что он сильно отвык от компании. Все к нему относятся очень хорошо, подходят, спрашивают, как дела. Он отвечает:

— Тут у меня уже лучше дела.

Дома спрашивает Ринату: «Тут пойду в церковь белую?»

— Пойдёшь в пятницу.

А когда наступает пятница, говорит: «Не хочу в церковь тут белую!»

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Небесные волки

Замкнулся на небе мерцающий круг.
Луны серебристое блюдо.
Небесные волки выходят на луг
И смотрят спокойно и люто.

Их длинные морды в туманной реке
Мудры, как библейские лики.
В прозрачных глазах, в золотом ободке
Качаются лунные блики.

Небесные волки не пьют молока,
Питаясь травой и медом,
Но помнят они, что земля глубока,
И ходят по ней, как по водам.

Лежи на росистой траве, но не спи,
Смотри на небесные семьи:
Ты тоже колечко их вечной цепи,
В счастливом соседстве со всеми.

Улыбается, будто знает про меня какую-то тайну. Иногда у меня отчетливое ощущение, что сейчас он мне её наконец расскажет. Нет, отворачивается.

Спросила Валю, как она относится к тому, что Антон её обнимает. Она сказала, что, по её мнению, для него это очень важно. Только нужно просить Антона, чтобы он обнимался не слишком сильно. Я спросила, действуют ли просьбы. Она сказала, что рано или поздно действуют.

Часть III. Частные уроки

Познакомила Антона с одним моим приятелем. Вместе ходили гулять по обычному квадратному маршруту. Пешеход был неразговорчив и почти всю прогулку промолчал.

Потом мы отвели Антона домой и пошли на станцию «Проспект Славы». По пути приятель не проронил ни слова. Наконец, когда мы уже сидели в электричку, спросил:

— А ты уверена, что ему всё это надо?

— Что?

— Ну, гулять с нами.

— Конечно, любому нужно общение.

— А было оно сегодня? Я никакого общения не заметил.

— А когда он, обогнав нас на пару шагов, оглядывался и широко улыбался? А когда приобнимал меня за плечи и смеялся? А когда спросил, кто положил тут камень чёрный?

— По-твоему, это общение?

— По-моему, да.

А где, скажи, Лёша Иванов?

А где, скажи, Вася Смирнов?

А где, скажи, Рома Мишуков?

А где, скажи, Данила Жуков?

А где, скажи, Саша Гафанов?

А где, скажи, Паша Фёдоров?

А где, скажи, Гриша Козырь?

Декабрь 2008 — январь 2009 г.

Я поняла, что хочу перейти от прогулок к чему-то другому — во-первых, холодно, а во-вторых, человеку нужна какая-то целенаправленная деятельность, что-то вроде школы. Или работы.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Сначала ничего не получалось: Антон ни минуты не мог усидеть на месте. Он вскакивал и начинал ходить по комнате. Удержать внимание Антона было очень сложно — ещё бы, он успел отвыкнуть от занятий. Вот он вскочил. Дошел до стены. Прижался лбом к тому месту, где ободраны обои. Застыл. Резко повернулся, рванул дверь и выскочил в коридор. Жду. Рывок, дверь распахнулась, Антон снова у стены, прижимается лбом. Иду закрывать дверь.

Она полусорвана, и чтобы закрыть, её нужно приподнять.

— Хочу в туалет тут голубой! — говорил Антон и закрывался от меня в туалете.

Или уходил на кухню, прислонялся лбом к занавеске и стоял. Я приходила, уговаривала:

— Антон, посиди со мной. Мне так хорошо с тобой сидеть.

Однажды я принесла ему онежские фотографии. Впервые Антон почти полчаса сидел рядом со мной и смотрел, не отрываясь. Потом мы придумывали подписи к фотографиям, и Антон писал. Раньше он отказывался писать что-то, кроме зеркальных слов.

Мы завели специальную тетрадку для занятий, и я попросила наверху страницы написать число и день недели. Кажется, эта просьба разбудила школьные воспоминания, потому что с тех пор Антон не чертит квадратные печатные буквы, а пишет красивыми письменными, которые, правда, иногда срываются со строчки и лестницей идут вниз.

— Антон, будем писать?

— Ручку дашь тут синюю?

— Я же давала тебе в прошлый раз.

На Пешехода ручек не напасёшься: от нечего делать он ломает их пополам.

Часть III. Частные уроки

Каждый раз в ответ на «до свидания, Антон» отвечает «до свидания тут рядом тётя Маша», игнорируя Ринатино: «не тётя Маша, а Маша, понял?»

Прощаюсь: «До свидания, Антон!» (назовёт тётей или не назовёт?)

— До свидания тут рядом... (хитро и застенчиво улыбается) тётя Маша...

И немедленно — Ринатин прекрасный хриплый смех и возглас: «Какая тётя? Какая тебе тётя?»

Январь 2009 г.

Ринате скоро ложиться в больницу. Что будет с Пешеходом, пока неясно. Решили искать человека, который будет с ним жить. Требования простые: молодой, сильный и психически устойчивый мужчина, который найдёт с Антоном общий язык, которому Рината и Люба смогут полностью доверять и который согласится жить с тяжелым взрослым аутистом в течение неопределенного времени.

Пешеход сегодня сказал: «Испеки блины тут желтые».

— Ты меня с тётей Любой не путаешь, а?

Антон её очень ждёт.

Когда она приезжает и разговаривает на кухне с Ринатой, он выходит к ним минут на пять, а потом снова скрывается в своей комнате. Сильные чувства, даже радость, быстро его утомляют. Он хочет быть один, но знать, что в любую минуту может подойти к человеку, которого любит.

Антон очень изменился. Он гораздо охотнее общается с людьми, меньше кусает руку, пишет уже не слова, а предложения. Но главные изменения, которые происходят с Пешеходом, трудно передать словами. У него стало совсем другое лицо.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Но тем острее вопрос: а что дальше? Пешеход делает первые попытки выбраться из скорлупы, которая много лет защищала его от мира, но мир-то вовсе не горит желанием принять Пешехода. Однажды Антон увидит свою жизнь не изнутри, а так, как видим её мы: хождение взад и вперёд по комнате, исписанной зеркальными словами. И кто знает, что он тогда почувствует?

Лакированная завуч сказала: «Наше учреждение Антону не подходит».

Место, которое ему подойдёт, можно обозначить двумя словами: понимающий мир.

Февраль 2009 г.

Съёмки Любиного фильма.

Снимали, как мы с Пешеходом пишем предложения, а потом как он идёт по улице вдоль длинного забора. Мы не были уверены, что он согласится идти один, поэтому сначала я и Пешеход прошли необходимый для съёмки путь вместе. А потом Антона попросили дойти до конца забора в одиночку. Он шел, время от времени оглядываясь на меня, а я медленно шагала за машиной, в которой ехала Люба с оператором, и кивала: «да, да, молодец... иди...»

Потом мы снова шли вместе: под железнодорожный мост и дальше по проспекту Славы, «во-он до того столба». Антон целеустремлённо шагал, я еле за ним поспевала. Недаром он Пешеход. Интересно, думала я, как далеко он может уйти, если его не останавливать и не догонять? А его побеги — они откуда-то или куда-то? Есть ли у него представление о цели своего пути? Может быть, никакого пути нет, а есть хождение взад-вперёд, только без стен? А может быть, единственное, что стоит делать — это идти с Антоном, и тогда мы наконец придём туда, куда нужно.

Часть III. Частные уроки

Когда мы всё-таки вернулись, оператор странно посмотрел на меня: «я же вам сказал, во-он до того столба, а вы чуть не до Москвы дошли!»

Мы прекратили поиски человека, который будет жить с Антоном, пока Рината в больнице. Всё неожиданно поменялось, но я об этом напишу позже, когда узнаю точно. Сегодня у нас с Антоном было последнее занятие. Мы писали сочинение про кран. Антон сам предложил такую тему. К сожалению, я не догадалась переписать это сочинение, помню только, что на кране работает дядя Борян, который ест жареную картошку. Дядя Борян хороший, потому что он «уже друг».

Я больше не чувствую между нами отчуждения. Антон сидит рядом, время от времени обнимает меня за плечи и улыбается своей прекрасной улыбкой — такой непохожей на прежнюю, механическую. А я думаю: как же так я не приду сюда в следующий понедельник, и не будет больше квадратных прогулок по району и походов в магазин за «соком тут вишнёвым», и не будем мы сидеть в комнате, разрисованной зеркальными словами, и некому будет помогать у меня «ручку синюю».

— До свидания, Антон.

— До свидания тут рядом Маша.

Дорогая Саша!

Прости, что не писала давно. Вчера ездила в деревню «Светлана». Такие деревни, где вместе живут взрослые люди с нарушениями развития, волонтеры и педагоги, — это целое движение, называется оно английским словом, которое переводится как «лагерь на холме». Деревня в самом деле на холме.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Я поехала в «Светлану» потому, что там сейчас наш Антон Харитонов.

Мне понравилось. Ферма, натуральное хозяйство, ребята сами ухаживают за животными, пекут хлеб, делают сыр, масло и сметану, валяют войлок, готовят еду и т.д. Волонтёры и педагоги (не знаю, правильно ли их называть волонтёрами и педагогами, там они как-то все вместе) очень хорошие, вообще там прекрасная атмосфера.

В домах невероятно уютно, стены обшиты деревянными панелями, везде картины, цветы, разные прекрасные старые вещи. Все решения принимаются советом деревни, который собирается в библиотеке, где на столе стоят большие песочные часы.

Кормят очень вкусно! Сейчас пост, поэтому блюда овощные и молочные.

Я всё посмотрела: и пекарню, и маслобойню, и хлев, и свинарник, и мастерские. На трапезу жители деревни собираются по звуку колокола, садятся за длинный стол и зажигают свечу.

Потом читают молитву — не православную, не католическую, просто благодарят Бога за хлеб. Никто, даже маленькие дети, не встаёт из-за стола до того, как погасят свечку.

Дети — это дети сотрудников. Поскольку до ближайшей школы далеко, в «Светлане» есть своя школа, то есть класс. С детьми каждый день занимается учительница, которая работает по вальдорфской¹⁷ системе. В подробности не вникала, видела только класс и всякие интерес-

¹⁷ Вальдорфская педагогика — часть антропософского учения Рудольфа Штайнера (1861–1925). Главный её принцип — свободное развитие ребенка, без страха и оценок, основанное на уважении к его личности. Учебный материал на всех этапах разделен на три части: духовная (развитие мышления, в том числе образного), душевная (обучение музыке и танцу), практическая (развитие ремесленных навыков).

Часть III. Частные уроки

ные вещи: дневники погоды, странные весы, механизмы и т.д. Ребята раз в полугодие ездят в поселковую школу и сдают экзамены.

Люди удивительные! Например, женщина, отвечающая за пекарню, — океанолог. А Лена, главная на ферме, после целого дня работы в коровнике, заглянув на минутку в дом, садится за рояль и с листа играет Баха... А муж Лены — художник.

Правда, интересно? Я даже подумала: может, остаться в «Светлане»? Удивительная там атмосфера. Но всё-таки я городской житель, так что совсем удаляться от мира пока не готова.

...2009 г

...наверное, более подходящего для Антона места не найти: прекрасная атмосфера, доброжелательные, понимающие люди, природа, свобода передвижения (это вам не комната на Белградской улице). Конечно, Антону будет непросто привыкнуть к новому месту, людям, правилам (например, к правилу, что нельзя вставать из-за стола, пока не погасили свечу). Ему придётся работать, потому что это главный закон деревни: каждый житель должен что-то делать по мере сил и возможностей. Но Сара Хагнауэр (главный человек в «Светлане») говорит, что Антон привыкнет.

Я была на совете деревни. Решался вопрос о том, какую работу можно поручить Антону и кто будет работать вместе с ним, потому что один он не может.

Главное отличие этих людей от лакированного завуча из интерната: для них Антон — не ходячая проблема, представляющая опасность для окружающих, а человек, которому надо помочь.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Проснулась утром, спустилась по деревянной лестнице, вижу — Антон моет пол.

Как бы сказала Рината, «прогресс!»

Люба, которая прожила с Антоном его первую неделю в «Светлане», говорит, что Пешеход прекрасно себя вёл и, что удивительно, от начала до конца высиживал трапезы.

Люба хотела, чтобы я своими глазами увидела, какой Антон молодец, и очень расстроилась, когда он выскочил из-за стола, не доев супа. Его вернули и мягко объяснили, что вскакивать из-за стола здесь не принято.

...2009 г.

Разговаривала с Любой: она только что вернулась из «Светланы». Пешеход делает фантастические успехи. Он работает — возит тачку и ухаживает за свиньями.

Антон полюбил своего волонтера Давида и очень хорошо его слушается.

Люба говорит, что когда она приехала и Антон выбежал ей навстречу, он был похож на огромное горячее солнце.

— Изменился?

— Очень изменился. У него совсем другой взгляд, другие интонации — он говорит почти как обычный человек.

Пешеходу в «Светлане» хорошо, он привык к ритму деревни, а ритм — это очень важно, аутичные люди плохо переносят хаос и непредсказуемость. В деревне жизнь подчинена строгому расписанию, и это внушает Антону чувство безопасности: он знает, что будет в следующий момент, и не тревожится.

Часть III. Частные уроки

...2009 г.

Я ездила с Любой в «Светлану», на совет деревни. Обсуждался вопрос: что делать с Антоном?

С ним невозможно справиться. Он рвёт свою одежду, и у него не осталось ни одной целой футболки. Постоянные приступы самоагрессии: кусает руку. Сломал дверь. Сорвал батарею. С ним опасно жить в одном доме.

А главное, он всё время убегает из деревни. И это уже опасно для него самого.

Сара несколько раз повторила: я очень хочу помочь Антону, но я не знаю, что делать.

— Когда-то вы говорили про фантастический прогресс...

— Так оно и было, а потом что-то произошло.

— Что?

— Неизвестно.

Я слушаю, как члены совета деревни по очереди говорят о проблемах с Антоном, и думаю, что легче всего во всём обвинить их: плохо старались понять и помочь, приложили недостаточно усилий, чтобы Антону было хорошо в деревне. Но я понимаю, что никто не виноват, и в этом главная тяжесть ситуации. Причина, не дающая Пешеходу найти своё место, у него внутри.

Одна женщина, которая много лет работала в детском доме для особых детей, сказала:

«Человек решается выйти из своего укрытия, если знает, что за стенами укрытия его что-то ждёт. У каждого есть выбор: остаться внутри и чувствовать себя в безопасности или выйти наружу. Этот выбор неосознанно делают все люди, даже маленькие дети, даже самые тяжёлые инвалиды, потому что он происходит на очень глубоком

уровне. Мы не можем никак повлиять на выбор человека и должны уважать любое решение. Если человек решил остаться внутри, это его право. Если он решил выйти, мы должны помнить: это требует огромного мужества».

Антон решил выйти. Люба сравнивает его с цыплёнком, который вылупляется из скорлупы и которому больно от прикосновений мира, но не вылупляться уже нельзя — это процесс, который невозможно остановить.

... 2009 г.

Дорогая Люба!

Придётся начать письмо с «не знаю».

Я не знаю, как закончить рассказ про Антона. Не знаю, стоит ли давать пятнадцать рублей нуждающимся в миллионе. Не знаю, что будет с Антоном дальше.

Вспоминаю, как мы сидели на совете деревни (помните стулья, расставленные по кругу?), и все по очереди говорили, что не знают, как быть с Антоном.

И вдруг я осознала — иначе не назовёшь, потому что я думала об этом и раньше, но никогда так ярко не чувствовала, — что на самом деле **НИКТО** не знает, как с ним быть. Что в его случае никаких готовых решений, никакой правильной стратегии нет и быть не может. Любой выход — временный, поскольку мы не знаем, что будет происходить с Антоном, как он будет меняться. А ещё, пытаюсь найти для Антона место в жизни, Вы идёте против естественного хода вещей: в нашей стране для таких, как он, места нет.

Я знаю, что Вы не согласитесь на компромисс. Помочь Антону для Вас значит решить его проблемы раз и навсегда. Это невозможно: приходится искать всё новые выхо-

Часть III. Частные уроки

ды, и каждый раз мы рискуем не помочь, а сделать ещё хуже. Прогресс грозит обвалом, временное облегчение — новыми, ещё большими трудностями. Может быть, для Антона лучше, спокойнее, безопаснее оставаться в своей скорлупе и не знать, что снаружи есть что-то ещё? Имеем ли мы право давать ему надежду на лучшую жизнь, если сами не уверены, что надежда оправдается?

А теперь всем страшно: и Вам, и Антону, и Вы думаете, что в скорлупе темно и тесно, но привычно и не надо бояться завтрашнего дня. «Сегодня ты помогаешь ребенку не упасть с утеса, — писала художница-педагог Фридл Дикер-Брандейс, — а завтра он может разбиться о камень. Конца этому нет...» Но то, что сейчас происходит с Антоном — это жизнь. Не бесконечное хождение взад и вперёд по комнате, а путь.

Мне очень страшно за Пешехода, потому что мир, в который он попадёт, когда наконец вылупится из своей скорлупы, никак нельзя назвать понимающим.

Но я утешаю себя тем, что тревога за будущее Антона лучше, чем уверенность в отсутствии будущего. Когда «никто вопросов не задаёт, потому что всё понятно».

Егор

Уважайте каждую отдельную минуту, ибо умрёт она и никогда не повторится, и это всегда всерьёз. <...> ...нет незрелого сегодня, нет никакой возрастной иерархии, никаких высших и низших рангов боли и радости, надежды и разочарований.

Януш Корчак

Посвящается Егору, его маме и бабушке

Егор — мой ученик. Ему 11 лет. Он не видит, плохо слышит, не умеет ходить и говорить, у него эпилептический синдром. Такие проблемы, как у Егора, называются «множественные нарушения развития». Я должна об этом сказать, иначе многое будет непонятно. Но дальше я буду очень мало говорить о том, чего Егор не может. Я расскажу, какие звуки Егор слышит, что видит, чем заменяет словесное общение, как передвигается. Егор не похож на нас, он видит, слышит, двигается и реагирует на всё по-своему. И в то же время он обычный ребёнок, который так же, как многие обычные дети, любит кататься на машине, из всех сил раскататься на качелях, брызгаться, любит музыку, концерты по телевизору, лето и дачу, Новый год. Скучает по бабушке, когда она долго не приходит, ждёт маму и папу с работы, обижается, упрямится, злится, хитрит, старается, ленится, хулиганит...

Часть III. Частные уроки

Я очень хочу, чтобы это прочли родные Егора. По разным причинам. Может быть, они лучше поймут, что я делаю с их ребёнком и почему именно это. Может быть, этот текст вдохновит их делать с Егором что-нибудь новое, чего они раньше не пробовали. Но это не самое важное.

Важно — отношения, их развитие. Наш путь. Однажды, не так давно, я уходила от Егора расстроенная. Он снова начал путать день с ночью — с ним такое бывает. Тогда днём он вялый, ничему не радуется, не реагирует даже на самые любимые игры, не улыбается, просто выключается из общения, уходит. Тогда мне кажется, что мы вернулись на четыре года назад. Совершенно измотанная попытками хоть чем-то его развеселить, я бреду через парковку у «О'Кея» и вдруг слышу, что бормочу себе под нос: «Никто пути пройденного у нас не отберёт. Никто пути пройденного у нас не отберёт»...

Егор очень сильно на меня повлиял. И я на него. Не берусь судить, насколько сильно. Мы оба изменились.

Иногда я жалею, что я педагог. Вот и повесть про Егора вышла главным образом о том, что мы делаем. Но за тем, что делаешь с человеком, можно этого человека потерять, и в этом опасность педагогической позиции. Поэтому, если бы меня спросили, чему в первую очередь нужно учить педагогов, я бы сказала: «умению делать паузу». Пауза — окошко в деятельности, из которого выглядывает человек.

Я не хочу, чтобы у читателя сложилось впечатление, будто я — единственный педагог, который занимался и занимается с Егором, и всеми успехами Егор обязан только мне. Я познакомилась с Егором, когда ему было семь лет. До меня он занимался в слуховом и зрительном центрах, в детском садике, в бассейне, с ним работали педагоги,

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

психологи, специалисты по движению, врачи, массажисты. Каждый из них внёс свою, очень важную лепту в развитие Егора. И, конечно, никакое развитие не было бы возможно без мамы и бабушки Егора, их самоотверженного труда, любви, заботы.

И последнее — очень важное.

Эта история в большой степени — педагогическое самовнушение.

Если вы думаете, что я всё делаю именно так, как описываю, вы глубоко заблуждаетесь. Я стараюсь так делать. И в удачные дни мне это удаётся. Но удачные дни бывают далеко не всегда. А ещё бывает лень. Плохое настроение (у меня, или у Егора, или у обоих вместе). И много всяких других неприятных штук...

Здесь — мои представления о том, как я должна строить взаимодействие с Егором. И я следую своим представлениям, насколько может им следовать непоследовательная, нетерпеливая, внушаемая, тревожно-мнительная личность с кучей безумных идей и полным отсутствием системы в голове.

Начало

Я хорошо знаю эти места. Почти за самым домом Егора, как только перейдёшь трамвайные пути, начинается большой пустырь, заросший тростниками. В зарослях протоптаны узкие тропинки, некоторые из них ведут к Финскому заливу.

Впервые я оказалась здесь пять лет назад, ранним утром восьмого марта. Я тогда решила ради эксперимента пройти пешком от нашего дома на Марсовом поле до здешних мест. Дорогу эту, которая заняла больше трёх часов,

Часть III. Частные уроки

я помню смутно, зато помню, что была влюблена и совершенно счастлива. Шел крупный тёплый снег. Я зашла в пустой (утро выходного) зал «Макдоналдса», купила незабвенный вафельный рожок за шесть рублей, влезла на высокую табуретку и ела мороженое, глядя на падающий снег. И не знала, что ровно через год начнётся история, по сравнению с которой эта влюблённость забудется и померкнет, что когда-нибудь я смогу ходить здесь с закрытыми глазами — потому что буду здесь ходить зимой, осенью, весной, летом, два раза в неделю, невзирая на праздники, будни, сезонные депрессии и мировые катастрофы.

Тропинка между двумя заборами. Нужно перейти дорогу. Поднимаюсь на крыльцо и оборачиваюсь. Я всегда оборачиваюсь перед тем как позвонить в дверь, не знаю, почему. Обвожу взглядом прямоугольник многоэтажек, школьный и детсадовский дворы, узкий проход к трамвайной остановке и пустырю, рябины и только тогда нажимаю на цифру «5».

— Маша, ты?

— Да, я.

Дверь, коридор перед лифтом, ещё дверь, ещё коридор, ещё дверь, ещё коридор — так устроены эти дома.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

За четыре года я стала здесь чем-то естественным, как смена дней недели, как дождь и снег.

Помню, как пришла сюда впервые.

Был март 2005 года. И очень холодно. Я страшно волновалась, боялась опоздать и поэтому приехала минут за сорок до назначенного времени. Бродила кругами по двору, грея руки в карманах.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Егор был моим первым сложным учеником, да и «несложных» у меня к тому времени было раз-два и обчёлся. И я далеко не всегда знала, что с ними делать.

Заниматься со слепоглухими я мечтала ещё до факультета коррекционной педагогики, лет с тринадцати, когда посмотрела спектакль «Сотворившая чудо» про слепоглухонемую девочку Элен Келлер и её учительницу Анни Салливан. «Посмотрела» — неточно сказано. Я смотрела этот спектакль, наверное, не меньше тридцати раз и до сих пор помню его почти наизусть.

«Слепая и глухонемая, она похожа на маленький запертый сейф, который никто не может открыть. Возможно, внутри таится сокровище»...

Мне хотелось пережить момент открытия, откровения, как Элен, понявшая, что все предметы как-то называются, что вода, льющаяся из колонки, и слово «вода» — это одно и то же; как Анни, закричавшая: «Она поняла!»

И вот — дефектологический факультет, кафедра сурдопедагогики — здесь учат работать с глухими. А где учат учителей для слепоглухих? Нигде. Нет такой кафедры.

Мы с Егором встретились 10 марта 2005 года, ему семь, мне девятнадцать.

Я вхожу в его комнату. Он сидит на своём неизменном стульчике со столом. Стульчик купили, когда Егору было, наверное, четыре, сейчас ему одиннадцать, а стул до сих пор ему подходит — его можно поднимать, опускать, менять подножку...

Егор сидит, чуть ссутулившись и засунув в рот указательный палец левой, рабочей руки. Движение, которым Егор засовывает палец в рот, очень его, егоровское, я и сейчас его

Часть III. Частные уроки

мысленно вижу. Лицо напряженное, сосредоточенное, рука поднимается медленно — это движение, исполненное глубокой значимости. Локоть поднимается очень высоко, выше кисти, так что Егор засовывает палец в рот как-то через верх. С таким видом, будто ничего важнее на свете нет.

Палец во рту означает: «Я хочу побыть один, мне надо разобраться с новыми ощущениями, со всем тем, что вы на меня свалили, не трогайте меня». Так он обозначает границу личного пространства и времени.

Но я этого ещё не знаю. Сажусь на диван напротив Егора, нас разделяет его столик. Чувствую, какие у меня холодные руки, судорожно начинаю их растирать. И понятия не имею, с чего начать.

Да, когда я вспоминаю наше с Егором начало, я всегда вижу, как мы сидим друг напротив друга и между нами белый столик.

Мой ученик не видит меня. Не слышит. Как же мне общаться с ним?

Я неуверенно протягиваю руку и дотрагиваюсь до его руки. Наверное, несмотря на растирания, руки у меня ещё холодные — Егор свою немедленно отдёргивает. Рядом со мной на диване лежат игрушки, которые мне дала бабушка Егора: маленькая деревянная пирамидка, пластмассовая труба, свисток, круглая коробка из-под бумажных салфеток (из отверстия можно вытягивать ленту) и железная, из-под печенья, полная всяких маленьких предметов: пуговиц, крошечных машинок, монеток, магнитов — для развития мелкой моторики.

Беру пирамидку. Снова протягиваю руку, снова Егор её отдёргивает. Мне становится холодно и страшно. Егор с отрешенным видом засовывает палец в рот, ясно — я для него не существую.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Вы спросите, почему я не могла снять с его стульчика этот дурацкий разделяющий нас белый столик, посадить Егора на колени, покачать, покружить? Не знаю. Я сама спрашиваю себя об этом. Но даже сейчас мне не кажется, что я была так уж неправа.

«Наш отряд стоял в небольшом городке. Этот мальчик играл у себя перед домом. Я шел мимо и сказал:

— Здравствуй!

— Почему ты не отвечаешь? — сердито спросила у него мать.

*— Да я его совсем не знаю, — сказал мальчик».*¹⁸

Я даже немного завидую людям, которые могут взять на руки, обнять незнакомого ребёнка. Для меня незнакомый человек, взрослый ли, ребёнок — всегда незнакомый человек. И я не могу вот так запросто преодолеть расстояние между нами. Мне нужно время. Ему нужно время. Приглядеться, запомнить, изучить друг друга. Нам с Егором на это потребовались годы.

Я сижу напротив, мне страшно, в ушах звенит, и я мечтаю об одном: только бы поскорей кончился обязательный час, на который мы договорились с Ириной. С пирамидкой в руках обхожу Егора и становлюсь у него за спиной. Ставлю пирамидку за столик. Беру руку Егора в свою и начинаю его рукой снимать со стержня деревянные колёсики. Егору это не нравится. Он вообще не очень любит что-то трогать. Все игрушки, которые мама с бабушкой кладут перед ним, немедленно оказываются на полу. На столике ничего не должно лежать. Столик — это часть личного пространства

² Януш Корчак, «Правила жизни»

Часть III. Частные уроки

Егора, где нет места предметам. Даже тарелка с едой не имеет права здесь стоять, поэтому её ставят на табуретку, и ложку, прежде чем оказаться у Егора во рту, приходится совершить путешествие.

Я этого ещё не знаю. Я вообще ничего не знаю о нём. Я продолжаю разбирать его рукой пирамидку, потому что надо же что-то делать. Когда Егор понимает, что оттолкнуть мою руку не удастся, он начинает злиться — сморщивается и резко наклоняется вбок, пытаясь стукнуть меня головой по руке.

Так проходили наши первые занятия, и не только первые. Период взаимного непонимания, неуверенности и раздражения продолжался долго. Егора раздражали мои попытки вторгнуться в его мир — такой спокойный, малолюдный, с таким размеренным временем. А меня раздражало его раздражение, с которым я не умела справляться. И со своим я не справлялась тоже. Когда Егор начинал злиться, я чувствовала, что и меня захлёстывает волна злости, хочется взять его за плечи и трясти или продолжать с ним делать то, что ему так не понравилось.

Егору ничего не нравилось.

Во-первых, я была новым человеком в его жизни. Новый человек пахнет по-новому, и говорит непривычно, и двигается по-другому, и вообще непонятно, чего от него ждать. А когда ты не видишь, плохо слышишь и двигаешься, единственное в жизни, на что ты можешь опереться, это предсказуемость событий.

Во-вторых, я была страшно не уверена в себе, и Егор не мог этого не чувствовать.

Сейчас, когда я вспоминаю свои тогдашние мысли и ощущения, оказывается, что о контакте, взаимопонимании я думала мало.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

«Чем можно с ним заниматься?» — вот что я хотела узнать.

Не «как заниматься», а «чем заниматься».

У нас был период «вещности». На занятия я приходила с рюкзаком и пакетом, набитыми до отказа. На любую вещь я смотрела с точки зрения того, можно ли её использовать для занятий с Егором.

В пакетах лежало солёное тесто и гофрированная бумага, музыкальные инструменты — от свистка да африканского тамтамчика, коробочки из-под лекарств, наполненные фасолью, горохом и гречкой, вата (чтобы рвать) и фольга (чтобы мять), платок с нашитыми по углам бубенцами, бутылки тяжелые (с водой или монетами) и бутылки лёгкие (пустые), куклы, заводные автомобильчики, воздушные шары, пустые катушки, большие бусины, пирамидки и конструкторы.

Мне это нравилось. Так нравилось, что я была совершенно уверена, что и Егору должно понравиться — не может не понравиться — обязано понравиться. И когда я в очередной раз сталкивалась с тем, что ему не нравится, то начинала обижаться, раздражаться и злиться.

Я торопилась. Пробовала — не получалось, пробовала новое, не дожидаясь отклика или не вдумываясь в отклик. Я думала, что можно найти занятие, которое понравится Егору само по себе, без моего участия. Я ждала, когда Егор начнёт радоваться. Начать радоваться самой мне не приходило в голову. Без радости нет деятельности. Только через радость возможно включение и участие. По крайней мере, в нашем с Егором случае.

Чтобы наши занятия не были для него неприятной помехой настоящей жизни (настоящая жизнь — сосать палец, махать рукой, скрипеть зубами, раскачиваться), а сами стали жизнью.

Часть III. Частные уроки

Чтобы ему со мной было хорошо. В каком-то отношении — лучше, чем без меня.

Что для этого нужно?

Самой радоваться. Сделать общение с Егором настоящей жизнью.

Письмо три года спустя.

(Очень эмоциональное письмо, прошу сделать скидку на моё тогдашнее состояние — хоть убей, не помню, чем оно было вызвано! Может быть, у нас с Егором впервые что-то получилось. В общем, я написала Марии Сергеевне. Мария Сергеевна работает в Центре лечебной педагогики и очень мне помогает. Например, я пишу ей отчаянные письма, а она на них отвечает).

«Как хорошо и легко писать, как трудно всё остальное. Я, конечно, знала, что так будет. Всё-таки это радостное ученичество, даже если быть далеко не первым учеником. Как понять, что это не красивые слова?

Даже если это и они, всё равно.

Я пытаюсь находить слабые ручейки его реакций и откликов и развивать их по возможности.

Мы делаем всё понемножку.

Что, как говорится, «пошло» на занятия, то и делаем. Пробовала когда-то работать с ним по конспектам — полный провал. Злимся страшно оба, ничего не выходит.

<...>

Мама Ирина — потрясающе храбрая женщина. Наверное, это от неверия в результат после многих лет занятий. Она сказала: делай, что хочешь.

Учись. Результата я не жду. То есть результат — не главное. Но что-то получается.

Уже не отдёргивает руки, исследует.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Украшали на Новый год с ним ёлочку — стал смотреть на неё, тянуться, улыбаться.

Ему нравится разбирать пирамидку — снимает колечки сам, собираем вместе, страшно доволен. У нас разные пирамидки есть.

Смешно: когда я пришла к Егору в первый раз, я начала именно с пирамидки. О, Пирамидка, великий дефектологический штамп. Егор её возненавидел.

А теперь мы так расслабленно сидим на диване, я не тороплюсь, и Егор тоже медленно поднимает руку, находит кружочек, сжимает, снимает...

И нам хорошо.

Любит играть с водой, пеной — наливаем и переливаем, изучаем заодно чашки, миски, тёплое, холодное, мокрое и сухое, стучим и звякаем ложками.

Любит бросать мелкие игрушечки в коробки и слушать руками, как они там перекачываются.

Играет на синтезаторе, часто мы вместе играем и я пою.

Научился показывать «ещё!». Я что-то делаю: выключаю и включаю фонарики, стучу в бубен, — перестаю и жду. Он ищет игрушку или мою руку — если ему понравилась игра.

Ему стали нравиться занятия».

Время

...подобен дыханию и ритм повседневности...

Елена Макарова. Из романа о Фридрихе

Когда весной высыхает асфальт, ходишь, внимательно глядя под ноги: вдруг что-нибудь найдёшь? Монетку, стеклянный шарик с изогнутой цветной полоской внутри — назначение этих шариков до сих пор для меня загадка, —

Часть III. Частные уроки

бирюзовую серёжку с налипшей вокруг камушка землёй. Да мало ли что. Возле торгового центра «О'Кей» я перебегаю через ограждение, чтобы нарвать травы — это единственная трава на всём Юго-Западе, она растёт над подземными трубами с горячей водой. Но и здесь она ещё совсем юная. Набиваю травой карман. Иду одной из самых знакомых дорог на свете: справа парковка, слева — вентиляционная будка, дальше — узкая тропинка между заборами школы и детского сада. Здесь срываю тополиную веточку. Ветка с почками, трава — чтобы сказать Егору, что наступила весна.

Зимой я приносила ему снег, лёд, перед Новым годом — еловые веточки.

Вот так мы последовательно проходим весь годовой цикл, смену времён года, праздники. Летом изучаем листья, трогаем деревья, ходим босиком по траве, играем с песком и глиной. Осенью раскидываем по всей комнате сухие листья, делаем из них коллажи, поём «падают, падают листья, в нашем саду листопад».

Каждое занятие начинается с разговора о времени года. Как в школе, где в начале каждого урока пишешь «22 октября, классная работа».

Смотрим «приметы времени» — снег, или сухие листья, или одуванчики. Поём весеннюю — зимнюю — летнюю песню. Например, зимняя у нас — «песня о снежинке», а весенняя — «приходит время — с юга птицы прилетают».

Из моих записей:

«Набрала снегу; скоро обломаю все ёлки на Юго-Западе. Принесла ёлочную гирлянду — это всё у нас длится зимняя тема. А вот зимние игры: «Ка-ак на горке снег, снег! И под горкой снег, снег!»

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

А рядом на диване как раз тарелка со снегом. Это Егор хорошо помнит и, когда я начинаю говорить «ка-ак на горке...», ищет тарелку, опускает в неё руку и мгновенно отдёргивает. А потом долго машет рукой и вытирает её о диван. С довольным видом.

Теперь музыка. Егор сам сидит на диване, а я играю ему на флейте и пою песни про ёлочку. Он мотает головой, машет рукой и улыбается.

Конечно, трогаем ёлочную ветку (бедные юго-западные ёлки!). Довольно острое ощущение эта ёлка. Колючая...

А вот праздники:

«Только сели на диван, как пришли Дед Мороз и Снегурочка. Очень милые. Нам с Егором понравились. И бабушке тоже. Егор трогал мех на снегурочкином рукаве, шерстяную пушистую рукавицу Деда Мороза и улыбался.

Бабушка: Вы знаете, он у нас не видит и не слышит.

Я: Ну, положим, что-то слышит!

Даже «прочитали» Деду Морозу стих про снег: я читала, Егор показывал: «Ка-ак на го-орке...»

«Занятие прошло под знаком радости. Делали открытку в подарок маме и бабушке. Егор с большим удовольствием брал куски мишуры — это у нас были ёлочные ветки, которые мы наклеивали на ствол из гофрированного картона. Запускал руку в мисочку с искусственным снегом (красивая штука!), аккуратно брал его двумя пальцами. Потом долго рассматривал свою картину руками».

«Радовался бенгальским огням. Слушал песню про снежинку. Это у нас зимняя «прощальная песня», а так мы под конец занятия поём «ты, да я, да мы с тобой в деревянном башмаке при попутном ветерке в море выйдем по реке...»

«Ходили босиком по ватному снегу, пели зимние песни, кидали ватные снежки на ковёр и в Егора, а в конце

Часть III. Частные уроки

украшали ёлку. Егору очень понравилась длинная ёлочная мишура, я её медленно протягивала через его ладонь, он смеялся, тянул к ней руку. Сказали «раз, два, три, ёлочка, гори!» Бабушка погасила верхний свет. Мы вместе сидели на диване и смотрели на огни».

«Пасха. День сегодня был сонный, но с проблесками веселья: когда играли; когда я катала по его ладони гладкое пасхальное яйцо; когда я поставила ему «Христос воскрес из мертвых».

Я очистила яйцо, дала ему потрогать, понюхать. Попробовать отказался. Жалко, мы не можем красить яйца — из-за того, что Егор не видит, — но я попробовала по-другому. Есть ведь пасхальные запахи: яиц, кулича, воды с уксусом. Пасхальные звуки: как яйца стучают друг о друга — у кого крепче, пасхальные песнопения, «Христос воскрес». Всё это можно дать Егору услышать, почувствовать».

Когда и почему временной цикл стал основой наших занятий? Началось это с того, что моя подруга Валя, которая работает со взрослыми инвалидами, рассказала мне об одной своей коллеге: «Она очень интересно занималась с ребятами. Например, считала, что зимой должны быть одни игры, а осенью другие. И музыка тоже. Зимой приносила вату для того, чтобы изображать снег, осенью — листья». Вроде бы ничего нового или необычного. Но я стала размышлять над Валиными словами.

Это тот случай, когда сам мир диктует содержание занятий. Через естественный, как дыхание или сердцебиение, «ритм повседневности» мы вводим наших детей в мир. Помогаем им прожить то, что обычный ребёнок проживает сам.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Егор — невидящий, слабослышащий, не умеющий ходить — тоже чувствует смену времён года, приход праздников, зиму — когда перед прогулкой его долго одевают, а всё равно холодно, наступление лета — когда можно поехать на дачу, но сам, без помощи других, не может получить очень многих впечатлений, доступных любому ребёнку.

Вот в доме пахнет хвоей — что это такое? Егор не знает, откуда этот запах. И мы трогаем новогоднюю ёлку, помогаем украшать её, поём новогодние песни.

На прогулке что-то мокрое и холодное падает на лицо — неприятно, Егор мотает головой, варежкой трёт щёку, но не знает, что это — снег. И мы играем со снегом, пробуем слепить снежок, а если совсем не нравится — очень холодный — лепим снежки из ваты, кидаемся ими. Это — нравится.

Когда я думаю о нашем с Егором «природном календаре», всегда вижу, как мы идём босиком по траве. Егор морщится от непривычного ощущения, а я изо всех сил стараюсь почувствовать то же, что чувствует он.

Мне кажется, чем тяжелее нарушения у ребёнка, чем толще стена, отделяющая его от широкого мира людей, со всеми его законами и условностями, тем ближе такому ребёнку природный ритм, естественный, не выдуманный людьми, подобный ритму дыхания. То же можно сказать и о совсем маленьких детях.

Между прочим, люди всегда чувствовали особенную восприимчивость маленьких детей к ритму, и через него сообщали малышам первые сведения о мире. Сколько придумано детских песенок-потешек, где слова подчинены ритму и сочетаются с движением! (Мне посоветовали их использовать прекрасные люди из Центра лечебной педа-

Часть III. Частные уроки

гоики, большое им за это спасибо.) И Егор очень любит эти песенки, когда ритм слов и движений передаёт ритм снегопада, или сильного ветра, или волн:

Море волнуется раз!
Море волнуется два!
Море волнуется три!

Или:

Ветер дует нам в лицо,
Раскачалось деревцо,
Ветерок всё тише, тише,
Деревцо всё выше, выше...

— мы с Егором раскачиваемся справа налево сперва всё сильнее и сильнее, а потом «всё тише, тише», и на словах: «И упало деревцо!» — тоже падаем, не резко, конечно, чтобы Егор не испугался. Стих всегда повторяется несколько раз, чтобы Егор запомнил очерёдность движений. Перед «и упало деревцо» я делаю паузу — надо дать ему вспомнить, что будет падение, и подготовиться к нему. То есть — предугадать будущее. Это очень важно для появления у ребёнка чувства времени, потому что время измеряется последовательностью действий. И когда я замечаю, что после моей паузы Егор замирает и внутренне собирается, я понимаю, что он почувствовал «временное пространство» нашей игры.

Меняются времена года — и меняются игры-песенки, в которые мы играем. Например, зимой — «как на горке снег, снег», а весной — «мы посадим яблоньку».

Вот так маленькое время — внутри песенки — соединяется с большим временем — сменой времён года, и оба времени подчиняются ритму движений, дыхания, ритму Егора.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

А есть ещё время внутри занятия.

Для того чтобы его измерять, у нас есть календарь. Несколько пластиковых контейнеров, соединённых вместе. В каждом контейнере-ячейке — символ определённой части занятия.

Ботинок — значит, будем обуваться.

Маленький бубен — будем слушать музыку, танцевать и играть на музыкальных инструментах.

Вода — пойдём в ванную играть с водой.

Из дневника:

«Сачала идём к календарю. Егор уже хорошо знает его и улыбается в предвкушении. Первым делом достаём из календаря игрушку-гремелку. Это значит «будем заниматься». Показываю его рукой жест «заниматься», говорю: «Егор будет заниматься».

На том же столике, где календарь, — корзинка, которая уже давно полюбилась Егору: ему нравится трогать её, поднимать за ручку, бросать. В эту корзинку мы складываем все предметы из календаря (кроме воды, конечно), а в конце занятия вынимаем и вспоминаем, что сегодня делали.

Последовательность занятия, как правило, не меняется, и Егор уже знает, что сначала мы надеваем ботинки, потом садимся на диван играть, говорим про время года, потом слушаем музыку, потом идём в ванную... Он помнит: бубен значит, что сейчас будет его любимая песня, и радуется, доставая его из календаря. Жизнь перестаёт быть опасной и непредсказуемой, поэтому в ней больше хочется участвовать.

Это так удивительно: видеть, что Егор знает — и радуется своему знанию.

Часть III. Частные уроки

Листаю дневник моих занятий с Егором: «вялый, сонный, проснулся сегодня в 14.30», «не спал с 8 вечера, уснул в 7 часов утра», «сонный очень», «довольно сонный, но лучше, чем в прошлый раз», «встаёт после 4 дня, засыпает под утро».

Коллекция смс:

Я: Как режим?

Ирина: Плохо, спит, не получается разбудить.

...

Я: Когда приходиться?

Ирина: Сегодня уснул в 6 утра, не знаю, когда встанет.

....

Это ещё одна сторона отношений Егора со временем. «Егор снова перепутал день и ночь».

Часто это связано с эпилептическими приступами: если приступ случается днём, то засыпая после него, Егор просыпается ночью — и ритм сбивается. Но иногда переход от дневного режима к ночному происходит постепенно и совершенно непонятно, почему. Сегодня проснулся в 12, завтра — в час, послезавтра — в два.

Весь день спит, а ночью сбрасывает с себя одеяло и радостно визжит. Днём спит — значит, не ест, и нужно кормить его ночью. Мама и бабушка ходят измученные бессонными ночами, а ведь мама работает, она не может днём, пока Егор спит, прилечь и отдохнуть.

Вот типичная запись: «Снова проблемы со сном. Лёг спать в 6 утра, в 2 часа дня проснулся, а к 4 опять уснул. Измученная мама попросила «потормозить его, может, сильнее устанет и дольше проспит, таким образом его передвинем». Всё занятие я безуспешно пыталась его разбудить. Егор спал сидя, спал стоя, спал, когда мы с ним ходили, играли с пеной, занимались движением... Он не возражал. Его просто не было».

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Перепробованы все средства: будить; дать выспаться; поить кофе; стараться, пока не спит, сильнее утомить, чтобы он потом проспал дольше и время пробуждения передвинулось на час вперёд; дать отдохнуть как следует, чтобы потом поспал меньше...

Я тоже ставила пробы и сомневалась: заниматься — не заниматься? Будить или не будить?

Но верной стратегии или безотказного средства найти не удалось. Стало ясно: пока Егор сам не решит вернуться к дневному режиму, сделать ничего нельзя.

Может быть, эти переключения ему зачем-то нужны. Может быть, это способ отдохнуть. Спрятаться от суеты и шума дневного мира. Но об этом можно только догадываться. Время Егора — со всеми его сдвигами и тайнами — это его личное время, и тут мы не можем ничего изменить, а может быть — и не имеем права.

Пространство

Что такое пространство для человека, который не видит и не может передвигаться самостоятельно? Прежде всего — это пространство его тела. Но и тело своё такой человек представляет совсем не как мы. А как? Мы снова входим в область тайн и предположений. Но, наблюдая за Егором, за движениями, которые он делает, когда предоставлен сам себе, я догадываюсь о том, что в своём теле кажется ему особенно важным.

Движения Егора — словарь его эмоций.

Голова. Головой можно крутить — медленно, то высоко поднимая подбородок, то упирая его в грудь. Это движение означает спокойное раздумье.

А можно быстро-быстро трясти — это когда весело.

Часть III. Частные уроки

Ещё можно кивать — сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее — это предвестник веселья.

В голове есть рот, а во рту зубы. Зубами можно скрипеть. Ещё можно сосать палец. Для чего? Зубами скрипят, чтобы получить сильное ощущение в области рта — если человек не говорит и не умеет жевать, у него дефицит таких ощущений. А про сосание пальца и без меня много написано. Я уже говорила, как неповторимо это выходит у Егора.

Левая рука — рабочая, действующая. Что ею можно делать, если не сосать палец?

Легонько стучать кулаком по лбу — это знак сосредоточенности и сомнения — развеселиться или пока не стоит? Изо всех сил трясти в такт движению головы — веселье, радость.

Левой рукой можно разминать кисть правой, неработающей руки. Это занятие поглощает всё внимание Егора. Если ему не хочется общаться со мной, он находит правую руку и начинает её массировать, то сжимая, то разжимая пальцы.

Ноги как таковые Егора интересуют мало. То есть трогать их и по-всякому изучать он не стремится. Но зато с помощью ног и папиных рук можно прыгать. Папа поддерживает под мышками, а Егор отталкивается от пола и страшно веселится. Ещё можно ходить, когда кто-нибудь поддерживает. Но об этом ниже.

Почему Егор любит одни движения и не выносит другие?

Любимая игра — «если нравится тебе, то сделай так». «Так» — это взять Егора за обе руки и слегка потрясти. Он приходит от этого в полный восторг.

А вот качаться вместе со мной взад-вперёд — не нравится. Справа налево — нравится, а взад вперёд — нет.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Сам на качелях качается и очень это любит, а на чьих-то коленях — протестует. Может быть, считает, что это только его дело и посторонние мешают?

Положение в пространстве. Его тоже надо учиться чувствовать. Сейчас я стою. Сейчас сижу. Сейчас — лежу. Очень важно, чтобы в течение дня положение менялось.

Любимый стул со столиком. О том, что значит этот стул для Егора, я уже писала в главке «Начало».

Диван, на котором можно лежать или сидеть. Сидеть не так-то просто, потому что надо самому контролировать положение своего тела и опираться рукой, чтобы не упасть. Когда Егор не чувствует спинки, опоры, ситуация кажется ему опасной. Это и пугает его, и веселит — такая игра в равновесие, которая помогает лучше чувствовать своё тело. Но падать он тоже умеет. Знает, что не ушибётся, диван мягкий.

Ходунки, в которых можно стоять. Иногда Егор может стоять долго, а иногда сразу сгибает ноги и повисает на фиксаторах. Зависит от настроения.

Егор умеет показывать, что хочет изменить своё положение в пространстве. Начинает валиться набок, изгибаться — хочет, чтобы его положили. Делает «мостики», лёжа на диване, — хочет сесть.

Очень важная вещь — переход из одного положения в другое. Егор не умеет сам садиться, если лежит, вставать из положения сидя и лёжа, но нужно, чтобы он знал, проживал движения, которые мы делаем, когда садимся или встаём.

Вот, например, он лежит на ковре. Нужно встать. Что может быть проще — просто поднять его с пола, и всё. Но я хочу, чтобы он участвовал в процессе вставания.

Часть III. Частные уроки

Мы уже давно перестали обращать внимание на то, сколько и каких движений нужно сделать, чтобы встать из положения лёжа. А это ведь так интересно! Мне, например, в голову сейчас приходят два разных способа.

Не буду описывать — сами попробуйте. Вот прямо сейчас.

Нужно ловить моменты, когда ребёнок начинает «помогать» — пытается опереться на руки, или выпрямляет ноги, или поднимает голову. Эти усилия могут быть совсем незаметными, но мы должны их замечать, чтобы вовремя чуть-чуть уменьшить собственную помощь: где может, пусть делает сам. Так он учится.

Большое пространство — комната, квартира.

Если человек не видит и не ходит, он может совершенно не представлять место, в котором живёт. Большое — или не очень? Сколько комнат? Где окно? Двери? Ванная комната? Какие стены — гладкие или шершавые?

Далеко ли стол от моей кровати? А кухня — от моей комнаты?

Всё это нужно изучить и прожить.

Егор умеет ходить с поддержкой — то есть если кто-нибудь поддерживает его под мышками или держит спереди за руки. Это хорошо. Значит, можно «прошагивать пространство». Пусть выучит, сколько шагов от дивана до столика, от комнаты до ванны, от ванны — до кухни. Конечно, считать Егор не умеет. Но всё равно чувствует, сколько шагов нужно сделать в ванной комнате, чтобы дойти от двери до ванны.

А какой длины сама ванна? Как далеко нужно вытянуть руку, чтобы подставить её под струю воды? Если поднять руку, достанешь полотенце. Полотенце — справа, а мыло — слева.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Можно ходить босиком — это дополнительная информация: комната застелена ковром, в коридоре кафель, а в ванной пол с подогревом. Так Егор запоминает дорогу. Ещё не ступил на холодный пол коридора, а уже морщится. Запомнил. Ничего, сейчас придём в тёплую ванную.

Оказывается, Егор уже знает, что, если мы хотим попасть в ванную, нужно открыть дверь — когда мы останавливаемся, он поднимает руку, чтобы нащупать дверную ручку. Он помнит порожек при входе — и высоко поднимает ногу. Знает путь от дивана к календарю — и протягивает руку, чтобы взять игрушку из контейнера.

Каждая комната связана с определёнными ощущениями, запахами и занятиями. В комнате мы, например, читаем стихи, слушаем музыку, изучаем календарь. В ванной — играем с водой, рисуем зубной пастой на стенке ванны, зажигаем свечку. На кухне — пересыпаем фасоль и горох, трогаем чашки, ложки, тарелки. В ванной пахнет шампунем, на кухне — кофе (Ирина — большая любительница кофе).

А на даче всё совсем другое. Комната, коридорчик и улица. Разное бывает пространство.

Музыка

Я всё жду, когда вы мне скажете: «Подожди-подожди! Какие песни? Какие стихи? Он же не слышит! Ты сама в «Начале» пишешь: «слепоглухой ребёнок»!

Здесь следует длинное научное отступление, в котором автор, между прочим, сурдопедагог по образованию, — объясняет, что степень потери слуха бывает разной; что есть глухие и есть слабослышащие; что есть четыре группы глухоты — в зависимости от того, какой у человека оста-

Часть III. Частные уроки

ток слуха, а этот остаток есть почти у всех неслышащих, тотальная потеря слуха встречается довольно редко; что неслышащий человек, пользуясь слуховым аппаратом и развивая остаточный слух, может слышать — различать, опознавать и распознавать некоторые звуки... В книге неслышащей итальянки Валентины Паоли есть глава, которая называется «Как я слушаю музыку? Да как хочу!»

Почти все люди с серьёзными нарушениями слуха могут воспринимать звуки на некоторых частотах, чаще всего — на низких. И абсолютно все неслышащие чувствительны к ритму и вибрации. Знаменитая слепоглая Ольга Скороходова описывала свои ощущения от музыки: она клала руку на рояль и чувствовала изменения вибрации на крышке инструмента.

Если я начну развивать эту тему, рассказывать о прекрасном чувстве ритма многих неслышащих, о мимико-жестовом пении, о том, как глухие играют на музыкальных инструментах, то могу увлечься и отвлечься от темы. Есть хорошая книжка И.С. Белик «Музыка против глухоты», есть и другие интересные книги, статьи и исследования по этой теме.

Впрочем, можно всё это зачеркнуть и оставить только слова швейцарского эрготерапевта Кристины о слепоглухом Илье: *«Каждый слышит музыку внутри себя»*.

Я до сих пор точно не знаю, как Егор слышит. Исследования слуха — аудиометрия, компьютерные методики — тоже не могут дать определённого ответа на этот вопрос. Слишком серьёзные органические поражения мозга.

В дневнике занятий с Егором: «Какая музыка Егору нравится больше всего? Отложите, пожалуйста, диски с этой музыкой для занятий». Ответ: «Классика — Моцарт. Песни — Леонтьева, Баскова, Киркорова».

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Бабушка: «Вчера смотрели концерт по телевизору. Там сначала пела какая-то... как её зовут... короче, женщина какая-то. Егор никак не реагировал. А потом стал петь Басков — Егор прислушался... И вдруг как развеселится! Просто бесился! Потом снова женщина стала петь. И он успокоился. Вижу — опять не слушает».

Давно заметили, что мужское пение Егору нравится больше, чем женское. Наверно, потому, что низкие частоты он слышит лучше.

Несколько лет назад Егор перенёс операцию. После операции ему нельзя было ни стоять, ни ходить, и вообще перемещать его не рекомендовалось. К тому же после наркоза у Егора перепутались день и ночь. И вот я начала заниматься с ним после долгого перерыва. Егор сидел на своем стуле мрачный и сонный, а я пыталась придумать занятие, которое бы не слишком его раздражало. Может, вместе послушать музыку?

— Ирина, какой у Егора самый-самый любимый исполнитель?

— Валерий Леонтьев.

И вот несколько занятий подряд мы с Ириной ставили Егору диск Леонтьева. (Ирина говорила: «Егор, сейчас будешь дядю Валеру слушать!») Я выучила наизусть последовательность песен. Как сейчас помню: вечер. За окном темнота, холод и слякоть, зажигаются окна многоэтажек. Егор с мрачным видом сосёт палец. Я сижу напротив на диване. Из колонок звучит:

*Рыжая девочка пишет письмо
Рыжему мальчику девичьих снов...*

А я думаю: хорошо было бы, если б наши музыкальные вкусы больше совпадали...

Часть III. Частные уроки

Мы танцуем под песни, которые Егор любит. Он и сам умеет танцевать — очень ритмично качается и двигает головой и руками. Песня кончается — перестаёт танцевать.

Песни помогают обозначать время.

В начале занятия поём:

Привет, Егорка,
Привет, Егорка,
Я рада видеть тебя.

А в конце:

Незачем сердиться,
Нужно нам прощаться,
Нужно нам прощание,
Мы скажем «до свидания»...

Не знаю, как и что Егор слышит, когда мы поём, читаем ему стихи, комментируем действия.

Трудно сказать, почему он на что-то реагирует, а на что-то нет. Потому что не слышит? Потому что не нравится, и он уходит в себя?

Знаю только, что петь, двигаться под музыку, эмоционально говорить важно не только для Егора, но и для меня, для мамы, бабушки. Это создаёт общее пространство — ритмичное, радостное, Егор заражается нашим ритмом и нашей радостью, и мы уже не по отдельности, а вместе.

Музыкальные инструменты. Сколько мы всего переслушали и перепробовали: бубенцы, гитара, гусли, флейта-сопрано и флейта-альт, глиняный свисток, укулеле (маленькая гавайская гитара), синтезатор, бубны и барабаны...

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Я пыталась выяснить, какие инструменты ему нравятся, а какие нет, на что он лучше реагирует.

Любит слушать флейту — особенно ту, что пониже, флейту-альт. Любимая мелодия — «Пусть бегут, неуклюжи...» Под неё Егор почти всегда веселится. Наверное, потому, что мелодия быстрая и ритмичная.

Гитара — звук басовой струны. От него особенно сильная вибрация. Егор кладёт руку на плавный гитарный бок и чувствует, как он дрожит. Раньше ему было неприятно проводить рукой по струнам, слишком сильное ощущение, а теперь скорее нравится — Егор полюбил сильные ощущения.

На синтезаторе мы играем по очереди:

— Теперь моя музыка, слушай!

— А теперь Егор!

Когда я говорю «а теперь Егор», он нажимает на клавиши. Всей ладонью. Настраиваю синтезатор на разные звуки, особенно Егор любит глубокие, органнющие; ударные; вибрирующие — как сейчас помню, это номер 81 — Егору вообще нравится вибрация.

Почему важно играть по очереди?

По очереди — это сотрудничество. Надо уметь ждать. Слушать: Маша играет или перестала? Понимать речь: «а теперь Егор!»

Он учится чувствовать время по ритмическому чередованию временных отрезков, как учатся математике, нанизывая бусы: две синие, одна красная, опять две синие... Вот сколько всего спрятано в простой игре-по очереди.

Пробовали играть на синтезаторе ногами. Не очень понравилось (и Егору, и синтезатору).

Часть III. Частные уроки

Речь

Кэт: Чему бы вы хотели учить Элен сначала?

Анни: Сначала, в конце и между этим — всё время речи.

«Сотворившая чудо»

— Маша пришла. Егор будет слушать, думать... — так каждый раз говорит Ирина Егору, когда я прихожу.

«Контактные жесты» — жесты, которые показывают на теле собеседника-слушателя. Ирина берёт руку Егора и прикладывает к уху, потом к виску: слушать, думать.

И когда мы с Егором берём предметы из календаря, я тоже говорю и показываю жестами:

Егор — прикладываю руку Егора к его груди;

Будет — рука идёт вперёд;

Слушать — указательный палец дотрагивается до уха.

Очень грустно, но я думаю, что Егор никогда не научится говорить словами.

Но, конечно, свой способ общения у него есть.

Как он сообщает о своих чувствах и желаниях?

С помощью звуков и жестов-движений. Краткий словарь звуков, которые издаёт Егор, выглядит примерно так:

А-аааа! (с оттенком визга) — высшая степень веселья.

Пфффф... — более спокойная радость. Предшествует началу веселья.

Сложный звук, похожий на скрип — при этом его лицо кривится, и он начинает падать набок — гнев и недовольство.

Про то, что означают некоторые движения Егора, я писала в главке «Пространство». А вот ещё:

берёт папины руки и показывает, чтобы его взяли под мышки — хочет прыгать.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Губы трубочкой — пить.

«Когда он так делает, — пишу я в дневнике, берите его руку и показывайте жест «пить». Так он скорее поймёт и запомнит этот жест».

В общении с Егором участвует несколько знаковых систем. Про контактные жесты я рассказала. Два других способа общения — это устная речь и предметы-символы. Помню, Ирина в начале наших занятий сказала: «Может быть, он и плохо слышит, но мы всё равно с ним всё время разговариваем». Эмоционально разговаривать с ребёнком, комментировать действия — важно не только для ребёнка, но и для тех, кто с ним общается. Я знаю по себе, что это помогает держаться на радостной волне.

Постепенно я обнаружила, что Егор многое слышит. Понимает слова, которые часто говорятся:

— Егор, сок! — открывает рот.

— Топ, топ! — шагает. Перестаёшь говорить «топ-топ» — останавливается.

Мы этим всё время пользуемся. Например, идём мы в ванную. Я знаю, что Егор знает: остановились — нужно искать дверную ручку. И всё равно обязательно говорю: «Егор, открой дверь!»

Пусть знакомая ситуация и подсказывает ему, что делать, я всё равно говорю и спрашиваю:

— А где ботинок? Дай ботинок!

— Где дудочка?

— А теперь Егор играет!

И использую песенки, игры, где слово связано с действием.

Вот одна из любимых — «Репка».

Играем так.

Часть III. Частные уроки

Егор: лежит на диване.

Я: Посадил дед репку. Выросла репка большая-пре-большая... (руками Егора показываю, какая большая выросла репка) Стал дед репку тянуть... (тут я беру Егора за руку) Тянет-потянет... (начинаю тянуть Егора за руку, он, опираясь на другую, здоровую руку, приподнимается) — вытянуть не может! (отпускаю руку, Егор падает обратно на диван, но не пугается (если бы пугался, мы бы в эту игру не играли — а радуется).

И так — пока не вытянем репку.

Недавно я читала прозведение, которое меня потрясло: «История Маши: взгляд из Коврова». Это письма, которые пишет педагогам ЦЛП мама Маши, девочки с синдромом Ретта. *«У них не было возможности бывать в Москве достаточно часто, и Марина писала подробные письма, которые позволяли нам представить себе состояние Маши, видеть, чем наполнена ее жизнь дома, обсуждать эффективность занятий, предлагать какие-то изменения и делиться радостями и огорчениями».*

Мне очень понравилось Маринино выражение: «ярко говорить».

Для Егора очень важно, чтобы с ним «ярко говорили».

Напоследок — про предметы-символы. Кроме календаря, где каждый предмет обозначает определённую часть занятия, мы используем ещё выбор из двух предметов. Выбор — это тоже вид общения.

«Выбирай, во что ты хочешь играть?»

Научить Егора выбирать из двух предметов не так-то просто: он не видит.

Из моих записей:

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Иногда прошу выбрать между двумя любимыми инструментами: кладу перед Егором флейту и синтезатор и объясняю:

— Вот флейта. Послушай (играю).

— А это синтезатор. Послушай.

Кладу руку Егора сначала на флейту, потом на синтезатор:

— Что ты выбираешь?

Если Егор в хорошем музыкальном настроении, он может протянуть руку и найти то, на чём хочет играть.

Может быть, это случайность, и он берёт то, что под руку подвернулось? Не знаю. Даже если он пока не понимает, что такое выбирать, думаю, поймёт потом. Если будет продолжать этому учиться.

А вот как можно использовать осязательные предпочтения: я знаю, что Егору очень нравится трогать бумагу, а тесто — не очень, потому что липкое. Кладу его руку сперва на одно, потом на другое: «что тебе больше нравится?» Здесь помогает контраст: бумага — приятно, тесто — неприятно. Поэтому Егор задерживает руку на бумаге.

— Ты хочешь играть с бумагой?

Когда что-то делаешь вместе с Егором, очень важно спрашивать: тебе это нравится? Ты хочешь? Он не может ответить словами, но он довольно выразительно показывает «нравится» или «не нравится». Отдёргивает руку или задерживает. Улыбается или морщится?»

Из дневника:

«Егору не хочется играть с игрушкой, лежащей перед ним, он её отодвигает или пытается сбросить на пол.

— Не нравится. Нет, нет, нет. Убираем.

Часть III. Частные уроки

— Ты будешь играть? «Если нравится тебе, то сделай так...» — начинаю я петь.

Егор узнаёт игру и улыбается.

— Будешь играть. Да, да, да (я показываю Егору, как кивать головой). Как показываю? Приближаю свою голову к его голове и несколько раз киваю. Если попробовать положить ему руку на голову и нажать, чтобы кивнул, он будет сердиться».

Как я учу Егора говорить «ещё». Делаем что-то, что ему нравится. А потом пауза — я жду, покажет ли Егор, что хочет продолжения. Потянется ли рукой к игрушке? Будет ли искать мою руку?

Свет

Егор различает свет и тьму.

Видит язычок свечи, искры бенгальского огня, свет фонарика, мерцание светящихся игрушек — мячика, волшебной палочки.

Мы изучаем светящиеся предметы в тёмной ванной.

— Светлана Дмитриевна! — говорю я бабушке Егора, — когда я скажу, выключите свет!

— Свет! — кричу я.

— Слышу! — кричит бабушка и выключает свет.

«Сегодня делали свечку из вошинки. Вошинка — это такая восковая пластина. Пустые соты. Вошинка вкусно пахнет воском и легко гнётся. Свечку делать просто: вырезаешь из вошинки квадратик, кладёшь на него фитиль и скатываешь квадратик в трубочку. Получается свечка, которая хорошо горит и очень вкусно пахнет. Егору вошинка понравилась. Я положила руку на руку Егора, и мы

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

вместе скатали свечку: «покатили-покатили-покатили». Егор улыбался. Я убрала руку, и Егор некоторое время катил свечку сам. Пошли в ванную испытывать. Зажгли свечку. Я дала её Егору подержать. Он смотрел, не закрывал глаза. Хорошо пахло воском».

А ещё мы делали подсвечник в подарок маме — скатывали из солёного теста. Потом вставляли свечку, зажигали и смотрели.

Времена года и праздники бывают разные — и свет тоже разный:

«Сегодня был день рождения Егора — 11 лет. Я принесла 11 плавающих свечек. Налили воды в таз, выключили свет в ванной. Я зажигала свечки по одной и пускала их плавать. Егор смотрел».

«30 декабря: вместе украшали ёлочку <...>, повесили гирлянду. Выключили свет и со словами «раз, два, три, ёлочка, гори!» зажгли огни на ёлке. Я включила медленно переливающийся режим. Сначала Егор неподвижно сидел на диване — задумался. А потом протянул руку и потрогал ёлку. Колочая, щекочет ладонь. Заулыбался».

«Предновогодние занятия — в ванной вместо свечки бенгальские огни. Я стараюсь держать палочку подальше от Егора, чтобы в него не попала искра. Бенгальский огонь мало того что искрит интересно, он ещё и пахнет Новым годом. Мне кажется, Егору нравится. Я не уверена, что он улыбается огню, может быть, просто каким-то своим внутренним ощущениям, потому что руку протянуть не пробует (может быть, боится?) Но почему-то мне кажется, что ему нравится».

Это праздники. А есть наш всегдашний, «ритуальный» свет, обозначающий конец занятия. Свечка в маленьком подсвечнике-домике. Мы сидим на коврикe в тёмной ван-

Часть III. Частные уроки

ной и смотрим на свет в окнах домика. Иногда я медленно перемещаю домик вправо-влево, вверх и вниз. Если у Егора хорошее настроение, он протягивает к домику руку. Тогда надо следить, чтобы не трогал крышу: она нагревается раньше всего. Мы смотрим на свет, и я пою:

Ты, да я, да мы с тобой
В деревянном башмаке
При попутном ветерке
В море выйдем по реке,
А потом, а потом,
Море мы переплывём,
За море приедем,
Музыканта встретим...

Почему именно эта песня? Может, потому, что её пели в лагере ЦЛП на Валдае у костра. И мне хочется с Егором почувствовать то «вместе», которое возникает вечером у костра, когда слушаешь песню.

Люди

Разные.

Свои: мама, папа, бабушка.

Те, которые приходят часто: крёстная тётя Галя, Маша (я).

Те, которые приходят редко, но регулярно: патронажная медсестра, например.

Те, с которыми встречаешься только на даче: например Лиля.

Просто незнакомые.

В том, что Егор умеет различать людей, я убедилась очень быстро. Стоило мне в начале наших отношений

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

зайти в квартиру, как он засыпал. Только что веселился, сосал палец, визжал, я зашла — всё, спит. Чутьё просто поразительное: я даже не вошла в комнату, не поздоровалась, не дотронулась до него! Стоило уйти — просыпался и веселился как ни в чём не бывало. Причём он очень хорошо знал, когда и куда я ушла. Если я, пытаюсь перехитрить Егора, шла на кухню и притворялась, что меня нет, это не срабатывало. Спит.

А потом, слушая весёлые рассказы мамы и бабушки: «Представляешь, Маша, только ты вышла за дверь — он как давай веселиться!», я готова была кого-нибудь убить. Только вот кого?

Сонная борьба со мной продолжалась довольно долго. Её следы заметны и сейчас, когда мы делаем что-то для Егора неприятное. Он закрывает глаза и перестаёт на что-либо реагировать. Если общее состояние-настроение нормальное, я знаю, что делать: паузу. Дать Егору возможность осмыслить новое, переварить информацию. Потом я продолжаю, но в замедленном темпе. Уход — это защитная реакция и сигнал: «Я не справляюсь! Можно по-медленнее? Повторите, пожалуйста!» или «Мне это совсем не нравится. Я пока не готов это воспринимать».

А бывают дни, когда Егор всё занятие сонный и вялый. Или режим снова сбился, или недавно был эпилептический приступ, или погода меняется (Егор очень зависим от погоды), или просто «не его день». Все знают, что «бывают дни, когда опустишь руки, и нет ни слов, ни музыки, ни сил». И эти дни случаются не только у Егора, но и у меня. В такие дни я стараюсь не ставить великих задач. Смиримся с тем, что сегодня мы Ла-Манш не переплывём. Не каждый же день его переплывать.

Часть III. Частные уроки

Примем это. Побудем с этим. Не имеет смысла пробовать новое и развивать бурную деятельность. Просто будем вместе, послушаем музыку, сделаем что-то приятное и нетяжёлое — глядишь, и переживём этот день. А Ла-Манш отложим на следующий раз — на такое дело нужно вдохновение.

Я остановилась на том, что Егор умеет различать людей. (Кстати, я ещё не встречала ребёнка, который бы этого не умел, не отличал бы, скажем, своих от чужих.)

Очень долго (два с лишним года, а может, и больше), мне от этого его умения было мало радости. Стоило мне подойти к Егору, как он тут же делал «такое выражение лица, что не дай Бог» — как я писала в дневнике. Не любил заниматься и терпеть не мог меня. Было за что. Сейчас мне даже странно об этом вспоминать, так мы оба изменились, а было время, когда его улыбку на занятии я принимала как большой подарок.

Сейчас Егор радуется мне. Не всегда, конечно. Но как правило.

Вообще-то я не люблю писать о детях (и о ком бы то ни было, кто не я) от первого лица. Чужая душа — потёмки и т.д. Но иногда интересно и хочется. Можно что-нибудь новое понять. Попробую:

Люди

...разные.

Со всеми я общаюсь по-разному.

С разными людьми делаю разные вещи по-разному.

Например

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

С папой хорошо прыгать. Потому что у него руки сильные, чувствуешь себя уверенно: точно поймает. Больше я ни с кем прыгать не люблю. А стоит папе взять меня, я сразу беру его руку и тяну себе под мышку — показываю, что хочу прыгать.

С мамой хорошо ходить. Когда я чувствую, что меня ведёт мама, я сразу широко шагаю. На даче мы с мамой ходили так: она клала мои руки на ручки прогулочной коляски, и я толкал коляску перед собой. А с бабушкой не хочу ходить — чувствую, что у неё сил немного.

Зато мне очень нравится, как бабушка поёт. Тра-та-та та-та та-та. Маша, например, так не умеет, хоть и старается. А ещё у нас с бабушкой есть любимая игра. Я начинаю стучать по столу. Бабушка тоже стучит. Я стучу два раза — и бабушка два раза. Так мы разговариваем. Она перестаёт стучать — и я тоже перестаю. Иногда я первый начинаю стучать, а иногда бабушка. Больше ни с кем я в эту игру не играю.

Ем я тоже со всеми по-разному. Очень хорошо чувствую, кто меня кормит. С некоторыми людьми можно позволить себе подольше не глотать, поддержать еду во рту, а они пусть стоят с ложкой и ждут. Это весело. А с другими лучше этого не делать — могут таким голосом сказать, сразу всё проглотить. Правда, бывает, никому не удаётся заставить меня есть быстрее. Я никогда не ем и не пью с Машей. Даже если на занятии я захочу пить, и Маша предложит мне чашку, я пить не буду. Не её это дело — меня поить.

Что я делаю с Машей — это отдельный разговор, лучше она сама потом расскажет.

К новым людям я долго привыкаю. Если человек побаивается ко мне прикоснуться, я это сразу чувствую. Я не люблю неуверенных прикосновений, это как очень тихий

Часть III. Частные уроки

голос — непонятно, что человек от меня хочет и как ко мне относится. Но резких движений я тоже не люблю.

Я хорошо чувствую чужое настроение. Например, если Маша приходит ко мне расстроенная или очень усталая, я тоже мрачней. Когда она раздражается, даже если виду не подаёт, я тоже раздражаюсь. Зато если она весёлая, мне становится весело, и я с удовольствием с ней общаюсь.

Дети — не взрослые, это я знаю. С детьми мне интереснее. На даче у нас есть соседка Лиля, она со мной играет. Лилия мне очень нравится. Мне с ней проще, чем со взрослыми, я чувствую, что она больше похожа на меня, чем они. Иногда Лилия с подружками устраивают на нашем участке концерты и всех соседей приглашают. Я тоже слушаю и веселюсь.

Иногда Маша приводит ко мне своих друзей, чтобы их со мной познакомить. Лучше всего я знаю Сашу, она всегда со мной много разговаривает. Правда, Саша уже давно ко мне не приходила, и я начинаю её забывать. Ещё я немножко помню Катю. Когда Катя пришла ко мне в первый раз, я растерялся, потому что не ожидал, что вместе с Машей ещё кто-то придёт. Поэтому я притворился, что очень хочу спать. Тогда Катя пошла на кухню. Я почувствовал, что она не совсем ушла, но решил проснуться. Когда я развеселился и забыл про тревогу, Катя вернулась в комнату, и мы неплохо пообщались.

P.S. про Деда Мороза

Конечно, это только то, что я знаю. Родные Егора могут вспомнить тысячи историй про его отношения с людьми. Это очень интересно и важно: краткие и незначительные на первый взгляд встречи. Можно наблюдать и пытаться

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

понять, что Егору нравится в людях. Врач в поликлинике, массажистка в санатории, патронажная медсестра — с каждым общением происходит по-разному. Например, на Новый год к Егору по очереди пришли два Деда Мороза (из двух разных организаций). Один Егору явно понравился, а другой нет, хотя оба провели в квартире минут по пять, не больше. Почему не понравился первый, точно не знаю, я его не видела, но бабушка Егора сказала, что этот Дед Мороз явно чувствовал себя не в своей тарелке. А второго Деда Мороза я видела. И он понравился не только Егору, мне тоже. Он говорил низким дедморозовским голосом: «Ну здравствуй, здравствуй, Егор...» (представили себе, да?) Послушал стихотворение про снег, которое мы вместе прочли: я читала, Егор с моей помощью показывал руками, как снег падает. Дал потрогать свои пушистые рукавицы — Егору они необычайно понравились. Зажег вместе с нами ёлочку. Короче, вёл себя, как обычный Дед Мороз, пришедший к обычному ребёнку. И даже не очень важно, **что** Егор услышал, увидел и понял.

Сложно сказать, верю ли я в Деда Мороза. В такого, каким его обычно изображают, не верю. А в новогоднее волшебство верю и допускаю, что есть некое существо — то ли ангел, то ли ещё кто-то, — которое этим волшебством управляет. И этому Существу все равно, видит или нет человек, к которому оно приходит, потому что большинство зрячих его, Существо, как раз и не видит. Но все чувствуют.

Вот почему я обязательно справляю вместе с детьми все праздники, какие только можно: Новый год, Рождество, Пасху, 8 Марта, дни рождения, праздник осени, праздник лета, праздник воздушных шаров, праздник света. Празд-

Часть III. Частные уроки

ники ощущаются не только органами чувств (уксусный запах Пасхи, бенгальские новогодние огни), но и тем, что глубже. Душой. Поэтому они лечат.

И последнее

Егор. Мы с ним знакомы четыре года, и я льщу себе надеждой, что за это время я немного его узнала. И он мне нравится. Не все дети — и не все особые дети — мне интересны и симпатичны. Тут работают какие-то общие законы совместимости-несовместимости. Не со всеми ты можешь найти общий язык, не со всеми сможешь работать. Я уважаю Егора, как уважаю многих сильных, жизнерадостных, своенравных, упрямых, резких, непредсказуемых людей с ярко выраженными симпатиями и антипатиями и хорошо развитым чувством собственного достоинства. На вопрос, почему я его люблю, я ответить не могу.

Из письма:

«Я несу ему мои радостные впечатления, те, которые он может понять тоже — новогодние огоньки, свечку, которую мы вместе лепим из вощины, рождественские песни, сухие листья осенью. Я помню, как вместе мы делали первые шаги босиком по тёплой земле, как трогали мокрые от росы листья смородины. Егор, взлетающий на качелях под моё громкое говорение стихов, Егор, стоящий на песке, который мы с Сашей притащили с залива, отчаявшись (то погода, то болезнь) притащить — к заливу Егора. Я знаю, что эта радость зависит не от результатов. Что из меня плохой педагог, потому что мне (честно!) ПЛЕВАТЬ, научится ли Егор ставить кубик на кубик. Мне

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

хочется дать ему весь мир. Чтобы он слышал песни, чтобы его радовало мерцание огней, чтобы ему так же, как мне, хотелось погладить мокрые от дождя деревья.

Прошло много лет, целых четыре, как же нам было трудно! Как мне было трудно учиться! Как трудно понимать, слушать, не торопиться! Как трудно и сейчас!..»

* * *

...Дождь. В кухне всё составлено в один угол, окно распахнуто. День мытья окон. Стекло под газетой поёт. Обращаю внимание на привычное ощущение: горячий, но уже не обжигающий чайный пакетик в руке. Через две секунды я его выброшу, но пока он на ладони — горячий, тяжёлый.

В Солнечном нет электричества. Говорят, где-то пробит кабель. Иду к Егору. По дороге от станции набиваю карман сумки сосновыми шишками, одуванчиками и серёжками неизвестного дерева. На даче сумрачно. Бабушка Егора время от времени порывается включить свет, вспоминает, что электричества нет и тихо ругается. Егор лежит на кровати. Он не в духе. Я знаю, что обещает нам это занятие. Он не будет сердиться — просто отключится, уйдёт далеко-далеко, в края, мне неизвестные.

— Знаешь, Маша, — говорит мне его бабушка, — ты про Егора написала, что он сосёт палец. А он его не сосёт. Он его закладывает между зубами и поворачивает туда-сюда.

Это важно. Нужно исправить.

Начинаем. Я не тороплюсь — знаю, если делать большие паузы, на время оставлять его в покое, он возвращается. Поднимает голову. Медленно поворачивает её вправо,

Часть III. Частные уроки

влево. Опускает, поднимает. Думает: стоит ли возвращаться? Потом угол рта вздрагивает. Улыбается. Вернулся.

Но сегодня всё сумрачно. Иногда занятия с Егором напоминают мне пасмурное небо, пронизанное столбами света. Сегодня — просто пасмурное небо. Старая дача под дождём, да ещё и нет электричества. Я расстраиваюсь? Нет. Я принимаю этот день. Он тоже важен.

* * *

Мы с твоим тёзкой сидим на широких качелях.

— Давай, Егор, летать. Мы летим сначала над камнем, потом над крышей, над деревьями, над птицами, над облаками, над звёздами...

— Летим на камень... на крышу... на деревья... на небо...

Если бы ты знал, как я торопилась домой, бежала под дождём, чтобы скорее написать тебе. Как заставила себя — в таких делах нельзя торопиться! — сперва пришить пуговицу к летнему платью. Пуговица маленькая, светло-лиловая. Пришивала, и у меня дрожали руки.

Ты сейчас живёшь на даче, а я приезжаю к тебе по выходным. Дача для тебя — запахи старого дома: печки, сырости, еды, которая готовится на плитке. Запахи улицы: листьев, травы, дождя, дыма. Длинные прогулки в коляске: ты засыпаешь, просыпаешься и снова засыпаешь, коляска чуть покачивается и подпрыгивает на неровном асфальте.

Я верю в чудо передачи: я расскажу тебе о том, что ты не можешь узнать и прожить, но — я верю в это, иначе всё было бы незачем — можешь почувствовать, потому что я изо всех сил хочу, чтобы ты почувствовал.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Вчера я впервые в жизни увидела белые одуванчики, отяжелевшие от дождя. Дуешь на них, а они не разлетаются. Раньше я никогда не обращала на них внимания. Зато помню необыкновенных радужных жучков, которые появлялись только в дождь. Они сидели на листьях цветущей крапивы. Это было чудо. Всё моё письмо будет о чудесах.

Вчера я зашла в детдомовскую прачечную за стиральным порошком, и тут меня осенило: стиральный порошок! Вот чем пахло в синем магазине под горой! Там продавались всякие сокровища: крошечные пластмассовые слоники, искусственные цветы, колечки с разноцветными камушками. Я мечтала о колечке, и мне его купили. Кажется, с зелёным камушком.

Чудо всего летающего: мыльные пузыри, не готовые, в баночке, а настоящие, когда разбалтываешь в мыльнице стружки хозяйственного мыла и осторожно расщепляешь конец соломинки. В розовом донышке мыльницы вырезан цветок, сквозь него видно другое донышко, белое. Большие пушинки, которые появляются в конце июля. Осторожно ловишь их, стараясь не помять, и снова отпускаешь. Божья коровка, полети на небо, принеси нам хлеба. Велосипед.

И плавать — это тоже летать, тоже чудо. Дно — это земля, ты отталкиваешься и поднимаешься вверх. Страшные тёмные канавы, у которых дна нет, и пахнут они прошлой осенью, которой тоже нет. Похоже на смерть. В этих канавках мы топим игрушки. Чувство невесомой жути, когда какую-то часть себя отправляешь в *НИЧТО*. Самое главное чудо в том, что в жару канавы высыхают, а игрушки, которые мы находим на дне, уже совсем другие: они побывали на том свете.

Часть III. Частные уроки

Глубокая-глубокая земля, в которую закапываешь клады. Тайники, выложенные стёклышками. Если долго рыть яму на пляже, докопаешь до залива. Это — нижний залив, он на глубине сообщается с верхним, который мы видим. Сверху набросали песка, а внизу вода. Вода, вода, вода, а потом сразу земное ядро — огонь. Раскопки у забора. Мы нашли монетку, такую ржавую, что почти нельзя разобрать, что на ней написано. Наконец прочитали: 1913 год.

Величайшая драгоценность — кварц. Камень — а прозрачный. А стеклышки, которые считаются драгоценными, наоборот, непрозрачные, обкатанные заливом. Всё наоборот. Почему паданцы падают? Потому что внутри у них — драгоценные камни, которые мешают яблокам расти дальше.

Твой тёзка спросил у мамы:

— Помнишь, как мы вчера ехали на дачу?

— Что ты, мы вчера куда не ехали! А, ты хочешь сказать — в прошлом году?

Янтарь — это смола, которая много тысяч лет пролежала в земле, потом в море. А если набрать смолы и закопать в землю, а следующим летом откопать, и ещё на год положить на дно залива, получится янтарь?

В доме находишь прошлогодние вещи. Прикоснуться к ним страшновато: они знают зимнюю дачу. Тоже будто вернулись с того света.

Если собрать лепестки всех-всех цветов, которые только есть в Зеленогорске, и засушить, то в далеком будущем, зимой, можно будет потереть лепестки в ладонях — и получится порошок, который исполняет любое желание.

В матовый флакончик из-под духов собираю лето: цветы, листья, немного земли, золу из печки. Августовской ночью оставляю флакончик на улице — ловить звёздный свет.

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

Много лет назад тут была Финляндия, а в нашем доме — финская конюшня. Ночью слышно, как по крыше пробегают финские лошади. Вечером что-то протяжное и неразборчивое говорят голоса на железной дороге — наверное, по-фински: это призрачные голоса тех времён, когда дорога была финская.

Огонь: печь-голландка, у тебя на даче тоже есть такая. Верхний мир — там, где горит огонь, а потом огонь проваливается вниз, и оттуда бабушка выгребает золу. Костёр, для которого целый день собираю хворост — тоненькие веточки с обочин дороги. Костёр — это август.

Огонь: горят торфяники. Значит, всё, лету конец.

Перевернутый мир

Хожу по дому с зеркалом. Осторожно обхожу лампы, в дверном проёме задерживаю дыхание и шагаю в небо. Если свеситься с кровати и несколько минут повисеть вниз головой, тоже окажешься на потолке. Или на стене — сможешь вертеть комнату, как хочешь.

Летний город, откуда по выходным приезжает мама, тоже перевернутый мир. Мне нужно к зубному врачу, и мы едем на день в город. Его как бы и нет — он был в мае и будет в конце августа. Всё незнакомое: запахи, горячая пыль, очень холодные плитки пола в подъезде.

Знаешь, Егор, прошлым летом я поймала себя на мысли: неужели я живу летом в городе, как взрослые?

Превращения

Одуванчики, насаженные на палочку, — это балерина. Стебель нужно очень аккуратно разделить на волокна — это волосы. Если окунуть их в воду, они завьются. Уточка

Часть III. Частные уроки

из двух шишек. Закрытая шишка — голова. Чтобы шишка закрылась, её тоже нужно положить в воду.

Если долго тереть ягоду шиповника о камень, сначала одной стороной, потом другой, шиповник сотрётся до колечка. Свисток из акации. Чудо: из ниоткуда получается звук. Прячу свисток в тайник. Тайник я проковыряла под потолком в рыхлой штукатурке. Назавтра вынимаю — свисток засох, свернулся спиралькой. Огромное счастье — найти глину, выковырять из неё травинки и крупные камушки. Глину можно превратить во что хочешь, и если эту вещь обжечь в печке, она так навсегда и останется. Но глина всё-таки трескается и бьётся, — вот если бы знать такое заклинание, чтобы делать камень мягким! Слепить что хочешь, а потом опять сказать заклинание, и он затвердеет.

Жизнь

Хочется своё животное. В городе у нас есть собака и кошка, но они не мои, а мамы и Глеба, а я хочу, чтобы было только моё. Летом вокруг столько всего живого — бери кого хочешь: улитку, жука-плавунца, заплывшего в дождевую бочку во время грозы, головастиков (у нас им ни разу не удалось дорасти до лягушек). Мечта: поймать в заливе рыбу. Мальков сотни, и они прямо между ладонями, но поймать невозможно. Вспомнила то, что тысячу лет не вспоминала, — ловушку для птиц. Мы сделали её из бельевой корзины. К открытой крышке приделали приманку. Каждое утро я шла к ловушке с колотящимся сердцем: открыта крышка или захлопнута? Кажется, захлопнута. Неужели... Но корзина всегда оказывалась пустой.

Смерть: задушенный птенец, найденный в ложбинке между двумя деревьями. Хороним его возле заднего за-

Мария Беркович. **Нестрашный мир**

бора. Мёртвую собаку мы видели на дорожке у болота, и говорят, будто в камышах каждую ночь бродит её призрак. Боюсь там ходить.

Заброшенный дом на Госпитальной улице. Пол местами провалился. Здесь жили люди, теперь не живут. А где они? Я ничего не могу понять. Вдруг в углу замечаю круглую печку, и меня окатывает ужасом: она такая же, как у нас. Значит, и с нами *это* может случиться?

Лето: выйти на улицу, испачкаться травой, землёй, песком, промочить ноги, походить босиком, поесть черники, малины, земляники, выплюнуть кислую ягоду, обжечься крапивой, загореть, испугаться лягушки, заблудиться, разлепить склеенные смолой пальцы, сделать свисток из акации, вытащить занозу, брызгаться, в первый раз надеть сандалии, войти в прохладную комнату с жаркой улицы...

Всё, что я хочу принести тебе, о чём думаю, идя к тебе от станции, приходит из моего лета, когда мы жили в Зеленогорске и я была младше, чем ты сейчас. И одуванчики, которые я срываю, чтобы показать тебе, оттуда. И круглые станционные камушки.

Если я очень сильно захочу, то смогу пронести моё лето в твой замкнутый мир. Мне очень сложно объяснить, понимаешь, это самое главное: чтобы ты мог разделить со мной моё лето.

2004–2009

Содержание

<i>Любовь Аркус. О Маше Беркович</i>	5
Кабинет французского	8
Часть I. «Письма с Онеги»	13
Часть II. «В городе N»	
Глава 1. Нестрашный мир	109
Глава 2. Следы присутствия	133
<i>Три рассказа про надежду</i>	139
Глава 3. Вопросы: свои и чужие	155
Часть III. «Частные уроки»	175
Нина Евсеевна	177
Андрей Андреевич	183
Гриша	187
Семь зачеркнуто, восемь в круге	194
Пешеход	208
Егор	240

Литературно-художественное издание

**БЕРКОВИЧ
Мария Борисовна**

НЕСТРАШНЫЙ МИР

Ответственный редактор
Анастасия Власова
Компьютерная верстка
Светланы Бондаренко

Подписано в печать 28.09.2009
Формат издания 84x108 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,12. Тираж 2000 экз.
Заказ № 1170

Издательство «Сеанс».
197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., 10.
Тел.: (812) 237-08-42, факс: (812) 232-49-25.
E-mail: info@seance.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография Правда 1906».
195299, Санкт-Петербург, Киришская ул., д. 2.
Тел.: (812) 531-20-00, 531-25-55.